В.Л. Телицын

МАРШАЛ ГОВОРОВ

Путь русского офицера

В.Л. Телицын

Маршал ГОВОРОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Маршал Говоров был одним из видных военачальников Советского Союза. Судьба маршала была яркой и удивительной. Недолгая служба в белой армии и затем блестящая карьера в Красной армии, преподавательская деятельность и, наконец, успешное командование в годы Великой Отечественной войны армией и фронтами принесли Л. А. Говорову звание Маршала Советского Союза.

Войска под командованием Л.А. Говорова отличились при обороне Москвы, деблокаде Ленинграда, освобождении Эстонии и принудили Финляндию к выходу из войны.

Книга В.Л. Телицына рассказывает о судьбе маршала, о его взлетах и неудачах, о том, как он жил и сражался в годы войны.

- В.Л. Телицын
  - ОТ АВТОРА
  - ПЕРВЫЕ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ
  - 1941-й: ОГНЕМ И МЕЧОМ
  - 1942-й: ОТ МОСКВЫ ДО ЛЕНИНГРАДА
  - ПЕРЕЛОМ
  - САМЫЙ ТЯЖЕЛЫЙ ГОД
  - ПОБЕДНЫЙ СОРОК ПЯТЫЙ…
  - ЛИТЕРАТУРА
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61

- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60

- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104

- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148

- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192

- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236

- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255

В.Л. Телицын
МАРШАЛ ГОВОРОВ

ОТ АВТОРА

«Есть такая профессия — родину защищать», — фраза эта стала «крылатой» (только бы не банальной), и в этом нет ничего удивительного: пока существует государство, будет существовать армия, офицерский корпус, сохраняться (и возрождаться) вековые военные традиции.

* * *

Красная кладка Кремлевской стены, черный гранитный квадрат, надпись золотом: «Леонид Александрович Говоров». Годы жизни: 1897—1955. Немного… Но в эти пятьдесят восемь лет уместились даже с избытком: три войны, блестящая военная карьера — от подпоручика до маршала, поражения и победы, отступления и наступления, оборона и штурмы городов. И при этом умение сохранить тонкость души: любовь к прекрасному — к музыке, поэзии, живописи. Солдафонского в нем, кажется, ничего не было, скорее — что-то от профессора математики, и офицерской бравости никакой: при высоком росте заметная сутулость (много времени проводил за письменным столом). Его любили солдаты, уважали офицеры, ценило начальство, боготворили сыновья. Врагов он, по-моему, не нажил. Даже те, кому пришлось услышать от него какие-то не очень приятные слова (особенно в послевоенный период, когда единственный советский генералиссимус Сталин стал «закручивать гайки», боясь появления новых «декабристов» в военной среде), понимали, что строгость его идет от должности, а не от души. Его всегда отличали взвешенность и уравновешенность в оценках и обобщениях, в характеристиках и поступках. Иного и не могло быть, он — плоть от плоти русских интеллигентов, волей судеб оказавшийся на военной службе…

И не случайно Алесь Адамович, талантливый, но рано ушедший из жизни писатель, так говорил о Говорове: «Ленинграду повезло. Им командовал человек интеллигентный. Это редкое явление».

Повезло тем, кто служил с Леонидом Александровичем на одном — Ленинградском — фронте, у Говорова было чему поучиться. «Повезло» и тем, кто на поле боя смог «скрестить шпаги» с Говоровым и на практике понять, сколь серьезен он как полководец. Говоров всегда оставался профессионалом и требовал этого от других.

Именно поэтому мы даем в подстрочнике огромное количество биографий: и советских, и германских военачальников, чьи пути пересекались с дорогами Леонида Александровича Говорова.

Жизнеописания последних дают возможность сопоставить основные вехи их служебной карьеры с карьерой Говорова: много общего и особенного, выпукло выражены и причины говоровского успеха: стремление к получению и обобщению знаний, самообразование, настойчивость, напористость, выдержанность. Биографии военачальников позволяют представить, как могли бы сложиться жизнь и карьерный рост Леонида Александровича, не уйди он из жизни так рано…

ПЕРВЫЕ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Леонид Говоров родился 10 февраля (по старому стилю) 1897 года в деревне Бутырки Вятской губернии в крестьянской семье. Правда, его отец, ища возможность прокормить все увеличивающуюся семью (четверо сыновей), расстался с крестьянским трудом, зарабатывая средства к существованию бурлачеством, службой в пароходной компании купцов Стахеевых (в Яранске), а затем и письмоводителем в Елабужском реальном училище. Последнее место службы определялось еще и тем, что небольшое жалованье компенсировалось возможностью бесплатного обучения в том же реальном детей.

Правда, в аттестате о среднем образовании Леонида Говорова указывалось: «Дано сие ученику дополнительного класса Елабугинского реального училища, сыну чиновника Леониду Александровичу Говорову, православного вероисповедания, родившемуся в тысяча восемьсот девяносто седьмом году февраля девятого[1] дня, в том, что он… при отличном поведении освобожден от испытаний. За время обучения в дополнительном классе показал следующие успехи: в Законе Божьем — отличные, русский язык — отличные, немецкий язык — отличные, французский язык — отличные, арифметика — отличные, алгебра — отличные, тригонометрия — отличные, специальные курсы (основания аналитической геометрии, анализа бесконечно малых) — отличные, история — отличные, естествознание — отличные, физика — отличные, математическая география — отличные, рисование — отличные, законоведение — отличные»{1}.

В 1916-м Леонид поступает на кораблестроительное отделение Петроградского политехнического института. Это столичное учебное заведение было известно своими педагогическими кадрами, прекрасной базой и выпускниками, снискавшими славу на службе своей стране.

Проучиться удалось всего лишь семь месяцев. Уже два с половиной года как Россия втянута в мировую войну, и мало-мальски здорового молодого человека государство призывало «под ружье». Не избежал подобного и Леонид Говоров, в декабре 1916-го его призвали на военную службу. Ему, правда, повезло. Он попал не в маршевые роты, а… в знаменитое Константиновское артиллерийское училище. Полгода учебы, погоны подпоручика и назначение на службу (мортирная батарея) в далекий Томск. Развал русской армии после Октября 1917-го, казалось, ставит «крест» на дальнейшей судьбе Говорова. Он

уезжает к родным в Елабугу, где устраивается на службу в кооператив и со стороны наблюдает за тем, что происходит в стране. Но остаться «в стороне» не удается. Осенью 1918-го в Елабугу входят белогвардейские части и Леонида, как бывшего офицера-артиллериста мобилизуют, отправив служить во 2-й Уфимский корпус армии адмирала А.В. Колчака.

В белой армии Говоров отслужил почти год, до осени 1919-го, когда стало ясно, что Белое дело на Востоке России близко к краху, и из частей и подразделений в массовом порядке стали дезертировать младшие офицеры и стрелки. Оставил свою батарею и Говоров, вместе с несколькими солдатами он добирается до Томска, где, благодаря своим старым связям, переходит на «нелегальное положение», пережидая смену власти. 22 декабря 1919 года в город вступают части Красной армии, а в январе 1920-го Говоров зачислен в 51-ю стрелковую дивизию, которой командовал Василий Блюхер.

Вместе с дивизией Говоров отправляется на Южный фронт, где участвует в кровопролитных боях на Каховском плацдарме в августе 1920 г. Здесь, под хутором Тернии, части Красной армии подверглись танковой атаке (едва ли не единственный случай за всю Гражданскую войну). Двенадцать бронированных машин — «Верный», «Генерал Слащев», «Великая Россия», «Генерал Кутепов», «Фельдмаршал Кутузов», «Генералиссимус Суворов», «Генерал Скобелев», «Атаман Ермак», «За Русь Святую», «Тигр», «Степняк» и «Уралец» — пытались сбросить красных в Днепр. Атака не удалась, на поле боя остались почти все танки: некоторые из них горели от прямого попадания снарядов, другие, получив серьезные повреждения, были подорваны самими танкистами, третьи — брошены на «милость победителям».

В составе Перекопской ударной группы (15-я, 51-я и 52-я стрелковые дивизии) Говоров участвовал в форсировании Сиваша. Два ранения и орден Красного Знамени (за номером 2511) остались на память о тех боях.

* * *

Гражданская война закончилась, Красная армия сократилась с пяти миллионов до 500 тысяч, однако Говоров все же решил остаться «в строю», расставшись со своими юношескими мечтами о кораблестроении.

Остался он в той же дивизии, в составе которой воевал на Крымском полуострове в 1920-м. Но в мирное время его природные таланты, скрупулезность, напористость и стремление

докопаться до первооснов профессии были сразу же замечены и оценены. В 1924-м он уже командовал артиллерийским полком, входившим в состав дивизии. «Рабочий день командира не нормирован, — вспоминали его сослуживцы. — Рано звучит в казарме сигнал “Подъем” и много часов спустя “Отбой”. И этот отрезок времени заполнен до отказа. Чтобы выкроить часок-другой для самообразования, Говоров, установил для себя строжайший режим. Изучал до тонкостей новые боевые уставы пехоты, кавалерии, артиллерии, броневых сил. Старательно штудировал капитальные труды А.И. Верховского «Общая тактика»[2], Н.С. Сапожникова «Тактика артиллерии», С. Михеева «Техника и тактика танков», работы выдающихся полководцев М.В. Фрунзе, С.С. Каменева, М.Н. Тухачевского. С увлечением читал мемуары В.А. Антонова-Овсеенко и Г.Д. Гая{2}.

Буквально пять лет службы, и Говоров заставил говорить о себе как о серьезном специалисте, волевом и энергичном командире, прекрасном товарище. Его уважали сослуживцы и подчиненные — все, с кем приходилось ему сталкиваться на службе. Документы, хранящиеся в личном деле Л.А. Говорова, скупо, но совершенно точно характеризуют его деловые и политические качества. Вот отдельные выдержки из них.

1925 год. «По должности помощника командира легкого артиллерийского полка Пятьдесят первой стрелковой дивизии показал себя — по строевой части — во всех отношениях весьма способным командиром. Обладает сильной волей, энергией, инициативой. Техническая подготовка как артиллериста безукоризненна, Дисциплинирован и умеет поддерживать дисциплину у себя в полку. Общеобразовательная подготовка отличная».

1925—1926 годы. «По должности командира артиллерийского полка: К проходимому теоретическому курсу относится с полным вниманием, усваивает его хорошо. В тактическом отношении является отлично подготовленным и во всякой обстановке умеет разобраться. Склонен к самостоятельному принятию решений без боязни ответственности. Политработу может вести самостоятельно… Характер ровный, спокойный, серьезный. Наиболее склонен к строевой артиллерийской работе. Для старшего общевойскового начальника явится надежным сотрудником и ценным помощником».

«Однажды, — вспоминал Г.Н. Дегтярев, тоже командир полка 51-й стрелковой дивизии, — случилось такое, что всех нас удивило. Руководить сбором назначили командира артполка Перекопской дивизии, равного по положению всем нам.

Некоторые участники сбора, не стесняясь, вслух выражали скептическое отношение к новому руководителю. Через несколько дней превратное отношение к Говорову резко изменилось. “Перекопец” оказался с завидной начинкой. Командиры артполков, словно зачарованные, слушали содержательные лекции Говорова, отличавшиеся глубиной и ясностью мыслей, новизной высказываний по теории и практике артиллерийского дела».

В характеристике был «опущен» лишь один факт: в 1926 году Говоров был награжден орденом Боевого Красного Знамени РСФСР.

1927 год: «Развит хорошо. В тактическом отношении подготовлен отлично и во всякой обстановке умеет разобраться. Склонен к самостоятельному принятию решений, без боязни ответственности… Наиболее подготовлен к строевой артиллерийской работе. Для старшего общевойскового начальника явится надежным сотрудником и ценным помощником».

1931—1932 годы. «По должности начальника артиллерии укрепленного района… показал практические и теоретические знания артиллерии и общей тактики отличные. Отлично знает огневое дело и методы точной стрельбы… Требователен к подчиненным, но вместе с тем чуток и внимателен. Хороший организатор. Беспартийный, но политически развит хорошо, активен в марксистско-ленинской самоподготовке. В общественной работе был образцом».

1934—1935 годы. «По должности начальника артиллерии 15-го стрелкового корпуса много работал над повышением боевой подготовки артиллерийских частей корпуса, что дало возможность иметь артиллерию корпуса подготовленной хорошо… грамотный артиллерист, хорошо знает все рода войск… быстро ориентируется, быстро принимает решения… Подлежит выдвижению на должность начальника артиллерии округа»[3].

Еще одна черта, выделявшая его среди командного состава: он постоянно учился… В конце 1920-х гг. Говоров окончил курсы усовершенствования командного состава, оперативный факультет Академии имени М.В. Фрунзе, а в 1933-м — заочно прослушал полный курс этой же академии, параллельно изучал немецкий язык, сдав экзамен в требованиях, предъявляемых военным переводчикам. В 1936 году комбриг Л.А. Говоров стал слушателем Академии Генерального штаба. Однако окончить академию он не успел. За полгода до выпуска из нее, в 1938 году, Говорова назначили преподавателем тактики в Артиллерийскую академию имени Ф.Э. Дзержинского.

Казалось, закономерный ход вещей: недоучившись в Петроградском политехническом, Говоров стремительно наверстывает упущенное, исподволь двигаясь к своему, быть может, настоящему призванию — преподаванию в высшем учебном заведении. Конечно, в 1930-е годы речь шла уже о военном вузе, об обобщении и передаче накопленного Говоровым опыта как артиллериста. В 1939 году вышел в свет его первый научный труд, посвященный роли артиллеристов при прорыве укрепленного района. Исследование, конечно, специального плана, но красной нитью сквозь весь труд проходит одна важная идея, которую Леонид Александрович настойчиво проводил и в академической аудитории: «У нас, артиллеристов, не должно быть и малейшей ошибки. Даже укол на планшете необходимо делать еле заметным, пользоваться твердым, остро отточенным карандашом. Отклонение на одну десятую миллиметра приводит к большому разбросу снарядов, к промедлению поражения разных, иногда очень опасных целей»{4}.

Уже вскоре после начала преподавательской деятельности Говоров временно был назначен начальником кафедры тактики. По воспоминаниям генерал-полковника Л.М. Сандалова[3], Леонид Александрович заметно выделялся из окружающих его преподавателей кафедры: «Высокого роста, темный шатен с волевым лицом, серьезный, всегда подтянутый и безупречно одетый, Леонид Александрович Говоров пользовался… большим авторитетом. Он держался несколько особняком, в разговорах на бытовые, повседневные темы участия не принимал, и даже его присутствие при таких разговорах несколько стесняло собеседников. Однако неразговорчивый Говоров мгновенно преображался, когда разговор заходил на военные или военно-политические темы. Говорил он тогда с воодушевлением, буквально чеканя слова своим несколько глуховатым голосом. Его суждения часто были резки, но в логике ему нельзя было отказать»{5}.

Сандалов подчеркнул ту главную черту говоровского характера—внутреннюю цельность, которую в первую очередь подмечали все, с кем Говорова сталкивала судьба{6}.

В 1940 году как ценный специалист, исследовавший проблему преодоления войсками укрепленных районов и имевший глубокие знания по тактике артиллерии, Леонид Александрович был отправлен в действующую на советско-финском фронте армию, где принял командование артиллерией 7-й армии.

Один из участников той, ставшей уже по-настоящему легендарной, войны, К.С. Москаленко[4], много лет спустя

записал в своих мемуарах:

«Особенно сблизились мы [с Л.А. Говоровым] во время войны с белофиннами в 1939—1940 гг., когда нам довелось опять служить вместе. Помню, он уже тогда, возглавляя штаб артиллерии 7-й армии, показал себя талантливым военачальником.

Это ему принадлежала идея поставить на прямую наводку для стрельбы по дотам как можно больше орудий, в том числе и крупного калибра. Его деятельность способствовала успешному прорыву линии Маннергейма. Хотя Леонид Александрович внешне мог показаться несколько замкнутым и угрюмым, в действительности это был человек большой души, верный товарищ»[{7}].

Орден Красной Звезды и воинское звание «комдив» — так были отмечены заслуги Говорова во время Советско-финской кампании. В том же, 1940 году при переаттестации ему было присвоено звание генерал-майора артиллерии и поручена должность заместителя генерал-инспектора Главного артиллерийского управления Красной армии. Еще одна «ступенька» в служебной карьере. Но и за письменным столом в Главном артиллерийском управлении Леонид Александрович оставался прежним: «Малоразговорчивый, суховатый, даже несколько угрюмый с виду, Говоров производил при первой встрече впечатление, не очень выгодное для себя. Но все, кто служил под началом Леонида Александровича, прекрасно знали, что под этой внешней суровостью скрывалась широкая и добрая русская душа», — это из воспоминаний ответственного работника Генштаба РККА С.М. Штеменко[{8}].[5]

В конце 1940-го в Москве проходило совещание высшего командного и политического состава Красной армии. Среди других выступил и генерал-майор артиллерии Л.А. Говоров. Изложив итоги боевых операций по преодолению долговременных сооружений линии Маннергейма, но остановился и на перспективах использования артиллерии в будущих военных конфликтах.

Полгода спустя Л.А. Говоров получил назначение на пост начальника Артиллерийской академии имени Ф.Э. Дзержинского. Он мало что успел сделать, спустя три недели началась Великая Отечественная война. О преподавании пришлось забыть. Время требовало иного: применить все свои знания на практике, на поле боя…

1941-й: ОГНЕМ И МЕЧОМ

В своей автобиографии Л.А. Говоров предельно кратко писал: «С начала Отечественной войны и до октября 1941 года находился на Западном фронте последовательно начальником артиллерии Западного направления, Резервного фронта и Западного фронта»[9].

Па Западный фронт Говоров прибыл 22 июля. В тот день войска противовоздушной обороны отразили первый налет германской авиации на Москву.

К 20 числам июля Западный фронт растянулся от Гомеля на юге до Полоцка на севере, но под мощными ударами немецких танков он день за днем откатывался все дальше на восток, не имея возможности прочно зацепиться за какой-нибудь мало-мальски удобный рубеж. «Не повезло» фронту и с его руководством, обвиненным в… трусости, развале боевых частей. Решением Военной коллегии Верховного суда за поражение войск Западного фронта к расстрелу были приговорены командующий Западным фронтом генерал армии Д.Г Павлов, начальник штаба генерал-майор В.Е. Климовских, начальник войск связи генерал-майор войск связи А.Т. Григорьев, командующий 4-й армией генерал-майор А.Л. Коробков[6].

Лишь в конце июля, после вмешательства С. К. Тимошенко[7], войска Западного фронта из района Рославля перешли в наступление на Смоленск. (Правда, 21-я армия фронта на Бобруйском направлении была вынуждена отойти к Днепру на участке от Рогачева до Жлобина.)

30 июля Ставка Верховного Главнокомандования образовала на базе фронта резервных армий и фронта Можайской линии обороны Резервный фронт[8]. Новый фронт был образован «…для объединения действий резервных армий на Ржевско-Вяземской линии». Командующим фронтом был назначен заместитель наркома обороны и член Ставки генерал армии Г.К. Жуков. В тот же день новый комфронта прибыл в свой штаб, расположенный в районе Гжатска. Накануне сюда приехал с западного направления генерал Л.А. Говоров, назначенный начальником артиллерии фронта. В Гжатске командующий ознакомился с положением войск фронта, с ходом боевых действий, данными о противнике и с командным составом Резервного фронта.

«Начальника штаба Резервного фронта генерал-майора П.И. Ляпина[9] и командующего артиллерией фронта генерал-майора Л.А. Говорова, — вспоминал Г.К. Жуков, — я знал давно и хорошо. Это были мастера военного дела высокого класса, и я

был очень рад, что буду работать с ними… В тот же день [30 июля] вместе с Л.А. Говоровым и другими офицерами я отправился в штаб 24-й армии»{10}. По дороге Говоров рассказал о своей поездке в одну из артиллерийских частей. Ему было о чем поведать Жукову. Накануне Леонид Александрович (и начальник артиллерии Красной армии Н.Н. Воронов[10]) побывали в отдельной экспериментальной батарее реактивной артиллерии, действовавшей под командованием капитана Флерова[11].

Говоров помнил, что Флеров учился у него в академии, и успел до начала войны с отличными оценками по всем дисциплинам окончить первый курс. И по прибытии в часть убедился: знания капитан экспериментальной батареи применял в бою с полной отдачей.

«…Огневая позиция батареи реактивной артиллерии располагалась на опушке леса. Между деревьями пристроились грузовые трехосные машины, прикрытые сверху плотным брезентом. Вот расчеты сняли брезентовые чехлы, обнажив направляющие с установленными ракетами-снарядами. Дальность их полета достигала восьми километров. Ракетчики заняли свои боевые посты, проверили механизмы и прицелы.

— Готово, — доложили командиры расчетов капитану Флерову, который не спускал глаз с наручных часов.

Томительно, словно перед атакой, тянулись последние минуты. Воронов взмахнул рукой, капитан Флеров скомандовал:

— Пуск!

Машины окутало седым дымом. Задрожала земля. Возникший вихрь раскачал ели и березы, заросли подлеска, и ярко-красные ракеты устремились в сторону Орши.

Ракетчики поспешно собирались к переезду. Был издан строжайший приказ: после залпа сразу же менять огневые позиции — противник может засечь машины, обстрелять.

Позднее стало известно, что ракеты точно поразили цель»{11}.

Жукова рассказ Говорова заинтересовал, и в первую очередь с точки зрения усиления противотанковой обороны. Командующий фронтом считал, что основной задачей фронтовой артиллерии на сегодняшний день оставалась борьба с танками противника, которые, не встречая достойного сопротивления, преспокойно взламывали оборону советских войск, обеспечивая стремительное продвижение частей и подразделений вермахта на восток. И Говоров, как артиллерист-теоретик и как артиллерист-практик, в этой связи должен был и мог сделать немало. Начальник штаба артиллерии группы резервных армий Западного фронта генерал-полковник Г.Е. Дегтярев[12] не забыл те летние дни 1941-го даже через много лет:

«В первые дни войны единственным средством отражения танковых атак противника являлась артиллерия всех калибров. Для того чтобы закрепиться на занимаемых рубежах, требовалось создать мощную систему противотанкового огня. Большую помощь в этой работе оказала нам прибывшая из Ставки [Верховного Главнокомандования] группа старших командиров-артиллеристов во главе с генералом Л.А. Говоровым.

Мне была очень приятна встреча с Леонидом Александровичем. Вспомнились те времена, когда мы командовали артиллерийскими полками. Нам не раз приходилось тогда бывать на учебных сборах-стрельбах. Л.А. Говоров отличался хладнокровием, быстро принимал решения, действовал уверенно.

— Известно ли вам, что резервным армиям выделены морские 100- и 152-миллиметровые пушки? — спросил он.

Я ответил, что командованию и штабу известны только номера эшелонов и сроки их прибытия, но что следует в этих эшелонах, мы не знаем.

Леонид Александрович недовольно поморщился и приказал своему адъютанту:

— Проверьте, в чем дело. — Потом опять повернулся ко мне и продолжал совершенно невозмутимым тоном:

— Нам важно так поставить эти пушки в системе противотанковой обороны, чтобы они, обладая высокой начальной скоростью снаряда и бронепробиваемостью, могли поражать фашистские танки еще на дальних подступах.

— В академии, товарищ Говоров, вам жилось бы спокойнее. У нас положение иное. Жарко, очень жарко. Мы должны во что бы то ни стало удержать Смоленск. Кровь из носа, а удержать. Какой у противника главный козырь? Танки. Этот козырь надо выбить из вражеских рук. Такую создать противотанковую оборону, чтобы танковые дивизии не могли прорваться в глубину, наносить удары по коммуникациям и тылам наших войск. Выезжайте в Смоленск, помогите командарму Лукину организовать грамотное, на основе ваших академических разработок, противоборство с фашистскими танками.

…Под руководством генерала Говорова систему артиллерийской противотанковой обороны стали строить на глубину не менее пяти-шести километров от переднего края. Для уничтожения вражеских танков были использованы орудия тяжелых калибров, обязательно во взаимодействии с 45- и 76-миллиметровыми орудиями. Огневые позиции дивизионной и корпусной артиллерии, как правило, располагали в районах, близких к вероятным направлениям танковых атак, с учетом

возможности стрельбы по танкам прямой наводкой с дистанции 1000-1500 метров.

Когда можно было — если немцы не атаковали и с воздуха, — против танков привлекалась зенитная артиллерия»{12}.

Организовать действенную противотанковую оборону требовал от Говорова и Тимошенко, остававшийся командующим Западным фронтом. Говорил недолго, отрывистым, взволнованным голосом: «Ваша задача, не забывая о своих обязанностях начальника артиллерии Резервного фронта, помочь организовать взаимодействие стрелковых и артиллерийских частей и на Западном фронте. Понимаю, что мотаться туда-сюда непросто, но людей катастрофически не хватает. Действуйте от моего имени. Тех, кто не способен воевать по-настоящему, — отстраняйте, заменяйте решительными, толковыми командирами»{13}.

Говоров никогда не тратил много времени на сборы. Его изрядно помятая «эмка» моталась по пыльным смоленским проселкам. Навстречу ему двигались толпы беженцев.

«…Внезапно машина остановилась. Водитель, испуганно крикнув: “Воздух!” — выскочил из машины.

Случилось это километрах в двадцати от Смоленска, — вспоминал адъютант Говорова Александр Васильевич Романов. — Говоров сидит на месте. А что мне делать? Видимо, поняв мое состояние, Леонид Александрович обернулся ко мне, покусывая губы, недовольно произнес: “Трусоват наш водитель. Самолет на большой высоте летел. Для него наша эмка просто букашка. Есть цели и поприметнее. Тогда он спикирует, бомбу сбросит, из пулемета одну-две очереди даст. Лев Толстой, когда в армии служил, в разных перепалках побывал. И в чем убедился? На войне надо бояться только того, чего надо бояться. А о смерти думать — себя убивать. Зови водителя, у него, пожалуй, душа из пяток вернулась на положенное ей место”.

Когда тот сел в машину, я подумал: “Ну, сейчас Леонид Александрович пропесочит его”. Но Говоров только сухо сказал: “Младший сержант, послушай: трусость, что ржавчина, человека в ничтожество, в безмозглое существо превращает”»{14}.

1 августа одновременным ударом группы войск под командованием генерал-майора К.К. Рокоссовского (с востока)[13] и частей 16-й и 20-й армий Западного фронта (с запада) в районе Смоленска был прорван фронт окружения советских войск, части и подразделения Красной армии отошли на новые рубежи.

* * *

Новый огненный рубеж Говорова — Ельня. Здесь развернулась первая с начала войны наступательная операция советских войск, осуществлял которую Резервный фронт.

Еще во второй половине июля 1941 г. части вермахта захватили Ельню и близлежащие населенные пункты. Но попытки развить наступление противнику не удались, соединения 24-й армии Резервного фронта отбивали все атаки. Немцы вынуждены были перейти к обороне. Образовался так называемый ельнинский выступ, глубоко вдававшийся в советскую оборону, создавая реальную угрозу флангам частей Резервного фронта на вяземском направлении.

24-я армия, ослабленная в непрекращающихся боях, несколько раз пыталась срезать «выступ» и выровнять линию фронта в районе Ельни. Однако все попытки были безуспешны. Командующий войсками Резервного фронта Г.К. Жуков приказал командующему 24-й армией генерал-майору К.И. Ракутину прекратить наступление и приступить к подготовке нового, более сильного и организованного удара. Штаб Резервного фронта после изучения обстановки разработал план разгрома группировки противника. Замысел операции предусматривал встречными ударами с севера и юга под основание выступа прорвать оборону и, развивая наступление, окружить основные силы 20-го армейского корпуса вермахта. Предусматривалось рассечение вражеской группировки ударом с востока и уничтожение ее по частям. В основу замысла операции, учитывая конфигурацию линии фронта, была положена решительная форма оперативного маневра — двусторонний охват с целью окружения и разгрома врага по частям. При этом предусматривалось разгром ельнинской группировки закончить к 3 сентября{15}.

Перед Говоровым стояла задача обеспечить артиллерийскую поддержку наступающим частям. В штабе в те дни его застать было невозможно, он мотался по частям, стремясь выяснить обстановку, выработать рекомендации:

— Неприцельная стрельба вряд ли может поколебать, расстроить, а тем более уничтожить этот укрепленный район, созданный противником в ельнинском выступе. Почему же вы бьете не по реальным целям, а предполагаемым? У немцев учитесь? Они всегда шпарят по площадям. Но так стрелять не в традициях русской артиллерии… Потрудитесь всеми средствами организовать тщательную артиллерийскую разведку{16}.

Вернувшись в штаб фронта, Говоров доложил командующему свои оценки положения дел с фронтовой артиллерией: 24-я армия не обладает необходимыми силами, чтобы ликвидировать выступ. Армию нужно не только пополнить артиллерийскими

соединениями и материально-техническими средствами, но и отработать систему взаимодействия всех частей армейского механизма.

— Действуйте, — таков был ответ Жукова.

«В эти дни Говоров, казалось, не чувствовал усталости, поражая окружающих редкой работоспособностью, а дел была уйма: переброска артиллерийских частей в 24-ю армию, забота о подвозе боеприпасов, рекогносцировки, выбор позиций, организация артиллерийской разведки и, главное, — постоянная помощь командирам и штабам на местах. Он делал все, чтобы в предстоящей для него первой наступательной операции артиллеристы, что называется, не ударили лицом в грязь.

Говоров дотошно рассматривал карты — все новое, что раскрыто в огневой системе противника, штабные документы, проверял оборудование огневых позиций, знания артиллеристов…»{17}

И деятельность дала свои результаты, это отмечали все, в первую очередь сам командующий Резервным фронтом.

«Благодаря принятым мерам по улучшению разведки, — вспоминал Жуков, — командование и штаб фронта вскоре стали располагать полными данными о противнике, его огневой и инженерной системах. Эти сведения, а также показания многих пленных дали нам возможность тщательно, во всех деталях отработать план артиллерийского огня, авиационного удара и поставить конкретные задачи частям и соединениям на полный разгром здесь противника. Большую работу в этом отношении провел генерал-майор Л.А. Говоров, отлично знавший артиллерийское дело. Да и не только артиллерию, он прекрасно разбирался в оперативно-тактических вопросах»{18}.

В 24-й армии создавалась артиллерийская группировка, состоявшая из армейской группы дальнего действия и групп поддержки пехоты в дивизиях. Артиллерийская подготовка планировалась продолжительностью один час. Предусматривалось сокращение продолжительности артподготовки, если пехота выйдет на рубеж атаки, удаленный на 300—400 метров от вражеского переднего края, ранее установленного времени. Однако во всех случаях последний 10минугный, наиболее мощный огневой налет по объектам атаки и огневым позициям артиллерии противника не должен был сокращаться. Артиллерийскую поддержку предусматривалось осуществлять методом последовательного сосредоточения огня, а также огнем отдельных батарей и орудий сопровождения, действующих в боевых порядках пехоты. Шло создание ударных групп, в состав которых включались все исправные танки и около

80% артиллерии[19].

Удалось даже создать перевес над противником в артиллерии, что добавляло шансов на успех будущей операции.

В 7 часов утра 30 августа около 800 орудий, минометов и реактивных установок 24-й армии, несмотря на сильный туман и плохую видимость, обрушили огонь на вражескую оборону. Началась артиллерийская подготовка.

В 8.00 части Резервного фронта нанесли контрудар по группировке 4-й армии противника, прорвав фронт в районе города Ельня. Утром 6 сентября Ельня была освобождена, выступ — «срезан».

В результате Ельнинской операции советские войска продвинулись на запад на 25 км и вышли к рекам Устром и Стряна, нанесли поражение двум танковым, одной моторизированной и семи пехотным дивизиям противника, ликвидировали угрожавший левому крылу войск Западного фронта Ельнинский выступ.

Составленную начальником артиллерии директиву — за подписями Г.К. Жукова, члена Военного совета комиссара госбезопасности 3-го ранга С.Н. Круглова[14] и самого Л.А. Говорова — направили в войска:

«Опыт боев на Ельнинском направлении показал решающую роль артиллерии при поддержке наступления пехоты. Артиллерия при поддержке пехоты ставила задачи поражения огневых средств противника с окаймляющим огнем на 200 метров в глубину и на фланговые цели, чтобы изолировать ближайший объект атаки пехоты от общей системы обороны противника.

Под прикрытием этого огня орудия сопровождения и минометы выдвигались для обработки ближайшего объекта атаки, подводились непосредственно к объекту атаки и атаковали последний. Эффективность артиллерийского огня, однако, снижалась тем, что в бою отсутствует взаимодействие между артиллерией поддержки пехоты, артиллерией сопровождения и пехотой. Наблюдаются случаи разрыва между концом артподготовки и началом атаки пехоты»[20].

Воодушевленные удачами Резервного фронта, в наступление перешли 30, 19, 16 и 20-я армии Западного фронта. Наступление это окончилось, правда, неудачно, советским войскам вновь пришлось перейти к обороне, с последующим откатом на восток, но Смоленское сражение (окончившееся 10 сентября) показало, что Красная армия может не только отступать, но и, огрызаясь, наносить противнику контрудары.

Смоленское сражение позволило сделать первые выводы и Леониду Александровичу: «На прямой наводке, которую Говоров

высоко оценивал, использовалась главным образом полковая артиллерия малых калибров. Действовали артиллеристы по принципу: “Вижу — поражаю”. Однако большинство дивизионов и батарей находилось на закрытых позициях. Эффективность их ударов по врагу определяли точная разведка важнейших целей — визуальная, воздушная, звукометрическая, точная подготовка данных для стрельбы, причем не только глазомерная, но и полная, с учетом многих слагаемых.

Нельзя сказать, что знакомство с дивизионной артиллерией привело Говорова в восторг. Главная полоса обороны строилась в виде районов и узлов сопротивления, насыщенных огневыми средствами, увязанных системой различных инженерных заграждений, но не связанных, однако, между собой. Устойчивость обороны не была достаточной. Командиры стремились к равномерному распределению на всех участках сил и огневых средств. Оборона носила очаговый характер. Нужна была перестройка, и коренная, системы артиллерийского обеспечения оборонительных боев, контрударов»{21}.

«Заметил» Говорова и Сталин. Верховный Главнокомандующий приказал генералу артиллерии отправиться в Харьков для организации противотанковой обороны на широком фронте. Но было уже поздно — фашистские танки успели прорваться в Донбасс. Леониду Александровичу оставалось лишь одно — возвратиться в Москву. Однако оказалось, что к тому времени противник перерезал шоссейную дорогу, ведущую из Харькова в столицу{22}. «Пробиваться» пришлось по проселкам, лавируя между частями противника, находясь все время в напряжении. В Москву все же прорвались, причем — без потерь. А здесь ждало уже новое распоряжение.

По приказу Ставки Главнокомандования генерал Жуков был направлен в Ленинград. Он попросил взять с собой нескольких генералов, в том числе и начальника артиллерии Говорова. Сталин разрешил взять всех, кроме Говорова, сказал, что оставляет его на московском направлении{23}.

* * *

2 октября началась Вяземская оборонительная операция войск Западного (22, 29, 30, 19, 16 и 20-я армии; занимали оборону в полосе шириной 340 км — от озера Селигер до Ельни) и Резервного (24-я и 43-я армии; занимали оборону от Ельни до железной дороги Рославль — Киров в полосе шириной до 100 км; 31,49,32 и 33-я армии обороняли рубеж в тылу Западного фронта

в полосе шириной 300 км по линии Осташков, Селижарово, восточнее Дорогобужа) фронтов. Пять дней спустя войска противника вышли в район Вязьмы. В окружении оказались 19-я и 20-я армии Западного фронта, 24-я и 32-я армии Резервного фронта. Окруженные армии под командованием генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина до 12—13 октября сковывали боями 28 дивизий противника[15], однако «дыру», образовавшуюся в линии фронта, необходимо было срочно заткнуть. Создавалась Можайская линия обороны.

«Командующему войсками Московского военного округа. Копия: командующим войсками Западного и Резервного фронтов. Генерал-майору Говорову. Начальнику Управления кадров Генерального штаба Красной Армии. 9 октября 1941 года. 01 час 00 мин:

Ставка Верховного Главнокомандования назначает:

1) Командующего войсками МВО генерал-лейтенанта Артемьева П.А.[16] — командующим войсками Можайской линии обороны с оставлением в должности командующего войсками Московского военного округа.

2) Генерал-майора Говорова Л.А. — заместителем командующего войсками Можайской линии обороны.

3) Начальником штаба Можайской линии обороны — генерал-майора Кудряшева А.И.[17]

4) Все войска Можайской линии обороны через командующего тов. Артемьева подчинить непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования.

Сталин, Шапошников[18]».

Начальник Оперативного управления Генштаба А.М. Василевский[19] дополняет приказ Верховного Главнокомандующего: «В начале октября 1941 года, когда фронт обороны наших войск, прикрывавших Москву в районе Вязьмы, был прорван, и когда над столицей нашей Родины и всей страной нависла серьезная угроза, в войска Западного и Резервного фронтов были направлены члены ГКО, а с ними от Генштаба был направлен и я. Перед нами тогда поставили в качестве основной задачи: используя все возможности, создать новый оборонительный фронт на линии Можайска. В это время значительная часть войск указанных фронтов оказалась в окружении, остальные отходили на восток. Управление войсками было нарушено. Перед отъездом из Москвы мне удалось связаться по телефону с Л.А. Говоровым, продолжавшим быть начальником артиллерии Резервного фронта, получить от него кое-какие данные об обстановке на фронте и согласие помочь мне в вопросах организации обороны на Можайской линии. Я с

согласия Верховного воспользовался этим. В момент моего прибытия в штаб Западного фронта, находившийся к востоку от Гжатска, товарищ Л.А. Говоров с частью офицеров артиллерийского управления Резервного фронта уже находился в Можайске, с которым по моим указаниям была установлена телефонная связь. В период с 5 по 9 октября до образования Ставкой командования Можайской линии обороны Говоров находился в районе Можайска в качестве старшего военачальника, обязанного принимать все войска, направленные на Можайскую линию обороны, и в спешном порядке при их помощи создавать фронт обороны. Для этой цели мною в его распоряжение была выделена часть офицеров Генерального штаба. При выполнении этой работы Говоров имел дело непосредственно со мной, исключительно успешно справляясь со своими обязанностями. 9 октября при создании Ставкой фронта Можайской линии обороны генерал-майор Л.А. Говоров стал заместителем командующего войсками»[24].

— Говоров? Неплохо, — согласился Верховный. — Как артиллерист он поможет войскам создать на Можайской линии *крепкую* противотанковую оборону[25].

* * *

10 октября Ставка Верховного Главнокомандования передала войска расформированного Резервного фронта в состав Западного фронта. Началась Калининская оборонительная операция войск правого крыла Западного фронта (с 17 октября — Калининского фронта), продолжавшаяся до 4 декабря 1941-го. Завязались бои войск Западного фронта (16, 5, 43, 49 и 33-я армии) с противником (группа армий «Центр», командующий — генерал-фельдмаршал Ф. Бок[20]) под городами Калуга и Малоярославец. Началась Можайско-Малоярославецкая оборонительная операция войск Западного фронта, продолжавшаяся до 30 октября.

Однако Можайская линия обороны просуществовала недолго, ее войска влились в Западный фронт:

«Командующему Западным фронтом
Командующему Московским Резервным фронтом
Командующему 5-й армией
тов. Лелюшенко[21].

Для лучшего объединения действий на западном направлении Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. С 23 час. 50 м. 12 октября слить Западный фронт с

Московским резервным фронтом.

2. Все войсковые части и учреждения Московского резервного фронта подчинить командующему Западным фронтом.

3. Генерал-лейтенанта Артемьева назначить заместителем командующего Западным фронтом. Генерал-майора Говорова назначить начальником артиллерии Западного фронта. Генерал-майора Камера назначить заместителем начальника артиллерии Западного фронта.

4. Штаб Западного фронта 13 октября разместить в районе ст. Голицыно.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин. Б. Шапошников N° 002910

12 октября 41 г. 20 ч. 30 м. Прочитано т. Сталину по телефону и утверждено.

Б. Шапошников[26]».

Но и в должности начальника артиллерии Западного фронта Говоров пробыл два дня[27].

…Три десятка танков противника пробились к наблюдательному пункту командующего 5-й армией. В бой вступили все офицеры и солдаты, находившиеся на НП. В этой схватке был ранен командарм — генерал Лелюшенко.

Из воспоминаний Д.Д. Лелюшенко:

«…В дом, где остановилась наша штабная группа, ночью приехал заместитель начальника артиллерии фронта генерал-майор артиллерии Леонид Александрович Говоров. Стройный, подтянутый, спокойный, с волевым лицом, он с первого взгляда внушал к себе уважение. Глуховатым голосом Говоров изложил свои соображения об использовании противотанковой артиллерии и согласовании ее действий с танками и пехотой, посоветовал, как лучше построить боевые порядки соединений армии в обороне. После обсуждения деловых вопросов выпили по стакану чая. Беседа затянулась. В полночь Говоров, пожелав нам успехов, уехал. Скажу откровенно, эта встреча оставила у меня самое приятное впечатление»[28].

А через несколько часов Лелюшенко уже в бессознательном — от ранения — состоянии вывозили в тыл.

Решая, кого поставить на место Лелюшенко, Георгий Константинович Жуков остановил свой выбор на генерал-майоре артиллерии Говорове. Свое решение Жуков объяснял кратко: «Говоря кратко, мы исходили из двух важнейших обстоятельств. Во-первых, в период боев под Ельней генерал Говоров, будучи начальником артиллерии Резервного фронта, зарекомендовал себя не только как прекрасно знающий свое дело специалист, но и как полевой, энергичный командир, глубоко разбирающийся в

оперативных вопросах; во-вторых, в нашей обороне под Москвой основная тяжесть борьбы с многочисленными танками противника ложилась, прежде всего, на артиллерию, и, следовательно, специальные знания и опыт Говорова приобретали особую ценность. Последующие события показали, что сделанный выбор был весьма удачен»{29}. Тем более что 5-я армия должна была стать хребтом обороны Западного фронта. Но она начала формироваться только 9 октября, была малочисленна, ее основной силой стала единственная 32-я стрелковая дивизия полковника В.И. Полосухина[22]. В состав армии входили две танковые бригады (18-я и 19-я), уже понесшие потери в боях под Гжатском, четыре артиллерийских, мотоциклетный полки, батальон курсантов военно-политического училища и наспех сформированный 230-й запасной стрелковый полк{30}.

В силу природной неразговорчивости Леонид Александрович не очень-то любил распространяться о своих новых назначениях. Но кое-что «вытянуть» удалось.

Л.А. Говоров:

«15 октября получил назначите командующим 5-й армией.

Прибыл в Можайск. Обстановка для 5-й армии в то время была тяжелая. Оборона армии проходила по линии, заранее подготовленной в Можайском укрепленном районе. Он в то время таким считаться не мог. Но кое-что все же было сделано. Были даже противотанковые долговременные сооружения. Но к этому времени не успели обеспечить их готовность. Рассчитывали, что Западный фронт сможет сделать что-то большее. Фактически немцы подошли сюда, когда наших войск тут не было. Только 32-я дивизия прибыла с Дальнего Востока. Были сборные команды: артиллерийское училище, политическое училище, сводный батальон, разные запасные части. Танки для роты были собраны из музейных экспонатов. Правда, они сыграли немалую роль.

Я застал обстановку, когда эта линия обороны была прорвана, и враг уже занял станцию Бородино. Борьба происходила на подступах к Можайску… Я застал такую обстановку, когда противник фактически линию обороны расколол на две части и наиболее боеспособные части 32-й дивизии он отбросил на север, менее боеспособные части, все сборные команды — на юг в леса. Обе магистрали Минск—Москва и Можайское шоссе оказались совершенно открытыми. Это было 15 октября.

Получив назначение, я позвонил члену Военного совета и попросил подготовить карту с обстановкой, чтобы сразу же войти в курс дела и принять бразды правления. Вечером приехал в Можайск. Члена Военного совета не застал.

…Фактически никакого штаба не было. Начальник штаба был случайной личностью. Единственное средство управления — в кабинете висел городской телефон, по которому происходило все управление армией. Рядом был телефон для связи с Москвой. По нему каждый час раздавались очень нервные звонки, спрашивали: «Вы еще в Можайске сидите или нет?» Тогда в Москве обстановка была очень напряженной и нервной. Борьба происходила на непосредственных подступах к Можайску 16 октября пришлось перенести командный пункт километров на 8 от Можайска в деревню Пушкино»[31].

16 октября оказался вообще самым насыщенным днем: войска правого крыла Западного фронта отошли за Волгу и закрепились на рубеже Селижарово, Старица. Началась эвакуация из Москвы управлений Генштаба, военных академий, наркоматов и других учреждений, иностранных посольств.

В тот же день на своем командном пункте в Можайске генерал Говоров подписал свой первый боевой приказ вверенным войскам в качестве командарма-5. Суть его сводилась к тому, чтобы не дать врагу прорваться на восток вдоль Можайского шоссе[32].

Л.Л. Говоров: «Начиная с 16 октября, подступы к Можайску и центральной магистрали защищались только артиллерией и незначительным количеством танков. Были созданы противотанковые опорные пункты, оказавшие достаточный отпор немецким колоннам, которые хотели ринуться с ходу на Москву. Здесь было подбито немало танков. Это отражено в наших донесениях, в частности в донесениях Военному совету Западного фронта. Пришлось нам констатировать, что на главных магистралях не осталось ни одного пехотинца. Просили мы хоть один стрелковый полк дать, но и этого не получили.

К тому времени 5-я армия получила большое количество противотанковых полков. Это позволило остановить немцев. Можайск, правда, пришлось оставить. Потом начались наши оборонительные бои на дальних подступах к Москве. Постепенно состав армии увеличивался. После 32-й стрелковой дивизии подошла 50-я дивизия, которая, правда, не принесла нам большой радости. Она была сформирована наспех, в артиллерии были случайные командиры.

Противник все время применял ту же тактику: отбросить, раскидать от магистрали войска. Очень часто наши командиры не понимали его тактику. Идя по линии наименьшего сопротивления, они отходили туда, где он особенно не давил, на север или юг от шоссе. Это ему и нужно было. Днем он отбрасывал наши подразделения от шоссе. Наша задача была

ночью собрать их и восстановить утраченные позиции.

Потом в наш состав пришла очень сильная 82-я мотострелковая дивизия из Монголии[23]. Она значительно усилила армию. Усилились мы и танками»{33}.

* * *

Основные боевые события в полосе обороны армии разворачивались на знаменитом Бородинском поле-Уже с рассвета 16 октября группы немецких танков начали продвигаться к переднему краю обороны частей 32-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник В.И. Полосухин{34}.

«Именно в полосе обороны этой дивизии, 12 октября прибывшей из Сибири в район Можайска, оказалось Бородинское поле. В тех же местах Подмосковья, где почти за 130 лет до этого произошло Бородинское сражение, в котором русский солдат стяжал себе славу непобедимого, вновь шел смертный бой с врагом.

Оборонительные сооружения Отечественной войны 1812 года, Шевардинский редут, Багратионовы флеши, гранитные памятники на этом поле вечной славы русского оружия, — все здесь напоминало о бессмертном подвиге во имя Родины. Казалось, встали здесь советские солдаты — сибиряки и дальневосточники, москвичи-добровольцы, танкисты трех очень немногочисленных танковых бригад, курсанты Московского военно-политического училища имени В.И. Ленина — перед лицом истории, и это она сама велела им: не посрамите славы ваших предков, умножьте ратную доблесть их новыми подвигами, стойте насмерть, защищая столицу.

И они стояли. Начиная от рядовых бойцов, командиров и политработников и кончая командующим армией, каждый отдавал все силы, не щадил и самой жизни, чтобы задержать продвижение врага, сорвать его замысел. Гитлеровцы раз за разом повторяли атаки, не считаясь с потерями. Невосполнимые утраты несли и наши войска: погиб смертью героя замечательный боевой командир 20-й танковой бригады полковник Т.С. Орленко.

Несмотря на настойчивые попытки, противник 16 октября не смог выйти в район Можайска. Однако, трезво оценивая обстановку, Л.А. Говоров понимал, что общая обстановка остается тяжелой. Наших сил на можайском направлении было очень мало. Дивизию полковника Полосухина надлежало усилить. Но чем? В распоряжении командарма фактически не было резервов: две артиллерийские батареи и рота танков Т-26 — это же

ничтожно мало для того, чтобы парировать все более усиливающуюся угрозу прорыва[35].

На следующий день вражеские войска повели новые ожесточенные атаки по всему фронту. Положение на участке 32-й стрелковой дивизии стало критическим. Противник стремился расчленить ее оборону и уничтожить войска по частям. Один из батальонов совместно с курсантами Московского военно-политического училища еще удерживал Юдинки и Фомино, но был отрезан от остальных сил дивизии и дрался в окружении. Фашистские танки и мотопехота прорвались в Псарево, а отдельные группы танков и пехоты вышли в Кукаринский лес, к командному пункту дивизии. Ее командир полковник Полосухин даже и не просил у командарма подкреплений, зная, что резервов у него нет. Однако генерал Говоров понимая, что бой на Бородинском поле вступил в критическую фазу, сам прислал в распоряжение Полосухина стрелковый батальон и дивизион “катюш”, фактически оголив для этого другой участок. Этими силами брешь в нашей обороне была прикрыта. Встретив возросшее сопротивление, гитлеровцы к вечеру прекратили атаки.

Так был выигран еще один день. В общей сложности противник потерял в боях под Бородином, на можайском направлении, целых пять дней, прежде чем смог ценой больших потерь овладеть Можайском», — это выдержки из воспоминаний очевидцев и участников тех событий[36]. А вообще на Бородинском поле «скрестили свои шпаги» сорокапятилетний генерал-майор артиллерии Леонид Александрович Говоров (5-я армия) и шестидесятилетний генерал-фельдмаршал Ганс Гюнтер Клюге[24].

«Клюге был единственным военачальником вермахта, который командовал армией, имея высший чин—генерал-фельдмаршал. Это являлось еще одним свидетельством того, какое большое значение гитлеровское командование придавало можайскому направлению.

…Бои на Бородинском поле все более накалялись. Только командарм с оперативной группой обосновался на наблюдательном пункте, устроенном в доте, зазуммерили телефоны. Из разных концов провода несли одну и ту же весть: гитлеровцы вновь повели отчаянный штурм оборонительных позиций. Командарм помечал на карте синим карандашом направление и силу вражеских атак.

Сражение разгоралось, и Говоров, отрываясь от наблюдения за Бородинским полем, где вдали отчетливо видны были немецкие танки и пехота, все чаще поглядывал на карту.

— Гляди, Павел Филатович, что гитлеровцы задумали, — сказал командарм, подозвав бригадного комиссара Иванова. — С юга прорвались к Псарево и ведут наступление на Криушино. А с фронта развивают атаку на Горки и далее тоже на Криушино, чтобы окружить защитников Бородина…

Говоров соединился по телефону с командиром дивизии, доложившим о ходе боя, сообщил намерения немцев.

Долго длился тяжелый бой. Как ни упорствовали обороняющиеся, гитлеровцы пробились и захватили станцию Бородино. Отсюда им открывался путь с тыла на Семеновское и высоту, где некогда размещалась легендарная батарея Раевского, а сейчас находился дивизион капитана В.А. Зеленова, 19 танков врага за один час боя сжег дивизион. Фашистские танки не поднялись на батарею Раевского. Эсэсовский батальон, наступавший при их поддержке, был контратакован батальоном капитана Щербакова. Эсэсовцы не выдержали удара и покатились к Семеновскому, затем в Шевардино. И оттуда их выбили и отбросили за реку у деревни Доронино.

Вечером Говорову позвонил командующий фронтом Г.К Жуков:

— Еще держитесь? В Можайск немцев не пропустили?

— Не прошли, — докладывал Говоров. — С утра они ввели в сражение помимо 40-го моторизованного корпуса и войска 9-го армейского корпуса. Отбросили их, нанесли большие потери.

— Передайте героям Бородина благодарность Военного совета фронта. Следите, товарищ Говоров, за флангами, противник попытается обойти вас с севера или с юга. А как на автомагистрали?

— Опять лезут на Артемки. Направил туда двадцатую танковую бригаду. Собираюсь туда сам.

Поздно вечером на имя Говорова и Иванова пришла телеграмма с грифом «Особо важно». Жуков, Булганин, Соколовский предупреждали командование 5-й армии о возможном наращивании ударов противника, главным образом танками, на Можайском направлении и требовали усилить противотанковую оборону, восстановить положение на левом фланге армии[25].

К сожалению, усилить оборону было нечем: обстановка на других направлениях фронта была не менее сложной…

…После ожесточенного обстрела гитлеровцы вновь начали атаку на Бородино в центре и на левом фланге. Армия уже какой день сражалась, и силы ее ослабли. Пополнялась она незначительно: то маршевой ротой, то стрелковым или танковым батальоном. Враг же вводил в бой на Можайском участке все

новые части.

В сражении за Бородино самым, пожалуй, тяжелым днем было 18 октября. С утра гитлеровцы нанесли массированный авиационный удар. А затем на Бородинское поле посыпались снаряды и мины. И не найти было, пожалуй, на всем Бородинском поле ни одного метра, не тронутого железом войны. И последовавшие вражеские атаки велись с небывалым остервенением.

Бородинское поле враг не захватил. Но дальше держать его теряло смысл, поскольку противник обходил с флангов и расчленил боевые порядки наших войск. Командарм скрепя сердце доложил об этом командующему фронтом, затем отдал приказ отвести войска на северный берег реки Москвы{37}. 18 октября советские войска оставили Малоярославец и… Можайск.

* * *

Во второй половине октября ожесточенные бои на всех направлениях фронтов Подмосковья продолжались. Командование вермахта ввело в бой на Можайском рубеже все части (в том числе и резервные) 4-й армии и 4-й танковой группы генерал-полковника Гепнера[26].

В распоряжение командующего 5-й армии была передана одна дивизия, которой предстояло совместно с танковой бригадой контратаковать противника в районе Можайска и постараться выбить противника из города (на этом настаивала и Ставка Верховного Главнокомандования). Но в переговорах с начальником оперативного управления Западного фронта Г.К. Маландиным 19 октября Л.А. Говоров сумел доказать нецелесообразность борьбы за Можайск всего лишь дивизией и бригадой[27]. Леонид Александрович считал более реальным следующий план: сберегая силы, и не допуская окружения, отойти на новый оборонительный рубеж, чтобы там организованно встретить противника, измотать его наступающие части за счет глубоко эшелонированной обороны, готовясь одновременно и к ответным действиям — контратаке. Командование фронта согласилось с его решением. И расчет Говорова оказался точен.

Как отмечали участники сражения под Москвой, «в чрезвычайно сложной обстановке того времени Леонид Александрович проявил себя решительным, твердым и инициативным руководителем, сумел обеспечить четкое управление войсками. Своевременно используя имевшиеся в его

распоряжении немногочисленные технические резервы, выдвигая на танкоопасные направления артиллерийские средства и умело организуя их действия, командарм ни на одном из участков своей армии не позволил врагу прорвать оборону»{38}.

Крайне интересно проследить за действиями 5-й армии (да и всего Западного фронта) по материалам Сов-информбюро, сообщений с места боев корреспондентов центральной печати. В этих источниках нашли отражения мелкие (но очень важные) детали, удивительные по своему содержанию аспекты тех или иных фактов, разноплановые сюжеты, порой невероятные событийные ракурсы, которые мы не найдем в оперативных сводках штабов частей и соединений. Все это будет не просто добавлять «мазки» к общей картине, а во многом даст возможность совершенно по-новому взглянуть на события осени-зимы 1941-го, в том числе и оборонительные бои под Можайском.

* * *

22 октября. Западный фронт. «В продолжение вчерашнего [21 октября] дня наши части вели напряженные бои, сдерживая наступление танков и пехоты противника.

Немцы продолжают концентрировать свои усилия на можайском направлении и вдоль расположенных южнее шоссейных дорог, ведущих к Москве. Враг стремится прорваться через наши оборонительные рубежи.

Бойцы командира Рокоссовского по-прежнему удерживают свои позиции. Противник сосредоточивает против них танки, пехоту, конницу и моторизованные части. Наша артиллерия вела огонь по скоплениям германских войск. После артиллерийской подготовки энская пехотная часть, не встречая больше сопротивления, вступила в деревню К., улицы которой оказались усеянными трупами фашистов, погибших от меткого огня наших орудий.

На северном участке можайского направления бойцы командира Говорова закрепились на занятом рубеже, продолжая отбивать танковые атаки. По Можайскому шоссе на восток прорвалось двенадцать немецких танков, восемь из них были подбиты советской противотанковой артиллерией. В районе Можайска шел бой с немецкой пехотой, отсеченной от колонны танков.

Энская танковая часть, действующая на этом участке, за последние десять дней участвовала в восьми боях и уничтожила 19 немецких танков, 23 противотанковых орудия, двенадцать

минометов, два броневика и пр.

Со вчерашнего утра противник повел наступление в направлении на город Н. Отражая атаки, наши части отошли на восток.

На малоярославском направлении противник, наступающий вдоль шоссе, понес большие потери.

Несмотря на неблагоприятную погоду, советские летчики вчера летали на разведку, бомбометание и штурмовку. Сегодня облачность постепенно рассеялась, и авиация обеих сторон действовала весьма активно. Немцы

стремились бомбить и обстреливать дороги, ведущие от Москвы к линии фронта. Наши летчики и зенитная артиллерия отражали эти попытки и сбили четырнадцать германских бомбардировщиков.

Сегодня [22 октября] в полдень на перекрестке двух важных магистралей в районе Можайска разыгрался жаркий бой. Подготавливая танковую атаку, немцы вели по перекрестку массированный огонь из минометов. Автоматчики противника начали просачиваться вперед, сквозь порядки нашей пехоты. Артиллерийские подразделения Филюшко и Героя Советского Союза Ниловского своим огнем поддерживали нашу пехоту и подавляли огневые точки противника[28]. Рубеж удерживается»{39}.

К сообщению газет стоит добавить, что 23 октября танковый авангард немцев достиг перекрестка на автостраде Смоленск — Москва: между Дороховым и Шелковкой, в 21 километре восточнее Можайска. К Дорохову и Шелковке срочно были подтянуты части 7-го армейского корпуса, которые стремительно развили наступление. Говоров приказал накрыть колонны противника плотным артиллерийским огнем, наступление захлебнулось. 24 октября Леонид Александрович отдал приказ 82-й мотострелковой дивизии контратаковать противника в районе все того же перекрестка.

«Разгорелись жестокие кровавые бои… — читаем мы в обзоре “Штурм ворот Москвы” начальника штаба танковой группы вермахта. — В районе скрещения дорог непрерывно грохотал ураганный огонь советской артиллерии и ракетных установок. Земля дрожала под тяжестью разрывов. Пехотинцы окапывались в грязи и за развалинами домов, создавая узлы сопротивления. Один за другим вступали в бой советские танки. Всю Шелковку можно сравнить с огромной адской кухней…»{40}

26 октября войскам 5-й армии удалось стабилизировать положение. Противник, отступив от Дорохова, окопался.

* * *

И вновь — репортаж с поля боя:

26 октября, Западный фронт. «Низкое угрюмое небо. Почти целый день сыплется октябрьский дождь, пронзительный, холодный. Минувшей ночью было затишье, с утра же 26 октября снова загрохотали орудия и минометы. И снова осатанело лезли немцы на нашу оборону, действуя главным образом по шоссе и большакам.

Против частей тов. Рокоссовского немцы бросили пехоту и 120 танков. Перебив множество немецких солдат и расстреляв несколько танков, наши части на одном участке отошли в полном порядке и заняли выгодный рубеж обороны. По-прежнему мужественно и умело сражаются и пехотинцы, и артиллеристы, и наши танкисты.

Измотать врага, как можно сильнее обескровить его, задержать! — такова задача, и наши фронтовики самоотверженно ее выполняют.

Части тов. Говорова за истекший день не только отбивали атаки противника, но и отбросили его в ряде пунктов. В процессе боя подбиты и уничтожены орудия противника, захвачены пленные и добыты ценные документы. Подсчет трофеев не закончен.

Южнее части Героя Советского Союза Лизюкова[29] продолжали вести упорные бои на окраинах города Н. Немцы подтянули сюда новые силы и создали оборонительные сооружения. Следует отметить еще характерную особенность тактики врага: вслед за продвижением немедленно строить оборонительные сооружения, оборудовать противотанковую оборону. Естественно, что с нашей стороны должны следовать такие мероприятия, которые не позволяли бы немцам строить оборонительные сооружения. Это необходимо учитывать нашим командирам.

Особенно жестокие бои происходили на малоярославецком направлении. Наши части отбили атаки противника и, перейдя в наступление, потеснили немцев. Энергично действовали части тов. Эрастова. Во второй половине дня силою до полка немцы перешли в контратаку. Она отбита.

На левом участке Западного фронта в течение дня шли ожесточенные бои. Немцы бросались в яростные атаки. Атаки были отбиты.

Из-за плохой погоды авиация ограничивала свою деятельность лишь разведывательными полетами.

Продолжают выходить из немецкого тыла наши товарищи,

попавшие в окружение. К слову “окружение” у фронтовиков установилось определенное отношение. Презрением и насмешкой встречали фронтовики людей, которые выходили из немецкого тыла без оружия, вразброд, — не бойцы, а люди, спасающие жизнь. Зато всеобщим уважением пользуются те наши люди, которые в немецком тылу не раскисли, не перестали чувствовать себя бойцами, а, наоборот, продолжали борьбу. Всем известно, с какими замечательными боями вышел со своими частями из окружения генерал-лейтенант Болдин и другие командиры и комиссары[30].

Сегодня мы получили известие, которое всех обрадовало и взволновало. Из немецкого тыла пробился с боями отряд, состоявший из обозов энской части и отдельных групп и одиночных бойцов этой части.

Товарищи попали в немецкое окружение. Работник штаба части тов. Крылова взяла на себя командование обозами. В пути она присоединяла к себе группы и одиночных бойцов и командиров. Сводный этот отряд под командованием тов. Крыловой разбил немецкое подразделение. В бою было захвачено три автомата, винтовки, патроны. Боевая деятельность тов. Крыловой может служить примером для других, вдохновлять наших фронтовиков.

Только что получено сообщение, что в энском полку за последние дни 120 бойцов и командиров подали заявления с просьбой принять их в ряды ВКП(б). Много раз в последние дни полк вел жестокие бои, успешно отражая танковые атаки противника.

В боях за Родину, за родную Москву крепнут и растут наши люди. Они вступают в ряды партии Ленина-Сталина. Грозные дни, опасность нависла над страной — отважные бойцы против фашизма становятся коммунистами.

Эти факты свидетельствуют о многом. Они ярко говорят о нашей силе и о том, что, как ни тяжело сейчас, а все же победа будет наша»{41}.

Речь шла о выходе из окружения частей 32-й дивизии, которые с тяжелыми боями пересекли в последней декаде октября линию фронта и влились в состав 5-й армии. Положение последней, казалось, стабилизировалось, но возник новый кризис.

Встретив упорное сопротивление на коммуникациях Можайск — Москва, командование вермахта повернуло танковую группировку от Можайска на северо-восток, в сторону Рузы, где оборону держали отдельные части 133-й стрелковой дивизии, только что прибывшие с Калининского направления. Причем командир дивизии оставался еще на старых позициях, и

стрелковые части, по сути, не имели управления. 133-я дивизия сдала Рузу противнику после короткого боя. Из Рузы танкам противника открывался оперативный простор на северо-восток, к Истре (к флангу 16-й армии) и на восток, к Звенигороду, к флангу 5-й армии.

Говоров и Иванов (начальник штаба армии) немедленно выехали в сторону Рузы. Их догнало предупреждение Жукова о том, что, если противник возьмет Звенигород, они оба, Говоров и Иванов, «ответят по закону военного времени». Звенигород удалось отстоять. Однако немецкое командование, объединив наступление армейских корпусов, действовавших на смежных флангах 5-й и 16-й армий, угрожало на этом направлении новым прорывом к Москве.

Бои, шедшие на Можайском направлении, не прекращались ни на один день, ни на один час. Только отдельные группы немецких войск прорывались сквозь плотный огонь говоровской артиллерии. Но и они создавали серьезную опасность для линии обороны 5-й армии. В ночь на 25 октября командующий 5-й армией получил сообщение от полковника СИ. Богданова[31] о том, что до сорока немецких танков, поддержанные двумя батальонами пехоты, ударив с двух сторон по Дорохово, взяли его штурмом и готовы развить наступление на восток. Богданов просил срочной поддержки резервами.

В ночь на 26 октября противника в Дорохове контратаковали части 82-й дивизии. Бой продолжался всю ночь, потери и с той и с другой стороны были огромны, но командованию 5-й армии удалось восстановить ситуацию. Дорохово было отбито. Удар 82-й дивизии поддержала 78-я дивизия под командованием А.П. Белобородова (входившая в состав 16-й армии К.К. Рокоссовского) [32], которая остановила танковые колонны у Истры. Фланговые удары немецких армейских корпусов были отбиты, части 5-й и 16-й армий еще глубже окопались на подступах к Можайску у Дорохова и Истры, готовясь отразить новые удары противника{42}.

* * *

Из сообщений корреспондентов центральных советских газет:

27 октября, Западный фронт. «В последние дни на всем протяжении Западного фронта происходят ожесточенные кровопролитные бои. Противник сосредоточивает основные усилия на правом и левом крыле фронта, бросая туда все новые резервы.

Наши части упорно удерживают занимаемые рубежи,

сдерживают наступление немецко-фашистских войск. Нередко наши войска переходят в контратаки, отбрасывают противника, наносят ему тяжелые потери. Этим упорством характеризуются бои последних дней.

Части командира Рокоссовского неоднократно отбивали атаки фашистских полчищ. Дважды переходили в наступление немецко-фашистские войска в районе поселка С. Большую группу пехоты сопровождали 80 танков. Наступление велось при поддержке авиации.

Наши бойцы мужественно встретили натиск врага. В ожесточенном бою они уничтожили сорок танков и сбили восемь самолетов противника, заставив его откатиться назад. Так же безуспешна была и вторая атака немцев, стоившая им больших потерь. Однако фашисты не отказались здесь от своего замысла и продолжают свежими силами атаковать наши войска.

Успешно отбили вражеские атаки и бойцы командира Голубева. Первая попытка врага перейти здесь в наступление успехом не увенчалась. Через несколько часов противник, оправившись от удара и перегруппировав свои силы, снова перешел в наступление. Его вторичная атака также была отбита.

На этом участке фронта особенно горячие бои разразились в районе села Г***. В течение дня и ночи противник многократно переходил в атаки на наши оборонительные рубежи. Бойцы мужественно и стойко встречали надвигавшиеся на них танки и пехоту Они истребляли живую силу врага метким ружейно-пулеметным и минометным огнем, поджигали вражеские танки, бросая в них бутылки с горючим. Атаки врага захлебывались, но он подбрасывал свежие силы и снова бросал их на наши позиции. На одном из участков противник несколько потеснил обороняющиеся войска. Тогда соседняя часть перешла в решительную контратаку и заставила противника отступить.

Не прекращаются упорные бои в районе города Н***. Попытки немецко-фашистских войск форсировать реку в этом районе были отбиты метким огнем нашей артиллерии. Вчера наши войска предприняли здесь ряд контратак против немецко-фашистских войск и нанесли им тяжелые потери.

Успешно действовали вчера бойцы командира Говорова. В районе поселка Д*** они предприняли ряд ожесточенных контратак и, преодолевая сопротивление немецко-фашистских войск, подошли к восточным окраинам поселка. В этом районе нашими войсками занято несколько населенных пунктов.

В бою, разыгравшемся на соседнем участке, наши войска своей контратакой уничтожили до роты фашистских автоматчиков, захватили три противотанковых орудия, два

миномета, девять пулеметов, две рации, пять автомашин и много боеприпасов. Преодолевая сопротивление медленно отходящего противника, наши войска и здесь продвинулись несколько на запад вдоль железной дороги и шоссе, овладев при этом несколькими населенными пунктами.

Не прекращались бои и минувшей ночью. Помимо разведывательных действий противник пытался форсировать реку, бросив для этого свыше двух батальонов пехоты. Наши войска немедленно перешли в контратаку и отбросили немцев на западный берег реки, нанеся им значительные потери.

Сегодня на рассвете снова начались ожесточенные атаки немцев и контратаки наших войск на всех участках фронта. Преодолевая упорное сопротивление немецко-фашистских войск, нашим частям на ряде участков удалось несколько продвинуться вперед и закрепиться на захваченных рубежах.

Действия наших войск проходили при активной поддержке авиации. За 25 октября наши летчики вывели из строя и подбили 33 вражеских танка, 148 автомашин и уничтожили до батальона немецкой пехоты.

На подступах к Москве враг натолкнулся на упорную и стойкую оборону наших войск. Своими контратаками они сдерживают неприятельское наступление, громят его живую силу, уничтожают его технику{43}.

28 октября, все тот же Западный фронт. В течение всего вчерашнего дня на северном участке нашего фронта шли тяжелые бои с танками и пехотой наступающего противника. К исходу дня немцам удалось потеснить наши части в пункте Н., служившем на протяжении многих дней объектом ожесточенной борьбы.

На остальных участках Западного фронта повсеместно продолжались контратаки советских войск. Части командира Говорова, преодолевая весьма упорное сопротивление врага, наступали на пункт Д***. Наши танки и мотопехота ворвались в Д*** и овладели его восточной окраиной. Во время этой операции командир танка младший лейтенант Фарафонов, находясь в засаде, уничтожил пять немецких танков.

Попытки противника перейти через реку Нара были отбиты. Части командира Голубева наступали на малоярославецком направлении и достигли известных успехов, хотя немцы частыми контратаками стремились сорвать наступление. На южном участке фронта противник активности не проявлял. Переправа через Оку прочно удерживается нашими войсками.

Большую работу по разгрому подтягиваемых немцами резервов проводят в эти дни наши летчики. За три последних дня авиацией Западного фронта выведено из строя 68 германских

танков, 345 автомобилей, семь зенитных орудий, семь цистерн и более 2000 солдат. Очень удачно действовала авиационная часть О.В. Толстикова. В боях отличились подразделения Новоселова, Фомина, Мокроусова, Болотова и других.

Славно дерется на подступах к городу Н*** часть командира Лизюкова. В разгар боев красноармейцы, командиры, комиссары и политработники послали краткое, но полное патриотизма и веры в победу письмо наркому обороны товарищу Сталину.

“В этот исторический час, — пишут они, — каждый наш боец, видавший виды в боях с врагом, повторяет огненные слова клятвенной присяги:

Мы клянемся нашим матерям, давшим нам жизнь, мы клянемся народу, партии, Советскому правительству, тебе, родной Сталин, что, пока держит винтовку рука, пока бьется сердце в груди, до последнего вздоха мы будем беспощадно громить врага, уничтожать фашистскую мразь!”»{44}

* * *

30 октября завершилась Можайско-Малоярославецкая операция, войска Западного фронта остановили противника на рубеже восточнее Волоколамска и далее по рекам Нара и Ока до Алексина. Но остановить не значит разгромить. Необходимо было продумать тактику противостояния с ослабленным, но еще дееспособным противником.

Как отмечают современные историки, «в ходе октябрьских оборонительных боев, получив директиву Военного совета Западного фронта о необходимости создания маневренных отрядов для ведения борьбы с танками противника, Говоров сразу же понял значение этого мероприятия для повышения устойчивости нашей обороны. Противнику удавалось преодолевать ее, используя свое многократное превосходство в танках. Наилучшая мера для борьбы с ними — укрепить все танкоопасные направления. Но для этого не имеется соответствующих сил и средств. А раз так, значит, нужно создать из того, что есть, маневренные подвижные отряды, которые можно было бы быстро перебрасывать на угрожаемые участки.

Профессиональный и талантливый артиллерист Говоров сумел наиболее четко и энергично провести в жизнь правильную идею. Он подписал приказ, которым предписывалось организовать в каждом стрелковом полку “отдельные противотанковые исключительно маневренные отряды в составе командира и 15 бойцов, из них один расчет противотанковых

ружей и отделение саперов". В каждой дивизии — соответственно по два таких отряда, в составе которых иметь взвод саперов с противотанковыми минами и подвижный минометный отряд на автомашинах, "Специально выделить командиров для руководства этими отрядами", — говорилось в приказе.

Наконец, при штабе армии создавались три подвижных отряда дивизионного типа. Непосредственное руководство ими командарм возлагал на начальника артиллерии армии, снова и снова подчеркивая тем самым роль, которую он придавал этим отрядам. Командующий армией последовательно и неуклонно требовал исполнения своего приказа. На их эффективность и вообще на умелую организацию действий артиллерии в полосе 5-й армии по докладу командования фронтом обратил внимание и Верховный Главнокомандующий. В результате И.В. Сталин приказал однажды ГК. Жукову отправиться в армию К.К. Рокоссовского, в которой сложилась наиболее тяжелая ситуация, и взять с собой именно Л.А. Говорова как знатока артиллериста для оказания помощи и передачи опыта. Но это произошло уже позже, в ходе отражения ноябрьского наступления немецко-фашистских войск на Москву».

К концу же октября 1941 года, части и соединения 5-й армии, которой командовал генерал Л.А. Говоров, занимали оборону на расстоянии примерно до 80 километров от столицы, прикрывая направление вдоль Можайского и Минского шоссе. «Заслуги генерала Л.А. Говорова в отражении октябрьского наступления немецко-фашистских войск на Москву были отмечены высокой правительственной наградой — орденом Ленина»{45}.

Подспудно похвалу Говоров заслужил и со стороны противника. Начальник штаба 4-й армии вермахта генерал Блюментрит[33] писал в своем дневнике:

«С удивлением и разочарованием мы обнаружили в октябре и начале ноября, что разгромленные русские войска не перестали существовать как военная сила. В течение последних недель сопротивление противника усилилось, и напряжение боев с каждым днем возрастало… Все это было для нас полной неожиданностью. Мы не верили, что обстановка могла так сильно измениться после наших решающих побед, когда столица, казалось, почти была в наших руках»{46}.

Удивление немцев было настолько сильным, что они остановили движение своих колонн, предоставив — непроизвольно — советским войскам время и возможность перегруппироваться.

Вновь предоставим слово военным историкам:

«Командующий армией, используя наступившую… паузу в

первой половине ноября, позаботился о создании глубокой и прочной обороны. По его решению войска армии заняли оперативное построение в два эшелона. Несмотря на то, что в полосе армии плотность орудий и минометов составляла менее чем семь стволов на километр фронта, из армейских средств было создано до 18 противотанковых опорных пунктов. Распоряжением фронтового командования создавались также противотанковые районы в таких пунктах, как Звенигород, Кубинка, Акулово и другие. Командующий и штаб, партийно-политический аппарат армии приняли все меры к тому, чтобы наилучшим образом подготовить войска к отражению ноябрьского “генерального” наступления гитлеровских войск на советскую столицу.

Как известно, в ноябре немецко-фашистское командование сосредоточило для удара по советской столице свои мощные танковые и моторизованные группировки северо-западнее и юго-западнее Москвы. Поэтому против армий центра Западного фронта особой активности гитлеровцы не проявляли. Хотя и здесь они сохраняли инициативу за собой. К концу ноября в полосе обороны 5-й армии врагу удалось приблизиться к Звенигороду»{47}.

Но движение противника началось еще раньше. В середине ноября танковые группы при поддержке пехоты частей и соединений 9-й армии вермахта перешли в наступление на Волоколамском и Истринско-Солнечногорском направлениях, а 18 ноября танковая армия — на Тульско-Каширском направлении.

Немецкое командование вновь стремилось взять Москву в клещи. 4-й армии под командованием Клюге ставилась задача нанести сокрушительный удар по 5-й и 33-й армиям Западного фронта, обеспечив себе (и соседним армиям) выход к советской столице.

Удар немецких войск был как никогда мощным, передовые части вермахта, форсировав водную преграду у Яхромы, остановились в 25—30 километрах от Москвы. 2-я танковая армия Гудериана, с ходу взяв Венев и Сталиногорск[34], двигалась в сторону Каширы, охватывая Москву с юго-востока. Но это была последняя попытка немецких армий овладеть Москвой, их остановили на самых ближних подступах к столице, а сделать еще один рывок вперед больше не было ни сил, ни возможностей. С 16 ноября по 5 декабря немцы потеряли под Москвой 155 тысяч солдат и офицеров, более семи сотен танков{48}. Фронт застыл…

* * *

За бои на Можайском направлении командующий 5-й армией Л.А. Говоров 10 ноября 1941-го был отмечен орденом Ленина, а 19-го ноября ему было присвоено звание генерал-лейтенанта.

* * *

Газета «Красная звезда»:

24 ноября, Западный фронт. «Север и юг нашего фронта являются теми участками, откуда Москве грозит весьма серьезная опасность. Эти два направления — клинское и тульское — отличаются особенно напряженными и трудными боями. Здесь противник пытается осуществить свой обходный маневр, собрав для этого крупные силы пехоты и танков.

Сдерживающие бои, которые ведут наши войска на клинском и тульском направлениях, имеют своей целью отразить вражеский натиск, сорвать планы немцев и перемолоть их живую силу и технику. Для этого наши части широко применяют ответный маневр, концентрацию сил на наиболее опасных участках и переход в контратаки, наносящие противнику тяжелый урон. Высокая маневренность обеих сторон приводит к тому, что ожесточенные сражения возникают то на одном, то на другом участке, и роль каждого из них быстро меняется в зависимости от складывающейся обстановки.

Бесспорно, что бои на клинском направлении, где противник напрягает свои усилия, чтобы овладеть двумя населенными пунктами, имеют первостепенное значение. За последние два дня здесь происходили кровопролитные бои, причем на некоторых участках враг, обладая превосходящими силами, вынудил наши войска отойти на новые оборонительные рубежи. Это, однако, не дало ему возможности осуществить свой план и разрезать наши армии на их стыках, а также выйти на наши фланги и в тылы. Даже в тех случаях, когда танковым группам немцев удавалось прорваться, они несли огромные потери, а самый прорыв пресекался нашим маневром и контратаками еще до того, как он достигал значительной глубины.

Так, на одном из участков клинского направления 15 прорвавшихся немецких танков были встречены из глубины нашими танкистами-гвардейцами, действовавшими совместно с пехотой. 5 вражеских танков были подбиты в первой же схватке. Остальные танки и сопровождавшие их автоматчики подверглись нашему преследованию.

Упорные бои ведут гвардейцы. На их участках немцы силою до четырех батальонов пехоты с 40 танками атаковали и овладели населенным пунктом. Гвардейцы бросились в контратаку и уничтожили 21 вражеский танк, несколько орудий противотанковой обороны, много живой силы.

Но противник ввел в бой новые батальоны и новую танковую группу. Наши бойцы вынуждены были оставить этот населенный пункт.

На подступах к Клину наши части многократно отражали вражеские атаки и сами переходили в контратаки. Бойцы Хоменко уничтожили здесь более 5 немецких батальонов, много танков, пулеметов, минометов, автоматов. Так, в бою у одного населенного пункта группа наших бойцов численностью в 200 человек, действовавшая в сопровождении пятнадцати танков, уничтожила немецкий батальон пехоты, пятнадцать танков, 70 автоматчиков.

На можайском направлении фронта немцы пытались в течение последних дней прорваться к Звенигороду с тем, чтобы выйти в глубокие тылы наших войск и овладеть городом. Этот план немцев был сорван энергичными действиями бойцов командира Говорова, отбивших вражеские атаки и нанесших немцам огромные потери. Однако наступление здесь не приостановлено.

Столь же серьезным, как клинское направление фронта, продолжает оставаться южное направление, где противник развивает большую активность юго-восточнее Тулы, угрожая обходом Москвы.

Здесь идут исключительно трудные и ожесточенные бои. Наши войска несколько отошли и сдерживают натиск врага. Немцы несут огромные потери.

Бои не утихают круглые сутки. Наши танкисты сражались всю прошлую ночь, отбивая немецкие атаки. Они уничтожили три танка и уложили много пехоты, препятствуя врагу развить успех. В боях в этом районе немцы потеряли вчера полк пехоты, 14 танков, шесть самолетов. Наши потери составили десять танков и два орудия.

Москву защищают немало опытных и обстрелянных бойцов, закалившихся в горячих битвах. Им хорошо известна коварная тактика немецко-фашистских войск. Маневрам врага они противопоставляют свой маневр. Многочисленные контратаки последних двух дней показали, что наши бойцы умеют драться храбро и дерзко. Этот дух высокой активности надо всячески развивать и крепить»[{49}].

Декабрь 1941-го стал переломным в Московской битве, да и в судьбе нашей страны вообще. Все было готово к решительному контрудару по всему фронту. Час «икс» назначили на 6 декабря. Но до этого дня надо было еще дожить, первые пять дней декабря оказались самыми горячими за все время обороны советской столицы.

* * *

1 декабря 1941 года. Командарм-16 К.К. Рокоссовский:

«Нашим соседом была 30-я армия генерала В.А. Хо-менко[35]. Войска ее под давлением противника отходили севернее Московского моря. К началу боев связь с ней не была установлена. Слева, юго-восточнее Болычево, нашим соседом была 5-я армия, которой вначале командовал генерал Д.Д. Лелюшенко, а затем генерал Л.А. Говоров. С этой армией связь поддерживалась регулярно.

Как-то в период тяжелых боев, когда на одном из участков на истринском направлении противнику удалось потеснить 18-ю дивизию, к нам на КП приехал комфронтом Г.К. Жуков и привез с собой командарма-5 Л. А. Говорова, нашего соседа слева. Увидев командующего, я приготовился к самому худшему. Доложив обстановку на участке армии, стал ждать, что будет дальше.

Обращаясь ко мне в присутствии Говорова и моих ближайших помощников, Жуков заявил: “Что, опять немцы вас гонят? Сил у вас хоть отбавляй, а вы их использовать не умеете. Командовать не умеете!.. Вот у Говорова противника больше, чем перед вами, а он держит его и не пропускает. Вот я его привез сюда для того, чтобы он научил вас, как нужно воевать”.

Конечно, говоря о силах противника, Жуков был не прав, потому что все танковые дивизии немцев действовали против 16-й армии, против 5-й же — только пехотные. Выслушав это заявление, я с самым серьезным видом поблагодарил комфронтом за то, что он предоставил мне и моим помощникам возможность поучиться, добавив, что учиться никому не вредно.

Мы все были бы рады, если бы его приезд только этим “уроком” и ограничился.

Оставив нас с Говоровым, Жуков вышел в другую комнату. Мы принялись обмениваться взглядами на действия противника и обсуждать мнения, как лучше ему противостоять.

Вдруг вбежал Жуков, хлопнув дверью. Вид его был грозным и сильно возбужденным. Повернувшись к Говорову, он закричал срывающимся голосом: “Ты что? Кого ты приехал учить? Рокоссовского?! Он отражает удары всех немецких танковых дивизий и бьет их. А против тебя пришла какая-то паршивая моторизованная [дивизия] и погнала на десятки километров. Вон отсюда на место! И если не восстановишь положение…” и т.д. и т.п.

Бедный Говоров не мог вымолвить ни слова. Побледнев, быстро ретировался.

Действительно, в этот день с утра противник, подтянув

свежую моторизованную дивизию к тем, что уже были, перешел в наступление на участке 5-й армии и продвинулся до 15 км. Все это произошло за то время, пока комфронтом и командарм 5 добирались к нам. Здесь же, у нас, Жуков получил неприятное сообщение из штаба фронта.

После бурного разговора с Говоровым пыл комфронта несколько поубавился. Уезжая, он слегка, в сравнении со своими обычными нотациями, пожурил нас и сказал, что едет наводить порядок у Говорова»{50}.

Пусть дополнит сам командарм-5.

Леонид Александрович Говоров: «Мы понимали: каждый шаг нашего отступления приближает врага к Москве. Однако пришлось пережить еще более черные дни в начале декабря. Тут противник предпринял обходной маневр. Это было на втором этапе генерального наступления немцев на Москву. Противник пытался осуществить план двойных клещей. Сил он бросил значительно меньше, и наши дивизии легко справились с поставленными перед нами оборонительными задачами. Главное наступление противник предпринял на правом фланге, на Звенигородском направлении, на правом берегу Москвы-реки, на фронте в 40 километров. А на этом участке стояла одна наша дивизия, спешно сформированная. Этот период немецкого наступления был наиболее тяжелым для частей, прикрывавших Звенигородское направление. Но к этому времени наши части приобрели хорошее качество — упругость. Мы не отдали врагу Звенигород. За него велись тяжелые бои. Но противник проник восточнее Звенигорода почти до Павловской Слободы.

Соседняя с нами 16-я армия Рокоссовского оставила Волоколамск, Истру. В 5-й армии создалось такое положение: левое крыло армии под Кубинкой занимало вытянутое положение, а правый фланг был восточнее Звенигорода. У нас не было резервов. Мы ловили случайные команды, батальоны, которые разместили на правом фланге по берегу Москвы-реки. Одновременно с этими тяжелыми событиями на нашем левом фланге немцы совершили прорыв под Наро-Фоминском, на правом фланге нашего соседа — 33-й армии. Бросившись в этот прорыв, немцы дошли до Голицыно.

Положение 5-й армии еще более ухудшилось. Главные силы армии (32, 82, 50-я дивизии) находились под Кубинкой, правый фланг — восточнее Звенигорода, левый — под Голицыно.

Мы приняли решительные меры для того, чтобы подготовить дивизии, прикрывающие автомагистраль Минск — Москва, для борьбы в любых условиях. Военный совет принял решение— дальше отхода быть не может. Все было сосредоточено на

наиболее угрожаемом левом фланге армии, где противник пытался занять Голицыно и тем самым выйти на тылы армии. Это привело бы к катастрофическому положению. В тылу нашей армии не было никакой обороны, строились Уры [укрепленные районы]. К месту прорыва была брошена 20-я танковая бригада. Очень быстро из Москвы было направлено несколько лыжных батальонов и танков. У деревни Акулово прорвавшаяся группировка противника была разгромлена 32-й Краснознаменной стрелковой дивизией полковника В.И. Полосухина. Совместными усилиями с 33-й армией положение было восстановлено, но не без трудностей.

Немного собравшись с силами, мы предприняли небольшое контрнаступление восточнее Звенигорода.

Нам удалось приостановить наступление противника и ликвидировать его крайний прорыв — в районе деревни Маслово, недалеко от Одинцово и Успенского. Этим днем отступательные бои 5-й армии на можайском направлении закончились. Противник потерпел поражение сначала под деревней Маслово, затем под Павловской Слободой.

С первого на второе декабря была очень беспокойная ночь, когда наступление противника достигло крайнего предела. Как раз звонил Н.А. Булганин: “Пустите или не пустите к нам противника, нам уходить уже некуда”.

Мы с членами Военного совета собрались и выехали в войска»[{51}].

Дополним сами воспоминания Говорова и Рокоссовского.

Действительно, 1 декабря части вермахта рискнули на последнюю попытку наступления на наро-фоминском направлении, с целью разгрома 33-й армии, выхода на трассу Минск — Москва и просачивания в тыл 5-й армии. Немецкое командование рассчитывало расчленить центральный участок Западного фронта и двигаться на Москву вдоль минского шоссе. На избранном противником оперативном участке советские войска были вытянуты «струнко», поскольку тяжелые бои на северо-западном направлении вынуждали перебрасывать туда силы со спокойных участков 5-й, 33-й и 16-й армий.

Как считают военные историки, «по случайному совпадению противник предпринял эту последнюю свою попытку прорваться к Москве, теперь уже на центральном участке Западного фронта, именно в тот момент, когда и командующий его войсками генерал армии Г. К. Жуков и командарм-5 генерал-лейтенант артиллерии Л.А. Говоров по приказанию И.В. Сталина вынуждены были покинуть свои командные пункты для поездки в 16-ю армию генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского. Выше уже говорилось о

роли, которая была определена Говорову в этой поездке. Сам он воспринял поручение без восторга: не в его характере было выступать в роли ментора, поучающего коллег, да еще в такое неподходящее для разъездов время.

Вот почему, как вспоминает Г. К. Жуков, Леонид Александрович, несмотря на всю свою щепетильность в отношении распоряжений вышестоящих начальников, в данном случае пытался оспаривать это распоряжение.

Он вполне резонно пытался доказать, что не видит надобности в такой поездке: в 16-й армии есть свой начальник артиллерии генерал-майор артиллерии В.И. Казаков[36], да и сам командующий знает, что и как нужно делать, зачем же ему, Говорову, в такое горячее время бросать свою армию. Чтобы не вести дальнейших прений по этому вопросу, мне пришлось разъяснить генералу, что таков приказ И.В. Сталина.

Конечно, если бы Сталин знал, что немецко-фашистское командование нанесет 1 декабря свой удар в центре фронта, он и сам бы, вероятно, не настаивал на этой поездке. Но, так или иначе, наступление врага на наро-фоминском направлении произошло в отсутствие Жукова и Говорова, что, несомненно, еще более усугубило нервозность в наших штабах. Оба генерала, узнав о происшедших во время их отсутствия событиях, спешно возвратились к пунктам управления подчиненными войсками»{52}.

Итак, оставив штаб 16-й армии, Говоров прибывает на свой командный пункт. Ему докладывают: обстановка очень сложная. Немецкое командование бросило на прорыв все, что смогло собрать, — сто танков, которые, выстроившись «ромбом», проутюжили нашу оборону (стык 33-й и 5-й армий) и, увлекая за собой пехоту, ринулись к населенному пункту Акулово, откуда открывался прямой путь на шоссе Минск — Москва. Угроза выхода частей вермахта в тыл левому флангу, а затем и всей 5-й армии из гипотетической трансформировалась во вполне реальную.

Первым делом Говоров связался с командующим 33-й армией М.Г. Ефремовым[37]. У Михаила Григорьевича новости оказались еще более неприятными: немецкие войска, прорвав фронт 222-й стрелковой дивизии, державшей оборону на стыке 33-й и 5-й армий, движутся на север по дороге Наро-Фоминск — Кубинка и на восток, в сторону Алабина и Голицына.

Телеграфная лента сохранила переговоры двух командармов — Говорова и Ефремова:

«Ефремов. Товарищ Говоров, наштарм [начальник штаба армии] 33-й генерал Кондратьев донес из Головенек, что группа

танков на правом участке гвардейской силою 60—67 танков развила наступление на Акулово, Кубинку… Для поражения ее я приказал группой танков нанести удар через Головенки — Акулово, с тем, чтобы не поставить ваш фланг в тяжелое положение… На всем фронте армии идут напряженные бои, немцы наступают силою до трех пехотных дивизий с танками… Получил данные, что в районе Таширова сосредоточено до ста танков противника.

Говоров. Я имею сведения: до 40 танков противника прорвалось в Акулово и северней, ведут бой с противотанковой артиллерией, часть танков повернула на восток от Акулова… До батальона пехоты с 17—20 танками были обнаружены в семи километрах восточнее Акулова; не встречая сопротивления, они двинулись дальше… Автоматчики появились южнее Голицына… Таким образом, отдельная группа танков проникла уже далеко на восток. Прошу частями 222-й стрелковой дивизии прикрыть шоссе на Кубинку, чтобы не пропустить сюда вслед за танками и пехоту противника, которая уже наступает на Акулово, чтобы совместно с Полосухиным прочно обеспечить направление на Кубинку и затем приступить к уничтожению прорвавшейся группы танков… Дальнейшее ее распространение грозит чрезвычайно опасными последствиями. У меня на правом фланге противник ведет наступление крупными силами, поэтому угроза прорыва группы на левом фланге делает положение очень серьезным.

Ефремов. Благодарю Вас. Немедленно сообщим мероприятия… Тов. Говоров, в свою очередь прошу Вас помочь танками.

Говоров. Имеются сведения, что до 15 танков, прорвавшихся в район Акулова, нами уже уничтожено… Только что получил сведения, что через Головенки на восток продолжает двигаться пехота противника.

Ефремов. По этой дороге… из Апрелевки в Головенки был направлен отряд в 600 человек с пулеметами на автомашинах.

Говоров. Тов. Ефремов, прошу занять Головенки, чтобы не пропустить дальнейшего распространения противника на север»[{53}].

* * *

У деревни Акулово отражать атаку прорвавшихся танков пришлось штабным офицерам, радистам, обозникам. Руководил обороной сам Говоров. Он не потерял присутствия духа и под

прицелом немецких танков, ведущих огонь по его наблюдательному пункту прямой наводкой. Бой, правда, продолжался буквально минут пятнадцать — двадцать, вовремя подоспела помощь — стрелковый полк из 32-й стрелковой дивизии Полосухина. Командир дивизии не пожалел и свой последний артиллерийско-противотанковый резерв. Противник, оставивший у деревни пять горящих танков и до роты пехоты, был отброшен назад. Говоров приказал укрепить оборону у населенных пунктов Головенки и Петровское, чтобы не дать частям вермахта выйти на трассу Минск — Москва обходным путем.

Однако противник проявил поразительное упорство: во второй половине следующего дня он вновь атаковал позиции 5-й армии в районе Акулово. И снова с большими потерями атаки были отбиты. Части 32-й стрелковой дивизии сожгли и подбили 23 и захватили одиннадцать танков, уничтожив до полка пехоты. Леонид Александрович Говоров вновь лично руководил отражением атаки{54}.

Эти декабрьские бои напоминали «драку» между двумя невыспавшимися людьми: удары вялые и наносятся скорее по привычке, реакция ослабленная, никаких инициатив, лишь бы не стоять, а изображать действия. Это вполне объяснимо, так как противоборствующие стороны устали: немцы, промерзшие и отощавшие (русская зима и отставание обозов от действующих сил) уже растеряли все свои силы и не были способны к активизации наступательных импульсов; русские, готовясь к контрудару, не желали распылять силы, вводить заранее в бой свежие силы, а те, кто отражал немецкие удары, начиная аж с сентября 1941-го, были на пределе человеческих возможностей.

Это, кстати, прекрасно иллюстрируют бои под Апрелевкой 3—4 декабря, где противоборствующие стороны (с советской — части 33-й армии генерала Ефремова), заняв берега реки Нары, не рискнули форсировать ее, а обменивались артиллерийскими ударами.

А вот как оценивались действия войск под командованием Говорова в начале декабря 1941 года в исторической литературе:

«Генерал Говоров и другие члены Военного совета 5-й армии, оценивая в кратком письменном отчете ход проведенной боевой операции, с удовлетворением констатировали возросшее мастерство командиров всех степеней и войск, выразившееся в том, что пехота в большинстве случаев научилась полностью использовать артиллерийский огонь, танки четко выполняли различные боевые задачи и совместно с пехотой и самостоятельно, ночные атаки для наших частей стали

нормальным явлением. Обычно скупой на похвалы, действиям артиллерии Говоров на этот раз дал высшую в его устах оценку: “Артиллерия, особенно реактивная, работала превосходно”. А в заключение в отчете сформулирован общий вывод, трезво оценивающий главные итоги в действиях обеих сторон:

“Противник умело использовал стыки, бросив в них и против неустойчивой 222-й стрелковой дивизии свои главные силы. Ликвидация прорыва и уничтожение противника были достигнуты благодаря стойкости частей 32-й, 50-й, 82-й стрелковых дивизий и умелым действиям маневренных групп”.

Характеризуя военное искусство наших военачальников и в числе их Л.А. Говорова, нам остается добавить, что в боях 1—4 декабря четко было организовано взаимодействие на смежных флангах 5-й и 33-й армий, командующие и штабы которых твердо и предусмотрительно осуществляли руководство войсками. Их согласованными усилиями последняя попытка врага наступать на Москву была ликвидирована»[{55}].

Что же, все правильно. Стоит только напомнить, что военные действия в реальности далеки от штабных игр, от движения войск по карте, от теоретизирования, к чему были склонны преподаватели кафедр военных учебных заведений. Понимал ли это сам Говоров? Думается, да. Он вообще удачно сочетал в себе таланты теоретика и задатки практика, реализуя на деле то, о чем еще вчера говорил с кафедры в учебной аудитории. К сожалению, он — исключение из правил для Красной армии. Этим объяснялось и малое количество потерь среди рядовых и командиров 5-й армии. Он берег своих подчиненных, не бросая их в бессмысленные атаки (чем грешили, особенно в 1941-м, многие советские военачальники), отдавая предпочтение массированным или точечным ударам артиллерии или (в меньшей степени) авиации. Повезло Говорову и с «соседями» — с командующими 16-й и 33-й армиями. И Рокоссовский, и Ефремов — военачальники талантливые. Хотя, в отличие от Говорова, могли по первому приказу «сверху» бросить в атаку целую дивизию, не поддержав ее ни артиллерией, ни танками, ни авиацией. Особенно «грешил» Константин Константинович, «била в голову» горячая польская кровь. Говоров вслух не осуждал более молодого «коллегу», но копировать его «опыт» не стремился, действуя по своим представлениям о тактике современного боя.

* * *

Из газеты «Красная звезда»:

4 декабря, Западный фронт. «На северном секторе малоярославецкого направления наши части нанесли противнику серьезное поражение, ликвидировав его прорыв в глубину обороны.

Немцы, сосредоточив на этом участке крупные силы пехоты, танков и артиллерии, потеснили наши войска, вклинились в оборону, заняв при этом несколько населенных пунктов. Замысел противника заключался в том, чтобы, действуя в северо-восточном направлении, выйти на основные коммуникации можайского направления. Это приблизило бы немцев к Москве. Кроме того, их внезапное появление в тылу могло бы создать тяжелое положение для наших частей на этом участке фронта.

Начав осуществление этой операции, немцы одновременно повели наступление на север — против частей командира Говорова, пытаясь овладеть важным населенным пунктом и нанести нам фланговый удар.

В районе прорыва немцы сконцентрировали 258-ю пехотную дивизию, отдельные части 3-й мотодивизии и крупную группу танков из состава 20-й танковой дивизии.

Части 258-й германской пехотной дивизии, при поддержке 50—60 танков, 1 декабря потеснили наши войска и вклинились в оборону на 10—12 км. В дальнейшем им удалось развить успех в северо-восточном направлении. На север противник бросил свою пехоту при поддержке 20—30 танков. На танках находились десанты автоматчиков, которые вступили в бой с нашими частями. Однако противник, оставив здесь небольшое количество танков, остальные перебросил в свою основную группировку, действовавшую в северо-восточном направлении.

Наземные войска противника в районе прорыва активно поддерживались с воздуха. Вражеская авиация действовала группами до 15—20 самолетов вдоль шоссе на глубине до 30 км.

Для ликвидации прорвавшейся группировки были брошены части командиров Говорова и Ефремова. Они должны были преградить дорогу противнику на северо-востоке, не допустить их к московской шоссейной магистрали. Одновременно танкисты командира Сахно ударили по врагу с юга, угрожая его флангу. Наши части были усилены противотанковыми средствами. В развернувшейся операции, впервые под Москвой, приняли участие наши лыжники, вооруженные автоматами.

Во второй половине дня наши части перешли в контрнаступление. Завязался ожесточенный встречный бой в районе нескольких населенных пунктов. Он продолжался в течение полутора суток на всем участке прорыва. Часть своих сил противник сосредоточил у высоты, имеющей серьезное

тактическое значение. Немцы укрепили эту высоту, стараясь не допустить флангового удара. Однако танкисты командира Сахно своими умелыми действиями нанесли противнику тяжелый урон и совместно с пехотой потеснили немецкие войска. В то же время наши части атаковали немцев решительными ударами — с фронта и с флангов.

К рассвету 4 декабря бой принял еще более ожесточенный характер. Под напором наших войск сопротивление противника сломлено, и он начал откатываться назад.

Здесь сказались заранее продуманное взаимодействие наших войск и умелое управление ими в трудных условиях.

Большую роль в этих боях сыграла авиация Западного фронта. В течение двух суток, днем и ночью, наши летчики наносили массированные удары по колоннам противника.

Напор наших войск возрастал с каждым часом. Пехотинцы, танкисты, артиллеристы, лыжники храбро и умело преследовали противника. Его отход вскоре превратился в беспорядочное бегство. Немцы бежали, бросая своих раненых и материальную часть.

На плечах бежавшего противника наши части отбили ряд населенных пунктов и полностью восстановили положение, возвратившись на свои позиции.

Уничтожение рассеявшихся отдельных вражеских групп продолжается.

По далеко не полным данным, на этом участке фронта немцы оставили свыше 2000 трупов солдат и офицеров. По предварительным подсчетам, наши части захватили 36 подбитых танков, 45 орудий, две бронемашины, около 60 пулеметов и автоматов, десять минометов, 400 винтовок, много боеприпасов и другое вооружение. Подсчет трофеев продолжается. Захвачены пленные.

Бои не прекращаются. Наши части продолжают преследовать врага»[{56}].

Газета «Правда»:

5 декабря, Западный фронт. «К числу значительных событий сегодняшнего дня хотелось бы отнести и мороз, крепкий, 27-градусный декабрьский мороз, который уже имеет первые трофеи: по шоссе, ведущему на юго-запад, наши наступающие части ночью наткнулись на замерзших немецких солдат. Их сразила не пуля, а русский мороз.

К вечеру подул свирепый и пронизывающий ветер. Но все же здесь, на фронте, воздух кажется накаленным, даже жарким, — от пожаров, пылающих сел, взрывов, от огня артиллерии и минометов. Бои на подмосковных землях идут с возрастающим

ожесточением. Нынешний день характерен рядом наступательных операций наших войск. На клинском направлении шел бой в районе важного пункта Л***. Здесь советские войска ворвались в городок, выбивают врага с крыш домов, из укреплений, которые он уже успел создать. На соседних участках наши части заняли несколько деревень и сел, потеснили немцев, заставили их отойти. В этих боях красноармейцы и командиры проявляют доблесть, решимость и самоотверженность. В одной из частей на клинском направлении гремит, например, слава о саперах, которые наводили переправу через реку Я***. Под ураганным огнем врага. Они не покинули берег реки и во время бомбардировки с воздуха. Такие у нас саперы!

Наступление наших войск на северном участке клинского направления продолжает развиваться. Немцы оказывают упорное сопротивление, пытаются вырвать инициативу, бросают в бой танки, минометы, пулеметы, артиллерию. Однако все контратаки нами отбиваются. Наиболее сильные контрудары врага выдерживают бойцы командира Безверхих. На каждую контратаку немцев они отвечают еще более решительными ударами. За один день эта часть подбила и сожгла шесть вражеских танков, две танкетки, два броневика, в окопах немцев наши бойцы насчитали 522 фашистских трупа. Танковый бой, который происходил сегодня, показал полное превосходство наших машин и людей. Враг бросил против советских войск девятнадцать танков, — навстречу им вышли семь наших машин. Сражение было короткое, но ожесточенное. Девять немецких танков были уничтожены, остальные бежали с поля боя. Наши танкисты потеряли только две машины.

Немцы подтягивают новые силы. На этом участке уже появились еще одна танковая дивизия, мотодивизия и две пехотные дивизии.

Крупные бои происходили на волоколамском направлении у двух населенных пунктов, представляющих теперь известный тактический интерес для наших частей. Для того, чтобы представить себе характер и размах этих боев, можно сказать, что в бой за пункт П*** немцы бросили 106-ю пехотную дивизию и 2-ю танковую дивизию. Наши части все же ворвались на улицы, преодолевая упорное сопротивление врага. Кровопролитное уличное сражение идет в пункте К***. Там наши люди дерутся у каждого дома, уничтожая немцев, выбрасывая их на мороз, выжигая их из укреплений. Немцы сооружают обычно эти укрепления под одноэтажными домами, откуда и обстреливают наших бойцов. Но врагов выбивают и оттуда. Наши гвардейцы в течение дня заняли ряд деревень на Волоколамском шоссе.

Немцы предприняли на можайском направлении несколько атак силами пехотного батальона и танковой колонны. Атаки эти были отражены, враги поплатились своей пехотой: батальон был окружен в районе села М*** нашими танковой и пехотной частями, и уничтожен.

Сильный контрудар нанесли советские войска врагу в районе Наро-Фоминска. Немцы, собрав здесь крупные силы пехоты, танков и артиллерии, прорвались в глубину нашей обороны. Замысел немцев был вовремя разгадан, — они хотели выйти на наши важные коммуникации, ударить с тыла по советским войскам. Врагам удалось занять важные пункты на пути своего наступления. Для ликвидации прорыва были брошены части командиров Говорова и Ефремова. В этой операции приняли участие и наши лыжники, вооруженные автоматами. Сильным и умно разработанным контрударом наши войска отбросили немцев, заставили их не только отступить, но и побежать, бросая оружие, боеприпасы, снаряжение. Враги не успевали даже убирать своих раненых. Немцы оставили на поле боя несколько тысяч трупов солдат и офицеров, нами захвачено 53 подбитых немецких танка, 65 орудий, 50 пулеметов, 35 минометов, много винтовок, автомобилей, повозок, мотоциклов, велосипедов, боеприпасов. Словом, в этом ожесточенном бою нашли себе смерть и немецкие полки, и их вооружение. Так печально для фашистов закончилось предпринятое ими наступление на этом участке.

В районе действий частей командира Захаркина немцы заняли два села, но в ночном бою враг выбит из них.

Конная гвардия генерала Белова с железной настойчивостью и упорством продолжает наступать на сталиногорском направлении[38]. В этих битвах тесно взаимодействуют кавалерия, пехота, танки и артиллерия. Часть командира Баранова сломила сопротивление фашистов и окружила их в районе селения Д***, часть командира Осликовского после смелой атаки заняла селение М***[39], уничтожив “узлы сопротивления” врага. Под напором наших частей немцы вынуждены были оставить оборонительные рубежи и отходить на юг.

По-прежнему остается острым и напряженным положение в районе Тулы, где немцам удалось выйти на шоссе Москва — Тула. Кроме того, враг занял ряд сел, потеснив наши части. Здесь действуют крупные немецкие танковые силы. Людям, обороняющим Тулу, всем нашим воинам предстоят дни суровых испытаний и ожесточенных боев. Надо выдержать и этот период борьбы с врагом, проявить такую же стойкость, как и во все дни обороны Тулы.

В течение дня инициатива боев на основных направлениях

фронта не раз переходила к нашим войскам, а немцы вынуждались к оборонительным операциям. Это свидетельствует о том, что наши люди окрепли, закалились в сражениях, познали тактику врага, умеют ее разгадывать и на удары отвечать сокрушительными контрударами. О силе этих ударов свидетельствует следующий факт. Мы уже писали, что немцы рвутся к ближним подступам к Москве, не считаясь с потерями, бросая все новые и новые полки в ту страшную мясорубку, которую им устроила наша армия. Нынче подсчитали потери врагов только на одном участке волоколамского направления за неделю. В течение семи дней бойцы генерал-лейтенанта Рокоссовского уничтожили 10 224 немецких солдата и офицера, 139 танков, 22 самолета, 91 орудие, 139 автомашин, 10 бронемашин, 56 мотоциклов, 34 пулемета, 35 минометов, 15 радиостанций. Кроме того, захвачены: 12 танков, 5 орудий, 51 автомашина, 50 мотоциклов, 16 пулеметов, 4 миномета и 3 радиостанции. Эти цифры не нуждаются в комментариях, но вновь напоминают об отчаянных попытках врага любой ценой продвинуться к Москве. Обстановка на подмосковных землях продолжает быть напряженной, — немцы подтянули сюда крупные силы. Предстоят еще ожесточенные, кровопролитные сражения, и они должны превратиться в разгром гитлеровских орд, сосредоточенных теперь под Москвой»[{57}].

* * *

6 декабря. И «настал день»… Войска Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в решительное контрнаступление против ударных фланговых группировок противника. Началась Клинско-Солнечногорская наступательная операция войск правого крыла Западного фронта (30-я, 1-я Ударная, 20-я, 16-я и 5-я армии; рубеж обороны — западнее Свердлова, Дмитров, Красная Поляна, река Нара) при поддержке авиации фронта и авиации резерва Верховного Главнокомандования.

Части 5-й армии с утра 6 декабря на своем правом фланге также перешли в наступление, но, продвинувшись до трех километров, были остановлены массированным артиллерийским огнем. В течение трех последующих дней войска под командоввнием Говорова пытались сбить противника со своих позиций, но неудачно, части вермахта упорно сопротивлялись. Казалось, усталость, вызванная предыдущими месяцами напряженных сражений, не оставит никаких шансов немцам

удержаться под ударами Красной армии. Ан нет! Теперь уже вермахт вгрызся в промерзшую московскую землю, не желая сдавать ни пяди своих позиций.

Командующий Западным фронтом генерал армии Г.К. Жуков усилил 5-ю армию 2-м гвардейским кавалерийским корпусом генерала Л.М. Доватора и 22-й танковой бригадой. Это все, что Жуков мог оторвать от своих резервов, практически все части и соединения Западного фронта были задействованы в наступлении.

«Командующий войсками Западного фронта, — вспоминал генерал И. А. Плиев[40], — приказал корпусу форсированным маршем выйти в полосу 5-й армии и сосредоточиться в районе деревни Кубинка. Нам было известно, что 5-я армия под командованием генерал-лейтенанта Л.А. Говорова в это время продолжала вести бои в полосе от Можайского шоссе до Тарусы»{58}.

Командарм отдал Доватору краткий приказ:

— Вашему гвардейскому кавкорпусу надлежит вместе с 22-й танковой бригадой и 16-м дивизионом минометов наступать вслед за 329-й стрелковой дивизией. С рубежа Апалыцино, Заовражье, Лакотня, после артподготовки, войти в прорыв и, действуя по тылам группировки противника, не допустить подхода резервов, наносить удары по отходящим частям, не давать им возможности закрепиться на новых рубежах… Действуйте активно, инициативно, но — осторожно, берегите людей{59}.

Прежде чем бросить кавалеристов в бой, Говоров «обработал» передний край и ближайшие тылы противника мощным артиллерийским огнем. Конница Доватора пошла «гулять» по тылам 78-й дивизии противника.

Фельдмаршал Клюге, прекрасно понимая, к чему могут привести действия стремительно передвигающейся советской конницы, перебросил против кавкорпуса авиацию и моторизованные резервы{60}.

Близ деревни Палашкино от огня немецких броневиков погибли командир кавалерийского корпуса Л.М. Доватор и командир кавалерийской дивизии М.П. Тавлиев.

* * *

А события на участке Западного фронта тем временем стремительно развивались.

Из сообщений Советского информбюро:

«Утреннее сообщение 7 декабря.

В течение ночи на 7 декабря наши войска вели бои с противником на всех фронтах.

Бойцы тов. Говорова за два дня боев на одном из участков Западного фронта захватили 11 немецких танков, 13 орудий, 14 минометов, 27 пулеметов и истребили 1500 солдат и офицеров противника.

Вечернее сообщение 7 декабря.

В течение 7 декабря наши войска вели бои с противником на всех фронтах. На ряде участков Западного фронта наши части, отбив ожесточенные атаки противника, своими контратаками нанесли немецким войскам большой урон в технике и живой силе и продвинулись вперед.

За 7 декабря под Москвой сбито 5 немецких самолетов{61}.

* * *

Утреннее сообщение 8 декабря.

В течение ночи на 8 декабря наши войска вели бои с противником на всех фронтах.

Часть тов. Голубева, действующая на одном из участков Западного фронта, в ожесточенном бою с противником захватила восемь немецких танков, четыре орудия, одиннадцать минометов, несколько автомашин и истребила около 1000 вражеских солдат и офицеров. На другом участке фронта бойцы тов. Говорова за три дня боев захватили 17 немецких танков, 17 орудий, 20 минометов и много других трофеев. Вечернее сообщение 8 декабря.

8 течение 8 декабря наши войска вели бои с противни ком на всех фронтах. На ряде участков Западного фронта наши части контратаками нанесли немецким войскам большой урон в живой силе и технике и выбили противника из ряда населенных пунктов.

За 7 декабря под Москвой было сбито не пять немецких самолетов, как об этом сообщалось ранее, а одиннадцать немецких самолетов.

Наша часть, действующая на одном из участков Западного фронта, за 6 дней боев уничтожила 36 немецких танков, 119 автомашин с военными грузами, 166 мотоциклов, 17 полевых орудий, 15 минометов, 8 станковых пулеметов, 8 противотанковых орудий, 8 легковых автомашин и 64 переносные рации{62}.

Вечером 8 декабря дивизии 2-го гвардейского кавалерийского

корпуса двинулись по дорогам через Нахабино, Вязьму на юго-запад. На последнем дневном привале в лесу у деревни Часцы в корпус прибыл генерал Говоров. В штабе собрались все командиры дивизий и отдельных частей. Генерал Говоров, высокий, внешне суровый, говорил немногословно:

— Завтра на рассвете наша армия переходит в наступление».

* * *

Из газеты «Красная звезда»:

9 декабря, Западный фронт. «Действия наших войск на ряде участков Западного фронта резко активизировались. Всюду идут напряженные бои, особенно на северных участках подмосковных рубежей и южнее столицы. Преодолевая упорное сопротивление противника в этих районах, части Красной Армии продвигаются вперед и наносят врагу тяжелые потери.

Войска командира Говорова вчера выбили неприятеля из нескольких населенных пунктов, захватив при этом три танка, 15 автомашин с боеприпасами, четыре орудия, десять минометов, 21 станковый и ручной пулемет. На поле боя враг оставил свыше 1000 своих солдат и офицеров убитыми и ранеными. Особенно отличилась в этих боях 1-я гвардейская танковая бригада.

Клинский участок фронта — один из тех, где наши войска настойчиво атакуют врага и, продвигаясь вперед, захватывают один населенный пункт за другим. Здесь фашистские части оставляют свои рубежи и поспешно отходят, бросая на поле боя танки, орудия, автомашины, убитых, раненых и обмороженных. Нашими частями захвачены большие трофеи, подсчет которых производится. На клинском направлении войска Красной Армии, тесня противника, близко подошли к двум городам, где идут упорные бои.

На всех участках Западного фронта не прекращаются ночные действия. Пользуясь тем, что фашистские войска, стремясь укрыться от холода в населенных пунктах, редко проявляют активность ночью, многие наши командиры прибегают к ночным атакам. Наши отряды ночью разрушают немецкие укрепления, нападают на вражеские штабы, выгоняют фашистов из деревень в поле, на мороз»[{63}].

Л.А. Говоров: «Началось наше контрнаступление на маленьком участке. Это было 5 декабря. Приказ Западного фронта был получен 6 декабря. В этом приказе указывалось: перейти в наступление, а 5-й армии продолжать контрнаступление.

По приказу генерала армии Жукова 9 декабря мы получили 329-ю и 19-ю дивизии, 18-ю и 60-ю бригады, кавалерийский корпус Доватора. 362-я дивизия пришла раньше. Армии ставилась ближайшая задача — использовать выгодную конфигурацию фронта, создать условия флангового удара по противнику. Нанести удар на Локотню, перейти к параллельному преследованию с выходом к Рузе. В общее контрнаступление армия перешла 11 декабря»{64}.

Утром 11 декабря, после короткой артподготовки, части 5-й армии перешли по льду реку Москву, атаковав опорные пункты противника на противоположном, северо-западном, берегу. Освобождены несколько населенных пунктов, расположенных у реки{65}. Но дальше продвинуться не удалось, так как танки и тяжелая артиллерия не смогли переправиться по льду, а противник, создав плотную артиллерийскую завесу, заставил наступающих остановиться и залечь едва ли не в чистом поле. Говоров приказал поддержать наступающих танковым огнем с «нашего» берега, стремясь хоть так использовать бронемашины. Несмотря на грозные оклики «сверху», Говоров не бросил свою пехоту в бессмысленные кровавые атаки. Двинуться вперед удалось только после флангового удара частей и соединений 16-й армии.

Войска Западного фронта освободили город Истру; за пять дней наступления (с 6 по 10 декабря) ими было освобождено свыше 400 населенных пунктов.

…Центральные газеты напечатали восемь портретов выдающихся советских полководцев и военачальников, под руководством которых была одержана победа под Москвой. Среди них была и фотография генерал-лейтенанта Л.А. Говорова.

* * *

Из газеты «Красная звезда»:

12 декабря, Западный фронт. «Преследуя отступающие германо-фашистские войска, наши части вчера добились новых успехов, освободив от немецких захватчиков новые населенные пункты и захватив богатые трофеи. Вчера, по неполным данным, нами захвачено 32 танка, 203 автомашины, 24 орудия, 37 пулеметов, 296 винтовок, один самолет и много другого оружия, а также снарядов, боеприпасов, продовольствия и обмундирования.

Наибольшего боевого успеха добились наши части, действующие на клинском и волоколамском направлениях. Они

умело ликвидировали инженерные заграждения, оставленные отступающим противником, и быстрыми, смелыми маневрами наносили ему тяжелые потери.

На ряде участков разгорелись сильные бои. Противник, закрепившись на новых рубежах, пытался организовать упорное сопротивление, но оно было сломлено мужеством, настойчивостью и умением наших бойцов и командиров.

Войска генерала Лелюшенко, завершив окружение Клина, ведут упорный бой за овладение городом и за полное уничтожение находящихся здесь немецких захватчиков.

Насколько паническим было бегство немцев в районе Клина, можно судить по показаниям пленных солдат. Они показали, что офицеры первыми бросили подразделения и сбежали. Из-за отсутствия горючего материальную часть приходилось оставлять. В лучшем случае один танк тащил за собой два-три танка на буксире. Таким же путем немцы пытались спасти и автомашины. Однако из Клина многого вывезти им не удалось, так как наши части замкнули кольцо вокруг города.

Войска генерала Рокоссовского нанесли вчера новый удар по врагу на одном из участков Волоколамского направления. Ими захвачено: одиннадцать вражеских танков, шесть орудий, 33 пулемета, 19 тысяч патронов, несколько тысяч снарядов и др. Наши части, продолжая преследование 252-й германской пехотной дивизии, заняли южнее Истры селение Петровское. Выяснилось, что немцы насильно увели с собой большую группу жителей этого села. Среди них несколько девушек, которых фашисты зверски истязали и насиловали.

Теснят противника и части генерала Говорова. В районе их действий исключительную храбрость и отвагу проявила одна группа разведчиков. Чтобы деморализовать вражеские войска и не дать им ускользнуть от нашего удара, разведчики пробрались в немецкий тыл и взорвали там мост через реку Москву у станции Руза. По дороге они уничтожили 12 повозок с боеприпасами и захватили трехорудийную батарею, которую привели в расположение наших войск. Разведчики наблюдали в тылу немцев беспорядочное движение обозов, машин и солдат на запад»[{66}].

* * *

Из газеты «Правда»:

«13 декабря, Западный фронт. «Военный корреспондент “Правды” обратился к генерал-лейтенанту артиллерии Леониду Александровичу Говорову с просьбой рассказать подробности

прорыва его войсками обороны противника в районах Кулебякино — Локотня. Генерал в это время только что возвратился из ночного объезда частей.

— Я приехал сейчас из Кулебякино, занятого нашими войсками, — сказал тов. Говоров. — Могу сообщить вам, что операция, о которой говорится в последнем коммюнике Совинформбюро, и далее развивается успешно.

Генерал подробно рассказал о том, как был разгадан и расстроен немецкий план наступления на Москву со стороны Можайска и Наро-Фоминска:

— Начав ноябрьское наступление на Москву, немцы вначале сосредоточили усилия на своих флангах, имея целью окружить Москву. Несколько позднее противник активизировался и на нашем направлении, стремясь выйти здесь на ближние подступы столицы. Наиболее тяжелыми для нас днями были 1—4 декабря. В эти дни фашисты, прощупав нашу оборону на Можайском шоссе и автостраде Москва — Минск и убедившись в ее крепости, предприняли наступление в обход этих магистралей с севера и с юга.

Обход имел целью окружение моих частей с одновременным выходом на ближние подступы к Москве. Он был задуман германским командованием по способу двойных клещей. Это со всей очевидностью явствовало из карты германского офицера, захваченной нашей разведкой. Вдумчивое изучение ряда данных (в том числе и названной карты), а также знание тактики германских войск помогли нам вовремя разгадать замысел фашистов.

До 60 германских танков и полтора-два полка пехоты начали наступление на Кубинку с юга, из района Наро-Фоминска. 267-я немецкая пехотная дивизия вела наступление на Кубинку с севера. Это были малые клещи. Они создавали угрозу окружения для некоторых наших частей.

Почти одновременно группа танков с посаженной на них мотопехотой и автоматчиками, прорвав на одном из участков линию нашей обороны, проникла значительно дальше на восток. Двигаясь из района Наро-Фоминска, группа достигла Юшково, стремясь выйти в Голицыно. Угроза этому пункту нависла также и с севера, где из района Звенигорода продвинулись в восточном направлении части 252-й, 87-й и 78-й немецких пехотных дивизий. Таким образом, создались вторые, большие, клещи, значительно вклинившиеся в глубину нашей обороны.

Следует отметить, что фашистские части, совершавшие обход в направлении Голицыно с севера, приблизились к Москве почти на расстояние выстрела дальнобойной артиллерии. Их

дальнейшее продвижение поставило бы город под угрозу артиллерийского обстрела. Южный прорыв немцев разбился о стойкую оборону части, которой командует полковник Полосухин. Фашистские танки вышли непосредственно на командный пункт Полосухина, но полковник и бывшие с ним командиры не растерялись: оставаясь на своем командном пункте, продолжали руководить боем и организовали отпор врагу. Они ушли от опасности быть раздавленными гусеницами танков только тогда, когда получили на это мое разрешение и оборудовали новый командный пункт.

Один из полков дрался одновременно фронтом на запад и на восток и не позволил противнику расширить фронт прорыва. На пути германских танков был создан барьер из сена, соломы, хвороста и других горючих материалов протяженностью в полкилометра. Его подожгли: образовался сплошной огневой вал, пламя высотою до 2,5 метра бушевало два часа. Встретив на своем пути сплошную стену огня, танки повернули и подставили, таким образом, свои бока под выстрелы наших противотанковых орудий. Из 40 вражеских машин 25 осталось на месте.

Подразделение танков, находившееся в моем резерве, было выдвинуто в район южнее Голицыно, как только там появился противник. Тшпсисты первыми встретили врага и приостановили его продвижение. Затем на подмогу подошли другие части, противник был разгромлен ими наголову и отброшен за реку Нара, на исходные позиции, а кое-где и еще дальше.

В то же самое время контрударами наших частей противник был выбит из района Кривуши — Пронское и отброшен за Москву-реку. При этом было захвачено 11 орудий, 10 минометов, несколько сот винтовок и уничтожено до 1500 фашистов. Были взяты пленные.

Позднее нам удалось ликвидировать и группировку, пытавшуюся прорваться к Голицыно восточнее Звенигорода. На этом участке 5, 6 и 7 декабря мы заняли 16 селений и оттеснили противника на 20 с лишним километров.

Все это произошло после того, как 30 ноября немцы известили по радио о полном разгроме моих частей и о взятии Звенигорода. Кстати, Звенигород все время был и остается советским городом.

11 декабря мои части начали новое наступление на своем участке. Мы отошли от шаблона и начали это наступление не в обычное для этого время суток и без предварительной артиллерийской подготовки. Этим была обеспечена внезапность нападения. Я лично видел, как в беспорядке, торопливо покидали свои позиции немцы. В селе Апарина Гора я видел брошенные

немцами второпях ведра, в которых варились к обеду наворованные у крестьян куры, 30 автомобилей, до 30 орудий, 10 минометов оставлено противником лишь на одном небольшом участке.

В первый же день наступления противник был отброшен со своих позиций на северном берегу Москвы-реки и вынужден отойти в леса. Заняты районы Кулебякино — Локотня, освобожден от захватчиков ряд населенных пунктов.

Я хотел бы заверить читателей “Правды”, — сказал в заключение генерал Говоров, — что мы будем продолжать гнать ненавистного врага все дальше и дальше от Москвы»[{67}].

* * *

Из газеты «Красная звезда»:

«20 декабря. «Сегодня на всем участке нашего фронта продолжалось успешное наступление частей Красной Армии. Враг повсюду оказывал упорное сопротивление.

Наиболее ожесточенный бой разгорелся в районе города Плавск [Тульская область]. Немцы создали здесь мощные укрепления, минировали все подходы к городу, взорвали мосты. Атака в лоб или со стороны шоссе стоила бы лишних жертв. Поэтому генерал Голиков решил атаковать Плавск с востока и юга, откуда немцы меньше всего ожидали появления частей Красной армии.

Поздней ночью наша кавалерия и пехота незаметно вышли на исходные рубежи. Рано утром 20 декабря после непродолжительной, но сильной артиллерийской подготовки кавалеристы и пехотинцы пошли в атаку Боевое охранение немцев было вскоре сбито, но уже на окраине враг начал оказывать серьезное сопротивление. Не успев повернуть пушки и минометы в сторону наших частей, фашисты вынуждены были в некоторых местах принять рукопашный бой, который навязали им красноармейцы. Пока на окраине шел бой, автоматчики проникли в город и атаковали немецкие штабы, их артиллерийские позиции и пулеметные гнезда. К 8 часам утра город Плавск целиком был в руках наших войск. Части генерала Говорова захватили в нем большие трофеи. Немцы бегут на запад.

Тяжелый встречный бой провела сегодня часть тов. Сиязова. Немцы подбросили здесь подкрепления, которые встретились с частью Сиязова на окраине крупного села. Село неоднократно переходило из рук в руки, и к исходу дня было окончательно занято нашими бойцами.

Другая часть на этом же участке фронта также встретилась с подкреплениями врага. Но наши бойцы не дали немцам спешиться с машин и атаковали их. Фашисты потеряли 120 солдат убитыми и побежали, бросив пять автомашин, три орудия, 150 повозок с боеприпасами, полевую почту, штабные документы 521-го немецкого пехотного полка»[{68}].

* * *

Утреннее сообщение 24 декабря. В течение ночи на 24 декабря наши войска вели бои с противником на всех фронтах.

Часть тов. Говорова, действующая на одном из участков Западного фронта, за 2 дня боев уничтожила 30 немецких автомашин, 70 повозок с военным грузом, орудие, два миномета и истребила 1650 солдат и офицеров противника.

Вечернее сообщение 24 декабря. В течение 24 декабря наши войска вели бои с противником на всех фронтах. На ряде участков Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов наши войска, ведя ожесточенные бои с противником, продолжали продвигаться вперед, заняли ряд населенных пунктов.

Часть тов. Петухова, действующая на одном из участков Западного фронта, выбила противника из двух населенных пунктов, истребила свыше 500 вражеских солдат и офицеров и захватила 2 немецких танка, 160 автомашин, 70 пулеметов и много других трофеев. На другом участке фронта часть тов. Анисимова в одном из боев захватила 6 вражеских самолетов, 19 автомашин и 46 мотоциклов.

Наша часть, действующая на одном из участков Западного фронта, за один день боев заняла 14 населенных пунктов, уничтожила 5 автомашин, 3 орудия, 150 повозок с боеприпасами и истребила до роты пехоты противника»[{69}].

В конце декабря 1941 года в расположение 5-й армии прибыла делегация английских военных чинов, желающих на месте ознакомиться с особенностями боевой обстановки. Глава англичан, генерал артиллерии Ф. Макфарлан особо заинтересовался положением дел в артиллерийских частях, ему даже разрешили произвести два выстрела из гаубицы по направлению позиций противника[{70}].

Эти выстрелы прозвучали финальным аккордом кровавому, уходившему уже в историю 1941 году…

1942-й: ОТ МОСКВЫ ДО ЛЕНИНГРАДА

Из сводок Советского информбюро.

Утреннее сообщение от 16 января 1942 года:

«В течение ночи на 16 января наши войска продолжали вести активные боевые действия против немецко-фашистских войск.

Преследуя противника, бойцы тов. Говорова (Западный фронт) заняли четыре важных населенных пункта и захватили две вражеских танкетки, шесть орудий, 13 автоцистерн, 11 различных автомашин, четыре станковых пулемета, две радиостанции, несколько тракторов и другие трофеи. На другом участке бойцы тов. Ефремова, преодолевая упорное сопротивление противника, овладели 5 населенными пунктами и захватили 3 танка, 22 орудия, 16 пулеметов, 28 минометов, 53 автомашины, 78 велосипедов, 2 радиостанции и другое военное имущество»{71}.

Утреннее сообщение от 17 января:

«В течение ночи на 17 января наши войска продолжали вести активные боевые действия против немецко-фашистских войск.

Бойцы тов. Ефремова (Западный фронт) за один день боев захватили четыре немецких танка, четыре орудия, шесть минометов, 70 велосипедов, много автоматов, винтовок и боеприпасов. Противник потерял убитыми 450 человек. На другом участке части тов. Говорова, преследуя отступающего противника, захватили пять вражеских танков, 166 пулеметов, 45 противотанковых ружей, 23 миномета, одиннадцать зенитных установок, 13 орудий и 1094 винтовки. Взяты пленные.

Наша часть, действующая на одном из участков Калининского фронта, стремительным ударом заняла населенный пункт. В уличном бою противник потерял убитыми 350 солдат и офицеров. Наши бойцы захватили 2 танкетки, 5 орудий, 11 пулеметов, 4 миномета и много боеприпасов».

Вечернее сообщение от 17 января 1942-го:

«В течение 17 января наши войска, преодолевая сопротивление противника и отбивая на отдельных участках его контратаки, продолжали продвигаться вперед, заняли несколько населенных пунктов и в числе их Шаховская, Лотошино (районные центры Московской области).

За 17 января под Москвой сбито семь немецких самолетов.

В селе А*** (Западный фронт) бойцы части тов. Прокофьева 16 января захватили в плен 107 немецких солдат и офицеров.

Бойцы тов. Кузнецова (Западный фронт), ведя

наступательные бои с противником и преодолевая минные заграждения, за один день боев захватили, но неполным данным, четыре вражеских танка, 84 грузовых и легковых автомашины, один броневик, 27 пулеметов, четыре миномета и много другого оружия. На другом участке части тов. Власова подбили два вражеских танка и захватили 17 немецких орудий, 39 автомашин, 27 пулеметов, 19 повозок с боеприпасами и другие трофеи. Взяты пленные»{72}.

Утреннее сообщение от 18 января:

«В течение ночи на 18 января наши войска продолжали вести активные боевые действия против немецко-фашистских войск.

Отступая под натиском бойцов тов. Рокоссовского (Западный фронт), противник оставил на поле боя 143 автомашины и 17 сожженных танков. На другом участке части тов. Говорова захватили 5 немецких танков, 31 автомашину, 12 тракторов, свыше 300 винтовок и 236 000 патронов. На поле боя противник оставил свыше 1000 трупов солдат и офицеров».

Вечернее сообщение от 18 января:

«В течение 18 января наши войска, преодолевая узлы сопротивления немецких войск, продолжали продвигаться вперед, заняли несколько населенных пунктов и в числе их Полотняный Завод.

За 18 января под Москвой сбито 3 немецких самолета.

Гвардейская часть тов. Безверхова (Западный фронт), ведя упорные бои с противником, нанесла немцам большой урон. Только убитыми гитлеровцы потеряли 500 солдат и офицеров. Наши бойцы захватили 3 немецких танка, 27 орудий, 30 пулеметов, зенитную установку и большое количество снарядов. Трофейные орудия гвардейцы установили на огневых позициях и громят врага его же снарядами.

Авиачасть тов. Полбина, действующая на Калининском фронте, совершила внезапный налет на вражеский аэродром. Метко сброшенными бомбами и пулеметным обстрелом уничтожено 16 немецких самолетов»{73}.

* * *

Конечно, в сводки попадала далеко не вся информация. Так, не прошло ни строчки о том, что в течение 19 января 5-я армия на своем правом фланге и в центре вела затяжные бои с противником, закрепившимся на крутых берегах рек Руза и Москва{74}. Немцы прекрасно организовали оборону, оптимально спланировав артиллерийский, минометный и пулеметный огонь.

А сам город Руза был превращен командованием вермахта в мощный опорный пункт, выполняющий функции так называемого предместного укрепления через реку Руза. Все попытки частей 5-й армии прорвать оборону и освободить город оканчивались неудачей{75}. Лишь число жертв с обеих сторон увеличивалось с каждым часом.

Действующая на левом фланге 5-й армии 32-я стрелковая дивизия уперлась в линию обороны противника на реке Нара. Немецкие артиллеристы и минометчики не жалели боеприпасов: за полчаса порой по наступающей советской пехоте противник выпускал 2,5 тысячи мин и снарядов. Атаки захлебывались одна за другой. А форсировать Нару и взломать оборону жизненно необходимо, с этих позиций открывался оперативный простор в направлении на Можайск.

Говоров приказал прекратить бессмысленные лобовые атаки и основательно обработать оборону противника артиллерией. Лишь через несколько часов артобстрела, когда стало ясно, что уцелеть под таким шквальным огнем просто невозможно, Говоров ввел в дело танки и резервные части. Нарский укрепрайон пал. 5-я армия двинулась к Можайску. Но и здесь ее ждал неприятный сюрприз.

Л.А. Говоров: «Перед Можайском противником была создана оборонительная полоса. Начинаясь непосредственно перед городом, она дальше шла по линии Язево к Варшавскому шоссе.

При выходе к Можайску опять отстало наше правое крыло. Противник, видя, что Можайское шоссе перерезано, начал отходить от Рузы. Наши войска преследовали отступающие части.

Центр тяжести я решил перенести на рузское направление. Правда, я боялся, что противник использует наши Бородинские укрепления, чтобы отбить наш удар на Уваровку. Пришлось часть сил перебросить на рузское направление. Главной группировке удалось от Рузы выйти в район Бородино, она начала приближаться к Уваровке, а противник еще сидел в Можайске…»{76}

Рассказ генерала Говорова дополняли участники и очевидцы наступления на Можайск: «В процессе разрастания контрнаступления 5-я и 33-я армии прорвали оборону врага на Можайском направлении. После ожесточенных боев по освобождению района Руза, Дорохово 82-я мотострелковая дивизия генерал-майора Орлова, усиленная 60-й отдельной стрелковой бригадой и танками, к вечеру 17 января вышла в район Можайск, Чертаново, Ямская{77}. Противник заранее подготовил здесь рубеж. Говоров не мог допустить никакой паузы в боях.

В ночь на 19 января после разведки боем и сформирования специальных штурмовых отрядов части генерала Орлова ворвались на станцию Можайск. Говоров решает и дальше вести бой ночью. Внезапность и смелость действий бойцов 82-й мотострелковой дивизии позволяет ему не проводить плановую артиллерийскую подготовку и тем сберечь свою немногочисленную артиллерию. В ночь на 20 января 82-я дивизия атаковала противника в Можайске, и к утру весь гарнизон гитлеровцев был наголову разгромлен. Днем на городской площади состоялся массовый митинг жителей и воинов»[{78}].

Одним из первых представителей пишущей братии в освобожденном Можайске оказался маститый Илья Эренбург. Несмотря на свой уже достаточно солидный возраст, Илья Григорьевич был быстр на подъем, передвигался едва ли не бегом, и все хотел узнать, пощупать, понять, докопаться до самой сердцевины. В последнем он был близок к Говорову, который, конечно же, почитал его как талантливого автора. Спустя несколько дней после их встречи в «Красной звезде» появилась заметка:

«Можайск взят»

«Передо мной немецкая карта. Ее нашли в брошенной машине. На этой карте — стрелы. Они нацелены в сердце России — в Москву. Одна пронзает Одинцово, другая Голицыно. Это карта ноября, так называемое “Можайское направление”.

Можайск взят. Этого все ждали, и все же это нам кажется нечаянной радостью. Для москвичей имя древнего города стало символом: “Они еще в Можайске”. Из Можайска шли танки на Москву. Можайск для немцев был последним полустанком — перед Красной площадью. В Можайске немцы заранее праздновали победу. И вот Можайск освобожден. Сегодня москвичи с облегчением скажут: “В Можайске их больше нет”.

Другими стали и лица людей и карты штабов. Вот глядит на карту генерал-лейтенант Говоров. Красные стрелы рвутся на запад. Своими остриями они зашли далеко за Можайск. А поход только начался. Впереди Вязьма, за ней Смоленск. Магистраль Москва—Минск как бы напоминает о долге Красной Армии. В Можайске была доиграна последняя сцена великой битвы за Москву.

В этой битве принимали участие стойкие бойцы, отважные командиры, танкисты и артиллеристы, летчики и конники. Зоркий и спокойный глаз наркома обороны следил за каждой деталью гигантского сражения.

Передо мной один из участников битвы за Москву: генерал Говоров. Хорошее русское лицо, крупные черты, как бы

вылепленные, густой напряженный взгляд. Чувствуется спокойствие, присущее силе, сдержанная страсть, естественная и простая отвага.

Вот уже четверть века, как генерал Говоров занят высокими трудами артиллериста. Он бил немцев в 1916 году, он бил интервентов, он пробивал линию Маннергейма.

Артиллерия—издавна гордость русского оружия. Славные традиции восприняли артиллеристы Красной Армии. В самые *трудные* дни советская артиллерия сохраняла свое превосходство. Есть в каждом артиллеристе великолепная трезвость ума, чувство числа, страстность, проверяемая математикой. Как это непохоже на истеричность немецкого наскока, на треск автоматов, на грохот мотоциклов, на комедиантские речи Гитлера, на пьяные морды эсэсовцев. Может быть поэтому, артиллерист с головы до ног, генерал Говоров кажется мне воплощением спокойного русского отпора.

Генерал рассказывает о мужестве артиллеристов, защищавших в октябре Москву. Бывало, они оставались одни… Они не пропустили немцев. Теперь артиллерия перешла в наступление: “Нам приходится прогрызать оборону врага. Артиллерия участвует во всех фазах битвы. Она должна уничтожить узел сопротивления, изолировать его от *других* узлов. Потом — следующий, третий. Насыщенность автоматическим оружием не позволяет ограничиться подавлением огневых точек. Загонять под землю? Нет, уничтожать. Артиллерия теперь не может руководствоваться только заявкой пехоты. Артиллерия ведет бой…”

Так в огне создается новое военное искусство.

Не замолкает телефон в штабе. Он дребезжит всю ночь. Генерал не спит. Его тяжелые свинцовые глаза впились в карту. Он говорит в трубку: “Нет. Направо. “Язык” показал, что они отходят по рокадной”… Потом генерал надевает шинель и, огромный, шагает по снегу, проверяет, останавливает, торопит, скромный и мужественный, хороший хозяин и хороший солдат.

На можайском направлении немецкий фронт был прорван 10 января. Сейчас над Можайском развевается наше знамя. Здесь у немцев было много материальной части, огромные склады. Все это предназначалось для Москвы. Многое попадет в Москву — вот немецкие тягачи, немецкие орудия, немецкие машины…

Немцы упорно оборонялись. Им страшно покинуть город — их упорство диктуется градусами мороза. Немецкие орудия глядели на восток, но Можайск встретил своих освободителей с запада.

Сожженные дома. Отравленные колодцы. Минированы не

только обочины, но и трупы фрицев. Варварским разрушением немцы пытаются задержать Красную Армию. Напрасные усилия! Воду в колодцах подвергают анализу. На мины существуют миноуловители. А дома?..

Что же, бойцы давно привыкли к лесам: вне населенных пунктов спокойней.

Идут по снегу бойцы. Связисты подвешивают провода. Гремят орудия. Широкая прямая дорога ведет от Можайска на запад. Мы прошли только первый переход. Это — длинная дорога. Отсюда до крайнего мыса Европы, до «конца земли» — финистера — царство смерти. Это — трудная дорога. Но покорно скрипит снег, но уверенно ступают бойцы, длинная дорога будет пройдена»{79}.

Эренбург ошибся только в одном — немцев в 1916-м Говоров не бил. Однако Илья Григорьевич точно подметил: «…хорошее русское лицо, крупные черты, как бы вылепленные, густой напряженный взгляд. Чувствуется спокойствие, присущее силе, сдержанная страсть, естественная и простая отвага. Есть в каждом артиллеристе великолепная трезвость ума, чувство числа, страстность, проверяемая математикой. Скромный и мужественный, хороший хозяин и хороший солдат».

21 января, ночной скоротечный бой на Бородинском поле. Немцы потеряли более 150 солдат и офицеров убитыми, 76 пленных, 8 орудий, танк, два самоходных орудия, одиннадцать пулеметов и девять машин с боеприпасами{80}. Уходя дальше на запад, поклонились тем, кто лег здесь и осенью 1941-го, и летом 1812-го…

* * *

В боевой характеристике командарма-5, подписанной 28 января 1942 года командующим войсками Западного фронта генералом армии ГК. Жуковым и членом Военного совета фронта И.С. Хохловым[41], говорилось:

«Генерал-лейтенант тов. Говоров командует войсками 5 армии с 18 октября 1941 года. Можайскую и Звенигородскую оборонительные операции провел успешно.

Хорошо ведет наступательные операции по разгрому Можайско-Гжатской группировки противника.

В оперативно-тактическом отношении подготовлен хорошо. Основным недостатком тов. Говорова является некоторая разбросанность по всему фронту и отсутствие навыка в собирании кулака для ударного действия… Тов. Говоров твердой воли, требовательный, энергичный, храбрый и организованный

командующий войсками»{81}.

А Говоров продолжал наступать, оперативно реагируя на самые неординарные ситуации.

Л.А. Говоров: «13 февраля у меня создалась довольно тяжелая обстановка. Проникло в тыл до 400 немцев. До 300 трупов осталось на поле боя. Поработали наши подвижные отряды, все, что было под рукой, пришлось привести в действие. В одном месте осталось 80 трупов унтер-офицеров, в новеньком обмундировании, в вязаных джемперах. Видимо, воевала унтер-офицерская школа»{82}.

Ветеран 5-й армии Андрей Максимович Вахрушев дополняет: «После 13 февраля обстановка на фронте 5-й армии изменилась. Все попытки расширить прорыв в районе деревни Васильки не привели к успеху. Пробиться к окруженным войскам 33-й армии генерала Ефремова под Вязьмой не удалось. 18 февраля 1942 года в районе прорыва у деревни Васильки погиб командир 32-й стрелковой дивизии полковник Виктор Иванович Полосухин-Командарм Говоров 23 февраля доложил Военному совету Западного фронта: “Бои на этом направлении при создавшемся равновесии сил приобретают характер перемалывания силы”. Говоров внес предложение перенести главный удар севернее автомагистрали Москва — Минск. Это вызовет рассредоточение резервов и огневых средств противника, приведет к несомненному прорыву его обороны. Для решения такой задачи потребуются дополнительные силы и средства до двух стрелковых дивизий».

Наступательные бои и на правом фланге оказались тяжелыми. Они велись до 22 апреля 1942 года, когда выдохлось наступление советских войск, начатое еще в декабре 1941-го. Окончания Московской битвы Говоров не дождался, острый приступ аппендицита «уложил» Леонида Александровича в госпиталь. 5-ю армию Западного фронта принял генерал-лейтенант И.И. Федюнинский[42]:

«Верхом добрался до первого эшелона. Здесь меня встретили начальник штаба армии генерал-майор Пигаревич и начальник оперативного отдела подполковник Переверткин[43]. Бывший командующий армией генерал Л.А. Говоров болел и уже довольно продолжительное время находился в госпитале»{83}.

* * *

За битву под Москвой Говоров был награжден двумя орденами Ленина — в конце 1941-го и в 1942-м, причем, что

интересно: номера орденов следовали один за другим: 7551 и 7552.

* * *

Еще находясь в госпитале, Говоров уже знал, что в 5-ю армию он не вернется, его ждало новое назначение.

21 апреля Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение расформировать Волховский фронт. Его войска составили Волховскую группу Ленинградского фронта. Командующим Ленинградским фронтом и этой группой был назначен генерал-лейтенант М.С. Хозин[44], командующим Ленинградской группой — генерал-лейтенант артиллерии Л.А. Говоров.

Удивило ли это Леонида Александровича? Сейчас сказать сложно… Как военный человек, он привык выполнять приказ, не задумываясь над тем, чем он вызван; главное — как его выполнить. Но Говоров и сам понимал, что уровень армии он уже перерос, группа войск — еще одна ступень.

Хотя разделение фронтов и было сделано для того, чтобы добиться более четкой согласованности в действиях советских войск, направленных на разгром группировки противника под Ленинградом и прорыв блокады, эта реорганизация не дала положительных результатов{84}.

Один из участников Ленинградской битвы справедливо отмечал, что только «за первые три с половиной месяца войны сменилось четыре командующих фронтом и пять начальников штабов Ленинградского фронта. У каждого из них были свои привычки, свой сложившийся стиль командования. Каждому из них требовалось какое-то время затратить на врастание во фронтовую обстановку, на ознакомление с руководящим составом фронта и армий, на анализ боеспособности войск. И все это надо было делать в условиях сложной и напряженной боевой обстановки

Ясно, что в таких условиях, при крайне ограниченном времени командующие не могли глубоко вникнуть во все вопросы фронтовой жизни, сработаться по-настоящему с аппаратом управления, знать, на что способен тот или иной начальник. Все это неизбежно создавало излишнюю нервозность в работе и поспешность в выводах и оценке складывающейся обстановки, приводило к излишним осложнениям»{85}.

Естественно, что и Говорову было необходимо время, чтобы понять, разобраться в обстановке. Недаром же этот северо-

западный участок советско-германского фронта считался наиболее сложным, дела — запутанными, потери — большими, затраты — огромными, а результаты — совершенно незначительными. Добавим к этому еще и природу с погодой (болота, дождь вперемежку со снегом, бледное солнце и ветра со стороны Балтики), столь характерные для этого региона, и картина будет полной в своем сюрреализме. Войскам, испытывавшим недостаток и в продовольствии, и в боеприпасах (доставка их обходилась «большой кровью»), держать оборону приходилось в таком безлесье (под Ленинградом) или наступать по такой заболоченной местности (волховский участок), что непонятно, от чего больше страдали: то ли от прелестей природы, то ли от противника.

Эта ситуация для Говорова прояснилась к концу апреля, когда завершилась Любанская операция: войска 2-й Ударной армии Ленинградского фронта, сковав силы группы армий «Север», перешла к обороне на фронте Кривино, Ручьи, Червинская Лука, Красная Горка, Еглино, озеро Черное. Потери советских войск превосходили немецкие в 1,5—2 раза, причем смертность была огромна, в первую очередь среди раненых: не хватало медикаментов, перевязочных средств, все это застряло на подходах к медчастям. Транспортировка раненных осуществлялась с большим трудом, да и не всех довозили до стационарных госпиталей, бойцы и командиры умирали по дороге. Свою роль сыграли и болота: влажность (со всеми вытекающими последствиями) лишь усугубляла и без того тяжелую ситуацию. В результате оборона 2-й Ударной армии постепенно стала приобретать очертания окружения, это грозило серьезными последствиями.

На участке Ленинградской группы ситуация была может чуть-чуть полегче, но — лишь с точки зрения боевых столкновений: на фронте временное затишье, противник готовился к летним боям, дожидаясь, когда просохнут дороги. С точки зрения снабжения воинских частей и гражданского населения Ленинграда продовольствием, горюче-смазочным материалом, топливом дело обстояло гораздо хуже, чем на волховском участке: город на Неве оставался в кольце блокады.

Дело несколько облегчилось после строительства магистрального Ладожского трубопровода (35 км, из них 27 км по дну Ладожского озера) от местечка Кареджи на Ладожском озере (пункт приема горючего с железной дороги) до железнодорожной станции Борисова Грива (в 45 км к северо-востоку от Ленинграда). Возведен трубопровод был в кратчайшие сроки, с 21 мая по 16 июня. С 1942 года по март 1943-го по трубопроводу в

Ленинград поступило свыше сорока тысяч тонн горючего. Блокадникам стало чуть легче дышать…

Командовал Ленинградской войсковой группой Говоров менее двух месяцев. 8 июня Ставка Верховного Главнокомандования вновь создала Волховский фронт (командующий — генерал армии К.А. Мерецков) и Ленинградский фронт (руководство которым отходило генералу Говорову). Хозина, как явно не справляющегося с обязанностями, понизили, отправив командовать 33-й армией (действовавшей бок о бок с 5-й, которой командовал Говоров).

Исполнение новых обязанностей Говоров начал с беседы с работниками штаба фронта: «…Разговор был долгим, скрупулезным, касался каждой дивизии, полка, а иногда и батальона немцев и финнов по всему кольцу блокады. И сводился Говоровым к главному, центральному вопросу: следует ли ожидать этим летом активных действий командования группой армий “Север”, и если да, то где, какими силами».

— Допускаете ли вы возможность сосредоточения крупной ударной группировки противника на отдельном участке блокады города? — спрашивал Говоров.

Ему ответили, что у немецко-фашистского командования есть повод готовить летом наступательную операцию против самого Ленинграда. Оно знает, что город и войска, обороняющие его, сильно ослаблены после голодной зимы. Окружение противником 2-й Ударной армии тоже, по-видимому, повлияет на дальнейшую активность действий немцев».

Начальник разведывательного управления фронтом Евстигнеев доложил Говорову некоторые характерные донесения разведки, действующей в тылу у немцев, в том числе сведения об изменениях, происшедших в командовании немецких войск под Ленинградом. В январе убыл в Германию генерал-фельдмаршал фон Лееб, командовавший группой армий «Север». На его место вступил генерал-полковник Кюхлер, командовавший 18-й армией с начала блокады, а того сменил в свою очередь генерал Линдеман, командир 50-го армейского корпуса, штаб которого дислоцирован в районе Гатчины[45]. «Говорова эти сведения очень заинтересовали.

— Как вы оцениваете перемещения?

— Надо обдумать, товарищ командующий…

— Обдумайте, — согласился Говоров. — Перемещения в командовании должны иметь и причину, и следствие. И помните главную задачу разведки: никогда, ни при каких обстоятельствах наши войска и командование не должны оказаться перед фактом неожиданности сосредоточения группировки противника в каком-

либо месте»[86].

29 июня закончились боевые действия оставшихся в окружении 2-й Ударной и 59-й армий Волховского фронта, значительная часть советских войск оказалась в плену.

Войска Ленинградского фронта находились в не менее трудном положении. Оставаясь в блокадном кольце, три его общевойсковых армии и две оперативные группы (31 расчетная дивизия) действовали в четырех обособленных группировках. Их снабжение осуществлялось по воздуху и через Ладожское озеро. Деблокада Ленинграда являлась одной из самых насущных задач[87].

Не могла порадовать и полоса обороны Ленинградского фронта: «Передний край был наполовину разрушен — огнем противника и весенней водой, заливавшей блиндажи, окопы и рвы. Высота бруствeров росла лишь за счет трупов. Трехлинейки валялись повсюду, как дрова или палки… За зиму 1941/42 года фронт потерял от голода одиннадцать тысяч человек — дивизию, а оставшиеся в живых были похожи на тени. Все войска — в первой и второй линиях, резервов нет. Новой техники мало, еще меньше боеприпасов».

Справедливости ради отметим, что и у противника картина вырисовывалась не менее «радостная»:

«Зима [1941—1942 гг.] была проблемой номер один, прежде всего, для немецких войск. Снежный покров к середине декабря в целом достиг 80 сантиметров. Температура резко падала. К новому 1942 году термометры показывали 42 градуса ниже нуля. Устройство новых долговременных позиций, несмотря на неимоверные усилия и труд, продвигались медленно. Ротам приходилось искать защиту за снежными брустверами. Отапливаемые палатки и шалаши из хвороста стали первыми теплыми местами расположения за передовой. Строительство бараков и блиндажей давалось тяжело, поскольку в лесах в болотистой местности росли лишь мелкие деревья.

Выдвинутые вперед соединения страдали от недостатка зимнего обмундирования. Солдаты батальонов снабжения и артиллерии отдали пехоте зимние шинели и имевшиеся меховые сапоги. Прямо неразрешимая ситуация создавалась в моторизованных подразделениях. До сих пор применяемые противообледенительные средства для топлива, ружейных масел и смазочных материалов не действовали. Оружие отказывало, потому что замерзали затворы. Орудия были готовы к открытию огня лишь в том случае, если под их лафетами постоянно горел маленький костерок…

Лошади, верные помощники, сотнями падали от голода. Где

они падали на землю, там через несколько минут появлялись сугробы снега и льда. Транспортировка раненых на носилках или в санитарных машинах всегда означала бег наперегонки со смертью от замерзания. Любой подвоз и снабжение не поступали по целым дням… Немецкий солдат учился жить и воевать без горячей пищи, без обогретого жилья и без достаточного сна»{88}.

Нечего сказать, веселенький «пейзаж».

* * *

Леонид Александрович начал с первоочередного — привел в порядок передний край, одновременно еще и значительно усовершенствовав оборону и управление частями и соединениями. Говоровым впервые применена система сплошных траншей, связавших узлы сопротивления в единое целое: «Здесь видна только идея жесткой обороны. Расширяйте всю систему позиций до емкости исходного плацдарма войск и для атак противника. Траншеи должны развиваться как в глубину — назад, так и вперед, на максимально возможное сближение с противником»{89}.

По приказу командующего фронтом были усилены «противотанковые средства на южном фасе обороны, что позволило постепенно отводить с передовой некоторые части, формируя из них фронтовой резерв. Риск при этом был смертельный, малейшая ошибка означала катастрофу». Но осторожный Говоров не ошибался.

По настоянию Говорова Военный совет фронта, гражданские власти принимают ряд решений, направленных на увеличение производства в городе оружия, боеприпасов и необходимого военного имущества. Решением Ставки Верховного Главнокомандования Ленинграду выделяются две авиационные корректировочные эскадрильи. Это позволяет и повысить точность стрельбы, и взять под жесткий контроль все выявленные батареи противника. План их уничтожения предусматривал «комбинированные удары бомбардировочной и штурмовой авиации»{90}.

Побывал Говоров и на оторванном от общей линии фронта участке обороны — в Приморской оперативной группе, на так называемом ораниенбаумском плацдарме. Туда пришлось лететь ночью через линию фронта и Финский залив на двухместных самолетах «У-2» — в кромешной тьме, под зенитные разрывы.

Командовал оперативной группой генерал-майор А.Н. Астанин[46]. Силы здесь были небольшие: две неполного состава

дивизии, две бригады, полк морской пехоты, немного танков и артиллерии. Поддержку группе оказывали береговые форты Балтийского флота{91}.

Немцы держали против Приморской оперативной группы тоже незначительные силы. Характерным на Ораниенбаумском «пятачке» было то, что «нейтральная полоса, разделявшая стороны, достигла местами нескольких километров: ни наши войска, ни противник не хотели лезть в низины, болота, бездорожные места. Но это повлекло за собой ярко выраженную пассивность обороны. Штаб Астанина и командиры дивизий поверхностно знали противника, артиллерия располагалась без четкой системы, в развитии инженерных позиций была видна только одна перспектива — статус-кво»{92}.

Говоров бросил и Астанину, и его штабным: «Лапу, что ли, здесь сосали всю зиму?»[47]

После Ораниенбаума Говоров объехал все армии фронта и потребовал улучшения фортификационных работ. По его указанию были углублены окопы, выровнены ходы сообщения, усилена противотанковая оборона. В результате была создана невиданная ни на одном другом участке советско-германского фронта плотность орудий противотанковой обороны на ее южном фасе (42-я и 55-я армии). На главном направлении 42-й армии на фронте в 24 километра было образовано 28 противотанковых районов и батальонных противотанковых узлов с 760 орудиями. Таким образом, плотность орудий противотанковой обороны составила чуть более 31 орудия на один километр фронта. Противотанковая оборона имела три рубежа: главная полоса составляла глубиной три километра, с плотностью пятнадцать орудий на один километр фронта; вторая полоса — глубиной три километра, с плотностью 6,6 орудия, и армейская тыловая полоса выстраивалась глубиной в шесть километров, с плотностью десять орудий (с учетом противотанковых резервов) на один километр{93}.

Как артиллерист, Говоров не мог не вникнуть в состояние артиллерийского парка Ленинградского фронта.

Образцы артиллерийских орудий и минометов, которыми располагал Ленинградский фронт в конце 1941 года{94}

(Калибр и система …… Калибр, мм — Максим. дальность, м — Вес снаряда, кг)

Наземная артиллерия

76-мм полковая пушка обр. 1927 г. …… 76,2 — 8550 — 6,200

76-мм дивизионная пушка образца 1902/30 г. 30 клб …… 76,2 — 12100 — 6,200

76-мм дивизионная пушка образца 1902/30 г. 40 клб …… 76,2 — 12940 — 6,200

76-мм дивизионная пушка образца 1942 г. (ЗИС-3) …… 76,2 — 12940 — 6,200

107-мм пушка образца 1910/30 г. …… 106,7 — 15 800 — 17,18

122-мм гаубица образца 1910/30 г. …… 121,92 — 8910 — 21,76

122-мм гаубица образца 1938 г. …… 121,92 — 11800 — 21,76

122-мм пушка обр. 1931/37 г. (А-19) …… 121,92 — 19750 — 25,00

152-мм гаубица образца 1909/30 г. …… 152,4 — 9850 — 40,00

152-мм гаубица обр. 1938 г. (М-10) …… 152,4 — 12390 — 40,00

152-мм гаубица-пушка обр. 1937 г. (МЛ-20) …… 152,4 — 17230 — 43,56

152-мм пушка образца 1935 г. (БР-2) …… 152,4 — 25070 — 48,77

203-мм гаубица образца 1931г. (Б-4) …… 203,2 — 13 510 — 100,00

Минометы

82-мм батальонный миномет образца 1937,1941 и 1943 гг. …… 82,0 — 3040 — 3,100

107-мм горновьючный полковой миномет …… 107,0 — 5790 — 8,789

120-мм полковой миномет образца 1938, 1941 и 1943 гг. …… 120 — 5520 — 15,880

100-мм морская пушка П-34 …… 100 — 19950 — 15,900

Говоров сравнил потенциал Ленинградского фронта с силами вермахта (Говоров ставил задачу — не только подавлять вражескую артиллерию, но и, составляя точнейшую номенклатуру и характеристику выявленных целей, методически уничтожать ее[{95}]).

Характеристики орудий противника, применявшихся под Ленинградом[{96}]

(Калибр и система …… Дальность стрельбы, км — Вес снаряда, в кг)

75-мм пехотное орудие обр. 1918 г. …… 3500 — 5,45

75-мм французская горная пушка обр.1919 г. …… 9025 — 6,5

105-мм легкая полевая гаубица обр. 1918 г. …… 9225 — 14,81

105-мм легкая полевал гаубица обр. 1918 г. …… 10675 — 14,81

105-мм французская пушка обр. 1936 г. …… 16000 — 15,7

150-мм тяжелое пехотное орудие обр. 1933 г. …… 4650 — 38

150-мм тяжелая полевая гаубица обр. 1918 г. …… 13 325 — 43,5

150-м тяжелая гаубица «Рейнметалл» …… 16000 — 42

150-мм тяжелая пушка обр. 1939 г. …… 24725 — 43

155-мм французская пушка «Шнейдер» обр.1917 г. …… 17500 — 53,1

170-мм пушка обр. 1918 г. на лафете 211-мм мортиры …… 28000 — 62,8

210-мм чехословацкая короткая мортира …… 11000 — 120

210-мм чехословацкая пушка «Шкода» обр. 1938 г. …… 28600 — 135

220-мм мортира «Шнейдер» обр. 1916 г. …… 9500 — 101,5

240-мм пушка «Рейнметалл» «Борзиг» …… 31000 — 180

305-мм мортира «Шкода» М-16 …… 12 300 — 380

400-мм ж.-д. французская гаубица обр.1915/16 г. …… 15000 — 900

420-мм мортира «М» («Толстая Берта») …… 12250 — 800

Новому командующему Ленинградским фронтом было о чем поразмышлять.

Так, шаг за шагом, разваливающийся фронт, пораженный «оборонным кретинизмом», превращается в боеспособный{97}. Этого командующему представлялось недостаточным. Постепенно Ленинградский фронт стал приобретать черты настоящего «академического» фронта{98}. В доказательство этого приведем только один штрих. Как вспоминал один из старших офицеров, воевавших на Ленинградском фронте, «командующий исключительно придирчив ко всем оперативным документам, ко всем формулировкам и не терпит неясностей, недомолвок. Говоров очень внимательно читал директиву, возвращаясь к некоторым параграфам по нескольку раз и делая какие-то пометки»{99}. Педант? Да, педант. Но — для пользы дела.

* * *

5 июля Военный совет Ленинградского фронта принял

специальное постановление: Ленинград должен был жить и воевать по канонам фронта, имея четкую организацию всех звеньев управления{100}. Зачитав проект постановления, Говоров, обведя глазами комнату, где заседал Совет, произнес: «Во-первых, всемерно развивая жесткую и устойчивую позиционную оборону блокированного Ленинграда, я намерен придать ей и максимально активные формы; и, во-вторых, выполняя эту задачу, буду стремиться создать из внутренних сил ударную группировку для крупной операции»{101}.

«Жесткая и устойчивая позиционно-оборонная» позиция в условиях блокады была крайне важна для Ленинграда. Это в первую очередь позволило бы ослабить атаки города с воздуха. 1941 год в этом плане был более чем показателен: германские люфтваффе наносили городу очень ощутимые потери.

Налеты немецкой авиации на Ленинград осенью 1941 г. {102}

Месяцы	Число налетов	Кол-во самолетов, участвовавших в налетах	Сброшено бомб.		Убито и ранено жителей города
			Фугас.	Зажига-тельн.	
Сентябрь	23	675	987	15 100	4409
Октябрь	38	377	812	43 290	2147
Ноябрь	38	388	1256	6540	3027
Итого	99	1440	3055	64 930	9583

За три месяца 1941-го только от бомбежек девять с половиной тысяч погибших… Еще одна «дивизия», «гражданская дивизия»… Такое положение дел Говорова не могло не волновать. Необходимо было найти выход из непростой ситуации. Необходимо было показать и доказать противнику, что советские войска, население ставшего фронтовым города способно и грамотно обороняться, и наносить чувствительные удары, суметь наконец разорвать кольцо блокады.

Еще в середине мая 1942 года, оценивая оперативную обстановку, сложившуюся у стен города на Неве, Военный совет Ленинградского фронта сообщил в Ставку Верховного Главнокомандования: основные усилия частей и соединений фронта необходимо направить на разгром мгинско-синявинской группировки противника с целью прорыва блокады Ленинграда.

Ставка Верховного Главнокомандования утвердила представленный Военным советом план. Согласно последнему, для успешного выполнения задач по разгрому мгинско-синявинской группировки противника Ставка передала войскам Ленинградского фронта 25 уровских батальонов, 6

противотанковых полков, 500 станковых и 1000 ручных пулеметов, 5000 автоматов и 2 танковые бригады неполного состава (по 50 танков в каждой). Все эти силы и средства должны были поступить на Ленинградский фронт до 1 июня 1942 года{103}. Как считало военное руководство самого Ленинградского фронта, такое количество людей и боевой техники, конечно, не могло позволить создать ударную группировку для крупной операции. Но создание так называемых полевых укрепленных районов позволило Говорову быстрее решать проблему накопления резервов. В полосе действий 42-й армии сформировался 79-й укрепрайон, в полосе 55-й армии — 14-й, по Неве — 16-й. Эти формирования представляли собой соединения бригады с отдельными артиллерийско-пулеметными батальонами, которые занимали наиболее прочные броневые и «деревокаменные сооружения» и стали быстро строить еще и новые. Большое количество огневых средств в этих частях дало возможность выводить войска в резерв, сохраняя устойчивость обороны{104}. Те, кто держал оборону уже несколько месяцев, получили возможность перевести дух, собраться силами, пополнить ряды новобранцами, восстановить материально-техническую базу и быть готовыми к участию в наступательных операциях.

10 июля командующий Ленинградским фронтом генерал Л.А. Говоров, выступая перед военными политработниками с анализом состояния и задач обороны Ленинграда, доказывал необходимость укрепления ее новыми резервами, важность организации четкой, мгновенной связи и быстрого, дружного взаимодействия. Один из участников совещания, находясь, видимо, всецело под впечатлением говоровской речи, отметил в своем дневнике, что Леонид Александрович — «не только опытнейший, крупнейший артиллерист, но и талантливый полководец, сразу взялся за дело обороны Ленинграда с присущими ему дальновидностью, энергией и уменьем. Он подошел к этому делу как аналитически мыслящий математик, как умный исследователь, ученый»{105}.

Подготовка к операции продолжалась достаточно долго — три месяца, только в августе войска Ленинградского (Невская оперативная группа, 55-я армия) и Волховского (8-я и 2-я ударные армии) фронтов, силы Балтийского флота и Ладожской военной флотилии начали Синявинскую наступательную операцию{106}.

Между 8-й армией, расположившейся в первом эшелоне (командующий генерал-майор Ф.Н. Стариков[48]), и развивавшей ее действия 2-й Ударной армией (командующий генерал-лейтенант Н.К. Клыков[49]; до самого начала наступления армия,

лишившаяся бывшего своего командующего, генерала А.А. Власова, и почти 80% своего состава, находилась в резерве) развернулся 4-й гвардейский стрелковый корпус (командир генерал-майор Н.А. Гаген[50]). Частям 8-й армии и 4-го армейского корпуса предназначалось прорвать оборону противника на всю глубину, а задача 2-й Ударной армии сводилась к подключению к боевым действиям уже на завершающем этапе операции. Таким образом, предполагалось нанести «двухступенчатый» удар по противнику, не позволить ему собраться силами, перемещать свои войска по линии фронта, не давать ему даже возможности «перевести дыхание», вести атаки постоянно, без пауз и передышки. Главная роль отводилась Волховскому фронту (в первую очередь — 8-й армии), который должен был разгромить мгинско-синявинскую группировку противника, выйти к Неве и соединиться с Невской оперативной группой (Невская оперативная группа Ленинградского фронта планировала перейти в наступление на Синявино, 55-я армия — на Тосно). По замыслу командования, прорыв немецкой обороны осуществлялся на 16-километровом участке в направлении Отрадного. Этот населенный пункт расположен на берегу Невы, неподалеку от места, где сходились грунтовая дорога из Синявина на Колпино и железная дорога из Мги в Ленинград. Взятие этого населенного пункта предопределило бы соединение «волховчан» с войсками Ленинградского фронта.

27 августа 1942 года, после двухчасовой артиллерийской подготовки, завершившейся мощным обстрелом позиций из катюш, правый фланг и центр 8-й армии «от мыса Бугровского на Ладожском озере до опорного пункта Вороново пришел в движение». Наступление Волховского фронта развивалось успешно в течение первых двух дней: была пересечена Черная речка, прорвана оборона противника. К вечеру 28 августа советская пехота вышла к Синявину

Немецкое командование стянуло к месту прорыва части и соединения с других участков фронта. Но этого было явно недостаточно. 29 августа к Синявину подтянулась 180-я пехотная дивизия вермахта, переброшенная из Крыма (после падения там еще в мае Севастополя). Усиленные танками 12-й танковой дивизии, полки 180-й дивизии с ходу контратаковали части 8-й армии.

В бой вступил 4-й гвардейский стрелковый корпус. Но его действия были скованы отсутствием достаточной артиллерийской и авиационной поддержки, а также природными условиями, наступать приходилось через Синявинские болота.

Через неделю после начала наступления глубина прорыва

составляла уже девять километров. Но это оказалось наивысшим успехом; пять пехотных, три горно-егерские и одна танковая дивизии сумели остановить дальнейшее продвижение советских частей. Мало того, советскому командованию было понятно, что немцы готовят серьезный контрудар. Оставалось одно — ввести в дело части 2-й Ударной армии. Одновременно планировалось нанесение встречного удара Невской оперативной группой Ленинградского фронта. Но сил у 2-й Ударной явно не хватало, не отошли они еще от весенних боев. Да и техникой части армии не были подкреплены. Атаки пехоты без огневой поддержки приносили больше жертв, чем каких-либо реальных результатов. Пришлось «вгрызаться» в землю на отвоеванных 8-й армией рубежах.

Полной неудачей закончилось наступление и Невской оперативной группы. Авиация противника уничтожила почти все переправочные средства, форсирование Невы затормозилось. Части, уже переброшенные через реку, не могли удержать за собой плацдармов{107}.

Оставалась надежда на партизан, действовавших в направлении Ленинградского и Волховского фронтов: им предписывалось наносить удары по тыловым коммуникациям противника, обеспечив хотя бы таким образом поддержку частям 2-й Ударной армии и Невской оперативной группы. И вновь — неудача: к 8 сентября вермахт ликвидировал так называемый Ленинградский партизанский край. Партизаны частично перебазировались в другие районы, частично вышли в советский тыл{108}.

10 сентября немецкое командование отдало приказ нанести контрудар по флангам 2-й Ударной армии, которая перешла к обороне.

Ставка Верховного Главнокомандования в директиве от 12 сентября приказала Военному совету Ленинградского фронта временно приостановить операцию по форсированию Невы: «Так как Ленинградский фронт оказался неспособным толково организовать форсирование реки Невы и своими неумелыми действиями глупо загубил большое количество командиров и бойцов, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает операцию по форсированию реки Невы временно прекратить»{109}.

Но бои в районе Мги (зона ответственности 2-й Ударной армии и 4-го гвардейского стрелкового корпуса) продолжались. К 20 сентября войскам Волховского фронта удалось продвинуться примерно на 12 км в западном направлении, до района севернее Мги. Вермахт ответил контрнаступлением: с юга наступал

немецкий 30-й армейский корпус (24-я, 132-я и 170-я пехотные и 3-я горнострелковая дивизии), с севера — 26-й армейский корпус (121-я пехотная, 5-я и 28-я горнострелковые дивизии).

Уже 21 сентября части 2-й Ударной армии и 4-го гвардейского стрелкового корпуса оказались в окружении[110].

Говоров, получив известия о непростой ситуации, сложившейся на Волховском фронте, стремился оттянуть на себя хотя бы часть сил вермахта, блокирующих 2-ю Ударную армию.

К вечеру 25 сентября Говоров стянул в полосу форсирования Невы в районе Московской Дубровки 600 орудий и тяжелых минометов; 160 орудий встало на позиции прямой наводки, их задача — уничтожать самые близкие немецкие огневые точки. Ранним утром 26 сентября батальоны 70-й и 86-й дивизий пересекли 500 метров Невы под прикрытием артиллерии и реактивных минометов: «на вражеском берегу завязался тот неописуемый ночной бой в траншеях, где главным оружием становится граната, автомат и короткая, отточенная, как топор, лопатка пехотинца»[111]. Бой продолжался весь день, и вновь — неудача. Прорвать оборону противника не удалось. 27 сентября Ставка Верховного Главнокомандования отдала приказ о выводе всех частей на восточный берег Невы. 28 сентября арьергард 70-й и 86-й дивизий сдерживал атаки противника, прикрывая отход, а в ночь на 29 сентября началась переправа. Части начинают покидать плацдарм у Московской Дубровки, но ожесточенные бои на пятачке продолжаются. В боях участвует с обеих сторон уже более 1,5 тысячи стволов орудий и тяжелых минометов, около ста танков. «Потери немцев огромны, но и боевой порядок советских дивизий на маленьком плацдарме настолько уплотнен, что каждая вражеская мина, бомба или снаряд находят себе не одну, а десять жертв»[112]. Противостояние продолжалось до 8 октября, когда с плацдарма была эвакуирована большая часть советских войск. На плацдарме оставался лишь небольшой отряд автоматчиков. И противник, блокировав Московскую Дубровку, прекратил активные действия, сосредоточив все свое внимание на Волховском фронте.

Продолжали вести бои и части 2-й Ударной армии (16 стрелковых дивизий, девять стрелковых и пять танковых бригад), зажатые в котле между Мгой и Гайтоловом. Но силы были явно неравные. В котле были уничтожены семь стрелковых дивизий, шесть стрелковых и четыре танковые бригады. Потери советских войск составили около 300 орудий, 500 минометов и 244 танка. В плен попало 12 000 бойцов и командиров[113].

Синявинская операция завершилась 10 октября. Войска Ленинградского фронта отошли на исходные рубежи, сохранив

плацдарм на левом берегу Невы в районе Московской Дубравки. По советским данным, немецкие потери составили: убитыми и пленными около 60 тысяч человек, а в технике — 260 самолетов, 200 танков, 600 орудий и минометов{114}.

Неудачная Синявинская операция (не могла быть сбалансирована и действиями авиации Балтийского флота и Ленинградского фронта, гарнизона острова Сухо и кораблей Ладожской военной флотилии, которые нанесли удар по кораблям противника и десанту, высадившемуся на остров, сорвав его попытку нарушить обеспечение Ленинграда через Ладожское озеро) не остудила пыл командующего Ленинградским фронтом{115}. Уже в конце октября 1942-го он приступил к разработке новой операции{116}.

Начальник разведотдела штаба фронта Евстигнеев вспоминал: «Его скрупулезность при изучении разведывательных данных могла утомить даже нас, разведчиков. Настойчив он был дьявольски. Сидел часами с лупой, сравнивал с аэрофотосъемками все фотографии, добытые войсковыми разведчиками, авиационной разведкой. Тщательно изучал показания пленных, размышлял, стоя у карты или у окна…»{117}

А поразмышлять было над чем. Вот, например, «один интересный и важный вопрос. На первом этапе операции пехоте было необходимо преодолеть восемьсот метров по льду и заснеженному правому берегу Невы. А сможет ли вообще пробежать эти метры блокадный солдат-дистрофик? Эксперимент, проведенный в одной из дивизий, показал: к середине дистанции люди полностью теряли силы и боеспособность. Говоров, который хорошо знал, что война штука жестокая, что без крови, без потерь она не бывает, приказал начать тренировки. Бегали отделениями, взводами, ротами, батальонами и даже полками, таща за собой пулеметы и минометы, по приказу командующего поставленные на лыжи. Теряли силы, падали, хватали губами колючий снег, произносили слова, от которых небу становилось жарко, вскакивали, бежали снова. Говоров лично присутствовал на многих таких учениях.

Тренировки были мучительными, но дистанция, в конце концов, покорилась»{118}.

25 ноября Говоров собрал руководящий состав штаба фронта, где объявил о предстоящей операции по прорыву блокады Ленинграда. Доложив о характере операции и силах, которые будут принимать в ней участие, Леонид Александрович предупредил: вся подготовка должна быть завершена в течение месяца. Особое внимание Говоров обратил на соблюдение полной секретности. Как отмечают современные исследователи, «к

разработке соответствующих документов допускался строго ограниченный круг лиц, категорически были запрещены переписка и телефонные разговоры по вопросам предстоявших действий, распоряжения войскам, как правило, отдавались лично. Все передвижения войск и боевой техники проводились лишь в ночное время либо в нелетную погоду. Топить печи, разводить костры разрешалось только ночью, да и то внутри блиндажей, землянок и шалашей. Чтобы отвлечь внимание противника от истинного направления главного удара, командование Волховского фронта провело демонстрацию подготовки ложного наступления в районе Мги. Эти меры себя оправдали. Правда, за несколько дней до операции немецкому командованию все же стало известно о подготовке советских войск к наступлению, но когда именно, где и какими силами будет нанесен удар, оно так и не узнало. Вот почему, учитывая назревавшую угрозу, командир 26-го немецкого армейского корпуса генерал Лейзер предложил отвести войска от Шлиссельбурга. Однако его предложение в самой категорической форме отклонил командующий 18-й армией Г. Линдеман»{119}.'

2 декабря Ставка Верховного Главнокомандования утвердила план операции (под кодовым названием «Искра»), которую планировали провести объединенными силами Ленинградского и Волховского фронтов, с целью прорыва блокады.

Из директивы Ставки Верховного Главнокомандования за № 170696 командующим войсками Волховского и Ленинградского фронтов об утверждении плана операции по прорыву блокады Ленинграда:

«1. План операции по Волховскому и Ленинградскому фронтам утвердить.

2. Операцию ударной группы Волховского фронта проводит командарм 2-й Ударной армии под непосредственным руководством заместителя командующего фронтом генерал-лейтенанта Федюнинского. Командующий фронтом помимо своих обязанностей по фронту осуществляет наблюдение за действиями вспомогательной группы войск.

3. Операцию ударной группы Ленинградского фронта проводит командарм 67-й армии под непосредственным руководством командующего фронтом генерал-лейтенанта тов[арища] Говорова.

4. Готовность операции — к 1 января 1943 г.

5. Операцию при телефонных переговорах и переписке именовать “Искра”.

6. Координация действий обоих фронтов поручается маршалу Ворошилову К.Е.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. Сталин».

«Когда в Ставке ВГК обсуждался план операции, Сталин огорошил всех вопросом: “Как назовем операцию?” Помолчав секунду, сам же ответил: “Искра”. Верховный объяснил, что он вкладывает в название: все попытки прорвать блокаду города на Неве закончились неудачей, а теперь из “искры” и должно возгореться “пламя”»{120}.

Сталину, естественно, были известны силы и возможности противника, действующего против Ленинградского и Волховского фронтов: «К декабрю 1942 года у противника под Ленинградом уже не было танковых резервов; еще 12 октября 12-я танковая дивизия убыла в резерв главного командования [вермахта]». Линдеман, командующий 18-й армией, делая ставку на пехоту и на мощную артиллерийскую группировку, на созданную за 1941 — 1942 годы систему инженерных укреплений, реорганизовал оборону выступа южнее Ладожского озера. Этот выступ (шириной от 12 до 17 км и глубиной около 15 км), названный немцами «фляшенхальс» («бутылочным горлом»), и будет подрезать встречными ударами войска Ленинградского и Волховского фронтов. Линдеман считал этот выступ одновременно и самой неприступной точкой, и вместе с тем самым уязвимым участком обороны. Командование вермахта сосредоточило здесь 1-ю, 227-ю и 170-ю пехотные дивизии, части 5-й горнострелковой дивизии и пехотной дивизии СС «Полицейская»[51], в которых насчитывалось по 10—12 тыс. человек, имевших опыт боевых действий как раз на этом участке фронта. Группировка была усилена 700 орудиями и минометами, 50 танками и штурмовыми орудиями{121}. В резерве Линдеман держал еще 96-ю пехотную и части 5-й горнострелковой дивизий{122}.

За год и четыре месяца, пока велась блокада Ленинграда, вермахт возвел «три оборонительных рубежа, включавших систему приспособленных к круговой обороне мощных узлов сопротивления и ко всему прочему прикрытых заболоченным районом синявинских торфоразработок, изрезанных глубокими канавами». На территории «бутылочного горла» были возведены опорные пункты, связанные между собой ходами сообщения, многочисленные отсечные позиции. Каменные постройки рабочих поселков, попавших в территорию оборонительного выступа, были переоборудованы в огневые точки. На западе выступа передний край обороны проходил по левому берегу Невы (достигавший 15 метров в высоту и иссеченный оврагами), ощетинился дотами. Скаты берега ежедневно заливали водой, создавая, таким образом, настоящую ледяную горку. Каждый

километр невской ледяной глади находился под прицелом трех десятков орудий и минометов и почти пятидесяти пулеметов. Этот берег солдаты Ленинградского фронта окрестили «невским Измаилом»{123}.

В чем заключалась цель операции «Искра»? В том, чтобы встречными ударами двух фронтов, Ленинградского (командующий — генерал Л.А. Говоров, член Военного совета — А. А. Жданов, начальник штаба — генерал Д.Н. Гусев[52]) и Волховского (командующий — генерал К.А. Мерецков, член Военного совета — Л.З. Мехлис[53], начальник штаба — генерал М.Н. Шарохин[54]), рассечь группировку противника в районе синявинского выступа, соединиться южнее Ладожского озера и прорвать блокаду Ленинграда.

Для решения поставленных задач командования фронтов сформировали ударные группировки. Ударная группировка Ленинградского фронта состояла из частей 67-й армии под командованием генерала М.П. Духанова[55]. Ее задачи — форсировать Неву, прорвать оборону противника на участке Московская Дубровка — Шлиссельбург и соединиться с войсками Волховского фронта{124}.

Ударную группировку Волховского фронта составляли части 2-й Ударной армии под командованием генерала В.З. Романовского[56]. Ударная группа Волховского фронта должна была наступать на участке Гайтолово — Липки и, разгромив противника в восточной части «бутылочного горла», соединиться с частями ударной группы Ленинградского фронта.

На долю Волховского фронта выпал самый сложный участок «фляшенхальса»: ряд узлов сопротивления и опорных пунктов, созданных на территории рабочих поселков № 4, 5 и 8, «артиллерийско-минометная цитадель», расположившаяся на 40-метровом Званковском холме, деревоземляные и снежно-ледяные валы и заборы толщиной и высотой в полтора-два метра, заборы и плетни высотой до двух метров, скрывавшие расположение военной техники. Каждый километр фронта держали под прицелом 18 орудий и минометов. «В целом система основных рубежей, промежуточных и многочисленных отсечных позиций шлиссельбургско-синявинского выступа представляла собой мощный полевой укрепленный район со сложным комплексом оборонительных сооружений»{125}.

В действиях по прорыву блокады предусматривалось участие Балтийского флота и его мощной палубной артиллерии. Специальная группировка морской артиллерии (около 100 орудий крупного калибра) в составе батарей железнодорожной артиллерии, стационарных батарей, орудий научно-

испытательного морского артиллерийского полигона и артиллерии Отряда кораблей Невской флотилии действовали на различных участках ударной группы Ленинградского фронта.

С воздуха наступающие войска прикрывали 13-я воздушная армия, 14-я воздушная армия и авиация Балтийского флота, всего около 900 боевых самолетов{126}.

Немаловажным был и готовящийся удар изнутри оккупированной немцами зоны: «В подготовке к прорыву блокады Ленинграда принимали участие диверсионные отряды, переброшенные в тыл противника и партизаны, перебазировавшиеся в Ленинградскую область из близлежащих регионов: четыре партизанские бригады, отдельный полк, несколько диверсионных отрядов и групп, всего около четырех тысяч человек. Перед партизанами стояла задача наносить беспокоящие противника удары по коммуникациям, особенно по железнодорожным узлам, мостам, пунктам связи, продовольственным базам». В конце 1942-го в район Пскова и Новгорода были перебазированы из Ленинградской области более 1500 бойцов. Партизанам были доставлены около 7,5 тысячи килограммов взрывчатки, мины, гранаты, переправлены опытные инструктора по подрывному делу{127}.

Координировать действия фронтов и флота Ставка Верховного Главнокомандования поручила своим представителям маршалам К.Е. Ворошилову и Г.К. Жукову{128}.

* * *

Из директивы Ставки Верховного Главнокомандования № 170/703 командующим войсками Волховского и Ленинградского фронтов по прорыву блокады Ленинграда от 8 декабря 1942 года:

«Совместными усилиями Волховского и Ленинградского фронтов разгромить группировку противника в районе Липка, Гайтолово, Московская Дубровка, Шлиссельбург и таким образом разбить осаду города Ленинграда. К исходу января 1943 года операцию закончить.

Закрепившись прочной обороной на линии — река Мойка, поселки Михайловский, Тортолово, обеспечить коммуникации Ленинградского фронта, после чего войскам дать 10-дневный отдых.

В первой половине февраля месяца 1943 года подготовить и провести операцию по разгрому противника в районе Мга и очищению Кировской железной дороги с выходом на линию Вороново, Сиголово, Войтолово, Воскресенск.

По окончании Мгинской операции войска перевести на зимние квартиры.

Настоящий приказ довести до командиров полков включительно.

Получение подтвердить. Исполнение донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

Г. Жуков[129]».

Операция «Искра» тщательно готовилась, причем без внимания не остался ни один мало-мальски значимый вопрос: активно шла разведка, командование Ленинградским и Волховским фронтами стремилось получить как можно более полную информацию об укрепрайонах противника, ударные группировки снабжались всем необходимым, начиная от теплой одежды до вооружения и боеприпасов. Велись ускоренные работы по подготовке «плацдармов» для наступления: на невском рубеже Ленинградского фронта было сооружено более 270 артиллерийских наблюдательных пунктов, 77 вышек на деревьях или специальных столбах, развернуто 36 звукопостов[130].

15 декабря. В Смольном, где располагался штаб Ленинградского фронта, начался своеобразный «бой» на топографических картах: командно-штабная игра. Тема: «Прорыв общевойсковой армией подготовленной обороны противника с форсированием реки в зимних условиях». В штабной игре участвовали командующие армиями, начальники штабов, командиры артиллерийских частей и подразделений.

23 декабря 1942-го в Москву ушел доклад представителя Ставки Верховного Главнокомандования Верховному Главнокомандующему о подготовке к наступлению:

«Докладываю о подготовке Волховского фронта к “Искре”.

1. Ознакомился с решениями Военного совета фронта, 2-й Ударной и 8-й армий но выполнению операции.

Решения планируются на завершение всей операции в пять дней.

2. Стрелковых войск, предназначенных на выполнение задачи, достаточно. Тяжелой артиллерии для прорыва сильно укрепленных позиций противника маловато, и, если есть возможность, я прошу удовлетворить ходатайство Волховского фронта в этом отношении.

Мероприятиями фронта десять дивизий 2-й Ударной армии и дивизии, участвовавшие в операции 8-й армии, значительно пополнены личным составом и составляют от 7,5 до 8 тысяч, а одна из них имеет 10 тысяч, не считая трех вновь прибывших дивизий десятитысячного состава.

3. Фронт подготовил аэродромы и эксплуатационные средства для приема авиации. Необходимы Ваши указания о количестве, типах и времени прибытия авиации на фронт.

4. Материально операция по расчетам фронта и армий, за исключением тяжелых калибров снарядов и мин, обеспечивается неплохо. О дополнительном отпуске тяжелых калибров боеприпасов Военный совет фронта готовит Вам специальное ходатайство.

5. Военным советом фронта и командованием 2-й Ударной и 8-й армий усиленно проводится боевая подготовка и тренировка войск к предстоящей операции в соответствии с вновь вышедшими уставами.

6. Генерал-лейтенант Романовский в основном со своей работой освоился и по оценке Военного совета фронта, а также моим наблюдениям, работает хорошо.

Генерал-лейтенант Федюнинский полностью включился в руководство подготовкой 2-й Ударной армии и работает много.

Командующий 8-й армией генерал-лейтенант Стариков производит хорошее впечатление.

7. Я сговорился с Военным советом Ленинградского фронта о вылете к ним, но погода второй день не дает возможности вылета.

23 декабря, если позволит погода, вылетаю в Ленинград, где договоримся о порядке *увязка* ряда практических вопросов по “Искре”.

Ворошилов»[{131}].

25 декабря прошло совещание командиров частей и соединений ударной группировки Ленинградского фронта. Доложено о готовности войск к операции по прорыву блокады: «Полное отсутствие дорог, почти уничтоженные артиллерийско-минометным огнем леса, сожженные в предыдущих боях селения и деревни, затрудняли сосредоточение и действия здесь советских войск. Но главная сложность состояла в том, что соединениям обоих фронтов предстояло наносить по врагу фронтальные удары, так как маневр вдоль фронта с целью угрозы флангам противника практически исключался. В таких условиях для прорыва позиционной обороны требовались не только огромные усилия войск, но и особое тактическое мастерство командного состава»[{132}].

27 декабря представитель ставки Верховного Главнокомандования К.Е. Ворошилов утвердил план взаимодействия Ленинградского и Волховского фронтов в операции по прорыву блокады. Место встречи ударных группировок намечено в районе рабочих поселков № 2 и № 6. В то же время командование Ленинградского и Волховского

фронтов обратилось в ставку с просьбой отложить начало операции, назначенной на 1 января 1943 г., на 10—12 дней. Все к ней готово, не готова оказалась… только Нева. Лед еще слишком тонок. 28 декабря Ставка Верховного Главнокомандования утвердила предложение о сроках готовности и начала операции «Искра» на 12 января 1943 г.{133}

ПЕРЕЛОМ

Посетивший соединения 67-й армии представитель Ставки К.Е. Ворошилов слышал одни и те же слова о том, что успешный исход операции не вызывает никакого сомнения{134}.

Столь благодушное настроение насторожило Ставку Верховного Главнокомандования. В первых числах января Сталин связался с генералом Жуковым и потребовал от него «поехать туда». Необходимо на месте убедиться, «все ли сделано для того, чтобы операция “Искра” прошла успешно». Жуков вылетел в Москву, оттуда — в 3-ю Ударную армию, затем — на Волховский фронт, во 2-ю Ударную и 8-ю армии. 11 января он докладывал о том, что дивизии, которым предстоит наступать в обход синявинского узла обороны, имеют мало танков и огневых средств, дивизионные резервы недопустимо удалены от первого эшелона. «Основной недостаток в организации прорыва 2-й Ударной армии, — отмечал Жуков, — это неправильно спланированная методика артиллерийской подготовки. Больше времени отводилось на всякого рода огневые налеты и меньше времени — на методически прицельную стрельбу по огневым точкам». Командование фронтов еще раз детально проработало план операции{135}.

* * *

Из приказа командующего войсками Ленинградского фронта № 08 67-й армии о проведении операции «Искра» от 11 января 1943 г.

«Семнадцатый месяц фашистские полчища стоят у ворот Ленинграда, осаждая наш родной город. Не было таких гнусных и подлых средств борьбы, которые бы ни пустил в ход враг, чтобы сломить волю защитников Ленинграда к борьбе, подорвать их боевой дух и добиться своей цели. Но враг просчитался и на этот раз. Ни бомбежки, ни артиллерийские обстрелы, ни голод, ни холод, ни все те жертвы, муки и лишения, которым фашистские варвары подвергли и подвергают Ленинград, не сломили решимости защитников Ленинграда, верных сынов нашей советской отчизны, решивших до последнего вздоха отстаивать Ленинград от врагов. В героической, не имеющей примеров в истории борьбе войска Ленинградского фронта вместе с трудящимися Ленинграда, отвечая ударом на удар, отстояли любимый город Ленина от немецко-фашистских захватчиков и

заперли его ворота на крепкий замок, превратив его в неприступную крепость обороны.

Укрепляя оборону Ленинграда, его защитники твердо верили, что желанный час освобождения Ленинграда придет, что будет и на нашей улице праздник. Зная это, они день за днем копили свои силы для того, чтобы в благоприятный момент перейти в решительное наступление, присоединить свои силы к силам страны, идущим на выручку Ленинграду, прорвать кольцо вражеской блокады и выполнить историческую задачу соединения Ленинграда со всей страной.

Товарищи! Этот благоприятный момент ныне наступил.

В боях за город Ленина войска Ленинградского фронта окрепли, закалились и подготовили себя к наступательным боям. Наша доблестная Красная Армия наносит врагу один сокрушительный удар за другим на юге и на центральном фронте. Силы врага подточены. Враг мечется в замешательстве, вынужденный распылять свои силы между многими фронтами.

Наступил долгожданный час освобождения Ленинграда, час кровавой расплаты с немецкими извергами, час нашей беспощадной мести врагу за все его злодеяния.

Вам, доблестным бойцам, командирам и политработникам 67-й армии, выпала великая честь освобождения Ленинграда от вражеской блокады. Поднимайтесь же, воины, на бой за освобождение Ленинграда, на беспощадное истребление ненавистных варваров оккупантов, на кровавую расплату с врагом за жертвы, муки и страдания ленинградцев, за наших замученных братьев и сестер, жен и матерей, за поруганную землю, за разоренные и разграбленные города и села, за наших погибших в боях друзей и товарищей.

Товарищи!

Боевая задача, поставленная перед вами, не является простой и легкой. Победа никогда не приходит самотеком, ее нужно завоевать. Враг коварен и жесток, он будет цепляться и сопротивляться изо всех сил. Он знает, что наша победа под Ленинградом в огромной степени приблизит окончательный разгром фашистской Германии. Тем решительнее и смелее должен быть напор, тем крепче и яростнее должны быть наши атаки!

Товарищи!

Навстречу войскам Ленинградского фронта для решения единой боевой задачи наступают войска Волховского фронта. Они так же, как и войска нашего фронта, вооружены могучей техникой, они так же, как и наши войска, воодушевлены волей к победе и решимостью к освобождению Ленинграда от блокады.

Зажмем врага в могучие тиски с обеих сторон, раздавим его совместными усилиями обоих фронтов. Честь и слава той части и подразделению Ленинградского фронта, которая первая соединится с войсками Волховского фронта!

Приказываю:

Войскам 67-й армии перейти в решительное наступление, разгромить противостоящую группировку противника и выйти на соединение с войсками Волховского фронта, идущими с боями к нам навстречу, и тем самым разбить осаду города Ленинграда.

Военный совет Ленинградского фронта твердо уверен, что войска 67-й армии с честью и умением выполнят свой долг перед Родиной.

Дерзайте в бою, равняйтесь только по передним, проявляйте инициативу, хитрость, сноровку!

Смерть немецким мерзавцам!

Слава храбрым и отважным воинам, не знающим страха в борьбе!

Смело идите в бой, товарищи! Помните: вам вверена жизнь и свобода Ленинграда.

Пусть победа над врагом овеет неувядаемой славой ваши боевые знамена!

Пусть воссоединится со всей страной освобожденный от вражеской осады Ленинград!

В бой, в беспощадный бой с врагом, мужественные воины!

За Ленинград, за Родину, за Сталина! Вперед!

Командующий войсками Ленинградского фронта
генерал-лейтенант артиллерии Говоров
Члены Военного совета фронта
Секретарь ЦК ВКП(б) Жданов
генерал-майор Штыков[57]
Соловьев
начальник штаба Ленинградского фронта
генерал-лейтенант Гусев»{136}.

* * *

Наступательная операция (кодовое наименование «Искра») войск Ленинградского (67-я армия) и Волховского (2-я Ударная и 8-я армии) фронтов во взаимодействии с Балтийским флотом по прорыву блокады Ленинграда началась 12 января.

И вновь обратимся к современным исследованиям: «Утро 12 января выдалось морозным. Низкие облака нависали над землей. Временами шел густой снег. Войска ждали сигнала. Но всех,

начиная с рядовых бойцов, беспокоила одна мысль: не упредит ли противник, не накроет ли скученные боевые порядки огнем своей артиллерии и минометов? “Не скрою, в то утро мы волновались, — впоследствии делился своими впечатлениями Г.К. Жуков. — Но вот началась операция. И словно гора свалилась с плеч! Нам стало ясно, что враг не знает, какими силами мы располагаем, и что время нанесения нашего мощного удара оказалось для него неожиданным”. Правда, в документах вермахта отмечается, что “в полосе 18-й армии противник нанес после полуторачасовой артиллерийской подготовки ожидаемый удар по позициям 26-го армейского корпуса”»[137].

Знал ли противник о действительном масштабе начавшейся операции? Ответить на этот вопрос без привлечения документальных материалов, раскрывающих ситуацию в частях и соединениях вермахта накануне 12 января, невозможно. А большая часть этих документов безвозвратно утеряна еще в том 1943 году, под гусеницами советских танков, раскатавших канцелярии германских штабов.

В 9 часов 30 минут утра ударили катюши, операция «Искра» началась… Реактивные установки поддержали более четырех тысяч артиллерийских орудий, обрушивших смерть на окопы противника. Артиллерия 2-й Ударной армии с 12 по 18 января израсходовала более 600 тысяч снарядов и мин, морская артиллерия Балтийского флота — 15,5 тыс. тяжелых снарядов, то есть на каждый квадратный метр обороны противника приходилось по три снаряда. Офицерам и солдатам вермахта казалось, что они попали в ад: «Я до сих пор не могу забыть впечатления от губительного огня русских пушек. Как вспомню весь этот адский грохот и разрывы снарядов и мин, так снова и снова меня бросает в дрожь». Так описывал происходящее военнослужащий 170-й немецкой пехотной дивизии[138].

Картину дополнила авиация Ленинградского и Волховского фронтов, которая группами по шесть—восемь самолетов нанесла удар по опорным пунктам обороны противника. Точку в артподготовке поставили все те же гвардейские минометы, которые открыли действие.

Серое небо над Невой разрезали сигнальные ракеты. Берег реки, где располагались советские войска, встряхнули взрывы подвесных зарядов, уничтожавших минные поля, мешавшие атаке. Вновь заговорила артиллерия, она перенесла свой огонь на вторую и третью линии обороны противника. Раздались звуки «Интернационала», и на лед стремительно скатились штурмовые отряды, группы разграждения и команды саперов 136-й стрелковой дивизии генерала Н.П. Симоняка[58]: они ринулись

вперед, стремясь как можно быстрее пересечь простреливаемое пространство. В считанные минуты они пересекли ледяное поле Невы. Используя металлические кошки и крючья, лестницы, багры и доски, передовые подразделения начали преодолевать обледенелые береговые кручи реки. Решалась судьба операции, играли оркестры, пехота неслась, именно не бежала, а вихрем неслась к противоположному берегу{139}. Вот они поднялись на обрывистый берег и почти тут же ворвались в первые траншеи противника{140}. Там завязался рукопашный бой.

268-я стрелковая дивизия полковника С.Н. Борщева[59]: Захватив плацдарм на левом берегу Невы, ее полки атаковали части немецкой пехотной дивизии, расквартированной во 2-м Городке. Атаку пехоты поддержал танковый батальон. Дорогу танкам и пехоте расчищала артиллерия{141}. Два-три рывка и из 2-го Городка солдаты вермахта выбиты, советские пехотинцы двигаются вперед, вслед за танками.

На правом фланге 67-й армии действовавшую с плацдарма в районе Московской Дубровки 45-ю гвардейскую стрелковую дивизию встретил плотный артиллерийский огонь. Пехота 45-й дивизии смогла продвинуться вперед всего лишь метров на 500—600. Бои здесь приняли позиционный характер.

86-я стрелковая дивизия наступала на Шлиссельбург. Один ее полк преодолел реку, а два других полка залегли на невском льду из-за мощного минометного и пулеметного огня (артиллеристы не смогли подавить огневые точки противника). Оба полка отошли на исходные рубежи и готовились к новому броску. Лишь при поддержке соседней 136-й стрелковой дивизии 86-й стрелковой все же удалось переправиться (чуть в стороне от опасного участка) через Неву и наступать на Рабочий поселок №2. {142}

Начальник инженерного управления Ленинградского фронта и участник тех событий генерал Б.В. Бычевский вспоминал: «Утром я обошел участок левого берега, где еще сутки назад были гитлеровцы. Картина разгрома мрачная. Что посеешь, то и пожнешь! Двухчасовой ураганный огонь нашей артиллерии и атака пехоты с танками оставили после себя следы грозного возмездия. Убитые немцы еще не убраны. Их застывшие лица с примерзшими к земле желтыми волосами смотрят в небо мертвыми глазами. Скрюченные, впившиеся в снег руки…»{143}Но бои на левом берегу Невы продолжались, не ослабевая ни на минуту. Советским войскам, овладевшим первой позицией обороны врага, пришлось удерживать плацдармы, отбивая контратаки противника. Командование 67-й армии требовало от командиров дивизий продолжать наступление, прекрасно

понимая, что реальна опасность «сброса» в Неву замешкавшейся пехоты, а потому, отбив контратаку, стрелковые полки двигались вперед, а не переводили дух в отбитых на левом невском берегу окопах.

И на Волховском фронте развернулись жестокие бои. Как и у соседей на Ленинградском фронте, у волховчан после артиллерийской подготовки пехоту в атаку подняла… музыка. Передовые подразделения 327-й стрелковой дивизии полковника Н.А. Полякова, преодолев древесно-земляной вал, ворвались в первую траншею и захватили ее{144}.

…Роща Круглая, здесь оборону держал 366-й полк 227-й немецкой пехотной дивизии, считавшейся одной из самых опытных и подготовленных соединений вермахта. Весь день 12 января здесь шли ожесточенные бои, лишь поздним вечером, когда последний солдат выронил из рук винтовку, советским пехотинцам удалось войти в рощу (правильнее сказать, в то, что от нее осталось). На поле боя остался лежать весь состав 366-го полка — более восьми сотен солдат и офицеров, потери советской стороны составили более 1500 человек.

128-я дивизия генерала Ф.Н. Пархоменко. Полки дивизии не смогли с ходу прорвать оборону противника у поселка Липка[60]. Наступающие пехотные цепи встретили артиллерийские залпы и плотный пулеметный огонь. Вызванная на помощь штурмовая авиация не смогла поддержать дивизию. Штурмовики лишь на пятнадцать—двадцать минут заставили замолчать артиллерию противника. Но стоило только самолетам уйти, а пехоте вновь подняться в атаку, как орудия противника тут же ударили убийственным огнем. И вновь — остановка: 128-я дивизия залегла. На помощь двинулись танки, заработали реактивные минометы, снова в воздух была поднята авиация. Оборону противника на этом участке даже не прорвали, а — продавили. Но потери наступающих…

Наступавшая на Рабочий поселок № 8 372-я стрелковая дивизия тоже с ходу не смогла пробить брешь в системе траншей и опорных пунктов противника. Напомним, что населенные пункты немцами рассматривались как узлы своей обороны, на укрепление созданных здесь позиций командование вермахта не жалело ни средств, ни сил. Лишь после того как по флангам противника ударили 256-я и 327-я дивизии, судьба Рабочего поселка № 8 была предрешена{145}.

Итоги первого дня операции оценивались по-разному. Отчет 18-й немецкой армии, например, содержал следующие строчки: «Несмотря на храброе сопротивление наших войск и, несмотря на контратаки, противник уже в первый день битвы смог добиться

глубоких прорывов. Наши войска были так истощены, что они едва замедлили дальнейшее наступление противника»{146}.

Командование вермахта не скрывало, что советские войска превосходят части и соединения германской армии, но главную причину своих неудач немцы видели в истощении своих войск{147}.

Представитель Генерального штаба Красной армии на Ленинградском фронте иначе смотрел на ход операции: «Сплошного прорыва по всему фронту на участке прорыва нет, остаются особо укрепленные узлы — Шлиссельбург и район 8-й ГЭС. Основные причины низких темпов наступления: во-первых, в период артиллерийской подготовки не была полностью подавлена система огня врага; во-вторых, удары авиации по ранее запланированным объектам цели не достигли, так как при подготовке операции не была полностью разведана система обороны противника. Серьезные недостатки вскрылись в работе тыловых органов: перебои с доставкой горячей пищи на передний край, скопление большого количества раненых на полковых пунктах и в медсанбатах, повсеместная нехватка транспорта»{148}.

* * *

13 января бои носят еще более упорный характер. Командование вермахта в срочном порядке перебрасывало в район Синявино части 61, 69 и 5-й пехотных дивизий, контратакуя советские соединения в районе Московской Дубровки. Немцы рассчитывали, опираясь на оставшиеся в их руках опорные пункты обороны, пробиться к Неве, сбросив части ударной группировки 67-й армии на лед. Кое-где это противнику удалось: полки 268-й стрелковой дивизии вынуждены были отойти на 1,5—2 км{149}. Но в целом ситуация осталась в руках наступающей, советской, стороны. 2-я Ударная армия Волховского фронта продолжала медленно выдавливать 227-ю пехотную дивизию противника, двигаясь навстречу частям 67-й армии.

В битве уже не просто наметился перелом, он — произошел, и теперь требовалось одно: закрепить успех, не дать противнику зацепиться за новые рубежи, не позволить ему контратаковать.

372-я дивизия, поддержанная соседями справа и слева, получив в помощь 122-ю танковую бригаду, добивала немцев на окраинах Рабочего поселка № 8. 128-я стрелковая дивизия и 12-я морская бригада, отбив несколько контратак противника, рассчитывавшего вернуть поселок Липка, двигались вперед, не

давая возможности частям противника остановиться и перегруппироваться. 18-я стрелковая дивизия под командованием генерала М.Н. Овчинникова и 191-я стрелковая дивизия прорвались к Рабочему поселку № 5.{150}

67-я армия Ленинградского фронта нанесла удар по противнику на участке Марьино, 1-й Городок им. Кирова и получила возможность медленно, но продвигаться к востоку. 15 января утром наступающую 67-ю армию поддержали переправленные через Неву тяжелые и средние танки 152-й танковой бригады полковника П.И. Пинчука. Дело пошло веселее, теперь уже пехота, прикрываясь танковой броней, двигалась активнее, стремительней, не останавливаясь и не залегая, стараясь переждать усиление пулеметного огня: огневые точки поражались прямой наводкой из танковых орудий.

15 января в бой был введен и второй эшелон 67-й армии. Его задача — закрепить успех соединений, наступавших навстречу Волховскому фронту — на Рабочие поселки № 1 и 5. Соединения второго эшелона втянулись в бой под Шлиссельбургом. 86-я стрелковая дивизия полковника В.А. Трубачева, 34-я отдельная лыжная бригада подполковника Я.Ф. Потехина выбили противника из восточной части города, вышли к Старо-Ладожскому каналу и отрезали отходы из Шлиссельбурга. На выручку окруженным в городе частям вермахта двинулась 227-я немецкая пехотная дивизия под командованием генерал Скотти{151}. Но — безуспешно, лыжная бригада и полки 86-й стрелковой дивизии стояли насмерть.

Ударные группировки Ленинградского и Волховского фронтов отражали контратаки, не сдав противнику ни один из взятых ранее рубежей, а на ряде участков еще и продолжали продвигаться вперед, двигаясь по направлению района Рабочих поселков № 1 и 5.

17 января командование вермахта начало переброску с юга 21-й пехотной дивизии и дивизии СС «Полицейская», которые «с колес» контратаковали советские части Волховского фронта. Заместитель командира 18-й стрелковой дивизии Н.Г. Лященко: «Утром 17 января опять начался сильный бой. Мы уже ясно слышали стрельбу шедших нам навстречу ленинградцев. Близок, совсем близок час солдатской радости. Мы вели бои на торфяных разработках юго-восточнее Рабочего поселка № 5. Оставалось каких-нибудь полтора-два километра до этого поселка. Весь день шли упорные бои. Наши попытки продолжать наступление вечером и завершить прорыв успеха не имели. Люди сильно устали, был исчерпан запас боеприпасов и продовольствия»{152}.

Ночная тьма остановила бой, у сражающихся сторон

появилось буквально несколько часов для сна.

С утра 18 января все началось вновь: части 67-й и 2-й Ударной армий с двух сторон начали штурм Рабочих поселков № 1 и 5. 170-я и 227-я немецкие пехотные дивизии оказались зажаты в районе поселков. Им на помощь пришла 61-я пехотная, которая нанесла сильнейший удар из района Синявино. Удар пришелся по 136-й стрелковой дивизии и 61-й танковой бригаде. Но они, отразив контратаку, сумели ворваться в Рабочий поселок № 5, откуда также стремительно отходили сильно потрепанные части немецких пехотных дивизий.

В 9 часов 30 минут на восточной окраине Рабочего поселка № 1 произошла встреча 123-й стрелковой бригады 67-й армии с 372-й стрелковой дивизией 2-й Ударной армии. Спустя два часа пятнадцать минут в районе Рабочего поселка № 5 встретились батальон капитана Ф. Собакина из 269-го стрелкового полка 136-й стрелковой дивизии Ленинградского фронта и 414-й стрелковый полк 18-й стрелковой дивизии Волховского фронта. Прокатилось звучное «ура!»{153} Блокада прорвана!

Началось смыкание фронтов по всей широкой, 13-километровой полосе наступления.

В 14 часов части 86-й стрелковой дивизии Ленинградского фронта очистили от разрозненных групп противника город Шлиссельбург. На полуразрушенной колокольне взвился красный флаг. К концу дня все южное побережье Ладожского озера было очищено от противника. Образовался коридор шириной в восемь — одиннадцать километров{154}. В тот же день Государственный Комитет Обороны принял постановление о строительстве вдоль южного берега Ладожского озера железнодорожной линии Поляны (Жихарево) — Шлиссельбург. (В марте была закрыта Дорога жизни{155}. За время ее существования в Ленинград было перевезено свыше 1615 тысяч тонн грузов, из города эвакуировано около 1376 тысяч человек. После прорыва блокады нужда в переправке людей и грузов в Ленинград и из него по льду озера отпала.)

Еще 15 января, когда стало ясно, что в ходе операции «Искра» происходит коренной перелом на Ленинградском и Волховском фронтах, что прорыв блокады не за горами, поступило известие о присвоении Л.А. Говорову звания генерал-полковника.

19 января войска Говорова и Мерецкова образуют единую линию дальнейшего наступления — шлиссельбургско-синявинский выступ блокады был срезан{156}.

За семь дней боев вермахт потерял убитыми не менее десяти тысяч солдат и офицеров, ранеными и пропавшими без вести — около двадцати тысяч. Современные исследователи пишут о том,

что под Ленинградом в январе 1943-го был захвачен экспериментальный образец нового немецкого тяжелого танка «тигр». Сталин приказал отправить его в Москву{157}. Факт, конечно, спорный и пока не найдены подтверждения в иных источниках, кроме как упомянутое исследование. Насколько нам известно, «обкатку» экспериментальные образцы «тигра» проходили в Африке в войсках под командованием Э. Роммеля.

Операция «Искра» тем временем продолжалась еще две недели. Войска Ленинградского и Волховского фронтов пытались развить наступление на юг, в сторону Мги, но все попытки наступления закончились ничем. Советские войска не смогли взять Синявинские высоты, не сумели взломать оборону противника в лесах между Синявино и Гонтовой Липкой. И это не случайно: в район Синявино командование вермахта перебросило пять пехотных дивизий и артиллерию. Цель вновь прибывших соединений — отбросить советские войска с занятых позиций. Войскам 67-й армии Ленинградского фронта и 2-й Ударной армии Волховского фронта, израсходовавшим в наступлении все свои силы, пришлось перейти к обороне.

За три недели боев (операция «Искра») Ленинградский фронт потерял 12 320 человек убитыми и 28 944 — ранеными (среднесуточные потери фронта составили 2172 человека). Потери Волховского фронта за этот же период составили 21 620 человек погибшими и 52 198 человек ранеными (среднесуточные — 3885 бойцов и командиров){158}.

19 тысяч солдат и офицеров Ленинградского, Волховского фронтов и Балтийского фронта награждены орденами и медалями, 25 присвоено звание Героя Советского Союза.

Верховный Главнокомандующий, видимо, не был доволен операцией, в противном случае как объяснить, что «в директиве от 2 февраля Ставка Верховного Главнокомандования потребовала нанести встречные фланговые удары в общем направлении на Шалки, окружить и уничтожить мгинско-синявинскую группировку врага и выйти на линию Ульяновка, Любань. На подготовку операции отводилось очень мало времени; к тому же сосредоточение войск в новых районах, подвоз материальных средств проводились в трудных погодных условиях: стояла оттепель, зарядили дожди с мокрым снегом. Тем не менее, наступление началось уже 10 февраля. Соединения 55-й армии Ленинградского фронта под командованием генерала В.П. Свиридова[61], прорвав оборону противника, продвинулись в глубину до 4 км и овладели поселком Красный Бор. Но враг за ночь успел перебросить в этот район свои резервы, и на другой день наступление пришлось остановить. Не добилась успеха и 54-

я армия Волховского фронта под командованием генерала А.В. Су-хомлина[62]. Армия, имевшая подавляющее превосходство в силах и средствах (против одной пехотной немецкой дивизии действовало шесть советских стрелковых дивизий), по существу, осталась на исходных рубежах. Одна из причин этого состояла в том, что не удалось полностью подавить артиллерией опорные пункты и узлы сопротивления противника. Сказались также слабая разведка, плохая организация связи и взаимодействия»{159}.

Нам представляется более правдоподобным иное объяснение: усталость. Только что три недели операции «Искра», и тут же, без передышки, — мгинско-синявинская кампания. Конечно, у Ставки были свои резоны и объяснения, хотя Сталин и не собирался ни перед кем оправдываться. Самым «правдоподобным» оставалось одно — задействованные в февральской операции не участвовали в «Искре». И Верховный отдал приказ: «Наступать».

После артиллерийской и авиационной подготовки 311-я и 198-я стрелковые дивизии вышли к переднему краю обороны противника, развить успех не смогли, противник прочно вгрызся в землю, немецкая артиллерия била прямой наводкой, уничтожая все живое.

27 февраля Ставка Верховного Главнокомандования приказала прекратить наступление, обязав командование фронтов «представить к 3 марта свои соображения по поводу проведения новой наступательной операции»{160}.

* * *

Сентябрь 1943-го, Москва, Кремль, кабинет Сталина, докладывает начальник Генерального штаба:

«…Ленинградский фронт (командующий — генерал Л.А. Говоров, член Военного совета—А. А. Жданов, начальник штаба — генерал Д.Н. Гусев) наносит главный удар по врагу с приморского плацдарма в районе Ораниенбаума силами 2-й Ударной армии (командующий — генерал И.И. Федюнинский) и из района Пулковских высот силами 42-й армии (командующий — генерал И.И. Масленников[63]) в направлении на Ропшу. Окружив противника в районе Красное Село, Ропша, Стрельна и уничтожив его, соединения 2-й Ударной и 42-й армий продолжают наступать на Кингисепп и — на Красногвардейск. В это же время силами 67-й армии предполагается нанести вспомогательный удар в направлении города Мги.

«Эти положения составляли основу общего замысла Говорова,

представленного в Ставку Верховного Главнокомандования: ударом с севера в направлениях Ленинграда, Красногвардейска (Гатчина) и Усть-Рудницы, Кингисеппа и ударами с юго-востока (войска Волховского фронта) в направлении Чудово, Дивенский и Новгород, Луга выйти на основные коммуникации вражеских войск Рига — Красногвардейск и Псков — Красногвардейск, лишив противника возможности маневрировать резервами 18-й и 16-й армий и окружив его основные силы»{161}.

Как вспоминал сам Л.А Говоров, «выбор формы прорыва в виде двух концентрических ударов, наносившихся на относительно узких участках со стороны Пулковских высот и с Ораниенбаумского плацдарма, был обусловлен стремлением получить после соединения обеих ударных группировок настолько широкий прорыв, который уже в начальном этапе операции привел бы к полному крушению фронта обороны и создал бы благоприятные условия для развития удара в глубину и упреждения противника на подготовленном тыловом рубеже по реке Луге»{162}.

Подготовка к наступлению началась с конца октября 1943 г. и велась в частях и соединениях Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов, а также на Балтийском флоте, в частях авиации дальнего действия, в партизанских районах.

Шла мельчайшая проработка всех деталей операции и в штабах фронтов. На Волховском фронте (командующий — генерал К.А. Мерецков, член Военного совета —Т.Ф. Штыков, начальник штаба — генерал Ф.П. Озеров[64]) главный удар планировалось нанести силами 59-й армии (командующий — генерал И.Т. Коровников) севернее и южнее Новгорода в направлении Люболяды с целью окружения и уничтожения новгородской группировки противника. Развивая затем наступление, 59-я армия должна была выйти на рубеж Луга — Уторгош, отрезав немцам пути отхода на Псков. 8-й и 54-й армиям ставилась задача действовать на тосненском, любаньском и чудовском направлениях, с целью помешать переброске резервов вермахта к Новгороду, не дать ему возможности контратаковать наши позиции.

Перед 2-м Прибалтийским фронтом (командующий — генерал М.М. Попов[65], член Военного совета — Н.А. Булганин, начальник штаба — генерал Л.М. Сандалов) ставилась задача своим левым флангом наступать в направлении района Пустошка — Идрица, а затем — в направлении на Опочку и Себеж.

Балтийский флот (командующий—адмирал В.Ф. Трибуц, член Военного совета — контр-адмирал Н.К. Смирнов, начальник штаба — контр-адмирал А.Н. Петров[66]) должен был обеспечить

переброску войск на ораниенбаумский плацдарм, корабельной и береговой артиллерией поддержать войска фронта «взломать вражескую оборону под Ленинградом, сопровождать войска до пределов дальности своего огня и морской авиацией содействовать приморской группе войск».

13-я, 14-я и 15-я воздушные армии должны были содействовать войскам в выполнении их задач. Всего для действий в наступательной операции под Ленинградом было сосредоточено 1070 самолетов{163}.

Действовавшие на оккупированной территории Ленинградской области партизаны (более 35 тысяч человек) получили задачу вести разведку и передачу собранных сведений в штабы фронтов, наносить удары по мелким гарнизонам противника, деморализуя тем самым сам дух немецких солдат, разрушать средства связи и коммуникации, выводить из строя пристанционные постройки, взрывать мосты, водокачки, ремонтные цеха, ангары и складские помещения — в общем делать все, чтобы не дать возможности вермахту ни перебросить резервы, ни вывести части с линии фронта, ни поддерживать связь между фронтом и тылом.

По общему замыслу операции войска Ленинградского и Волховского фронтов должны были разгромить фланговые группировки 18-й армии вермахта юго-западнее Ленинграда и под Новгородом и, развивая наступление, выйти к реке Луге, где уничтожить главные силы противника. В дальнейшем вместе с войсками 2-го Прибалтийского фронта им предстояло действовать на нарвском, псковском и идрицком направлениях, разгромить 16-ю армию врага и завершить освобождение Ленинградской области{164}.

Как отмечают участники тех военных операций, только тогда в полной мере проявилась значимость удерживаемого вот уже два года ораниенбаумского плацдарма. Приморская оперативная группа на этом плацдарме «нависала» над тылами 50-го немецкого армейского корпуса, державшего оборону непосредственно под Ленинградом.

Первоначально (еще до сентябрьского доклада начальника Генштаба в Кремле) Леонид Александрович Говоров не рассматривал возможность переброски 2-й Ударной армии на ораниенбаумский плацдарм. Он считал возможным проводить две операции одну за другой: во-первых, нанести встречные удары силами 42-й армии и Приморской группы на красносельском направлении с целью их соединения в одну линию фронта и создания тем самым условий для развертывания армейской ударной группировки на правом фланге фронта. Во-вторых, после

соединения 42-й армии и Приморской группы должна была развертываться ударная группировка для наступления на Кингисепп. Этим наступлением перерезалась коммуникация армии Линдемана на участке Кингисепп, Молосковицы. Кроме того, овладение Красным Селом рассматривалось и как возможность нанесения удара на Красногвардейск (Гатчину)[165].

Но Ставка, получив первые «кроки» подготовляемой операции, решила по-своему: стремясь усилить удар с ораниенбаумского плацдарма, передислоцировать туда 2-ю Ударную армию. Этим решением определялось окончательное содержание и цель боевых действий Ленинградского фронта: сперва мощными встречными ударами 42-й армии из-под Пулково и 2-й Ударной армии с ораниенбаумского плацдарма взять в тиски и уничтожить группировку вермахта в районе Петергоф, Стрельна, Урицк, а затем вести широкое наступление на юго-запад, в сторону Кингисеппа[166].

В командование 42-й армией вступил генерал-полковник И.И. Масленников, в командование 2-й Ударной армией — генерал-лейтенант И.И. Федюнинский. Последний вспоминал:

«После совещания поздно ночью мы с командующим фронтом генералом армии Л.А. Говоровым поездом выехали в Ленинград. Ехали новой железной дорогой, проложенной после прорыва блокады вдоль канала Петра Великого по южному берегу Ладожского озера.

А следующей ночью я на миноносце переправился через Финский залив на так называемую Малую землю — на ораниенбаумский плацдарм (куда и предполагалось перебросить основные силы 2-й Ударной армии).

В это время туда же водным путем скрытно перебрасывались соединения 2-й Ударной армии. Армейское полевое управление перешло на плацдарм еще 7 ноября 1943 г. и приняло от Приморской оперативной группы оборонявшиеся там войска.

Транспортировку на плацдарм войск и техники осуществлял Краснознаменный Балтийский флот. Использовались самоходные и деревянные баржи, тральщики, буксиры. Посадка войск и погрузка техники производились в Ленинграде и на Лисьем Носу, где был сооружен пирс длиной в 200 метров»[167].

В действие вступил Балтийский флот, за два с половиной месяца, с 5 ноября 1943-го по 21 января 1944-го, балтийские моряки перевезли в Ораниенбаум более 53 тысяч человек, около 2500 автомашин и тракторов, 658 орудий, «много танков и различных грузов»[168].

И вновь вспоминает Иван Иванович Федюнинский:

«Корабли и баржи отплывали к ораниенбаумскому плацдарму

ночью, строго соблюдая маскировку. На рассвете противник видел их уходящими обратно в Ленинград. Мы старались создать у гитлеровцев впечатление, будто эвакуируемся с плацдарма».

Когда Федюнинский приехал в штаб армии в Большую Ижору, там еще никто ничего не знал. Бывший командующий генерал-лейтенант В.З. Романовский, начальник штаба генерал-лейтенант П.И. Кокорев и член Военного совета генерал К.Г. Рябчий встречали Федюнинского как представителя штаба фронта. Генерал Романовский был неприятно удивлен, узнав, что ему приказано сдать командование и убыть в Ленинград. Но приказ есть приказ, и его надо выполнять. Романовский сдал армию Федюнинскому. Иван Иванович отдал должное своему предшественнику:

«Это был опытный, боевой генерал, знающий свое дело, и я понимал его неудовольствие. Он долго воевал под Ленинградом, и ему было обидно, что сейчас, накануне очень важной операции, его вдруг отзывают».

Вступив в командование войсками 2-й Ударной армии, Федюнинский, прежде всего ознакомился с плацдармом, который по фронту тянулся на 65, а в глубину достигал 20—25 километров:

«Передний край обороны противника проходил по линии Керново, Закорново, Гостилицы и далее по дороге Гостилицы — Петергоф. Используя лесисто-болотистую местность, противник построил оборону по линии холмов, с которых хорошо просматривалось расположение наших войск на значительную глубину. Перед передним краем имелись сплошные минные поля и проволочные заграждения в два-три кола. За ними тянулись траншеи с пулеметными площадками.

В деревнях Гостилицы, Кожерицы, Дятлицы, Ропша и других были созданы опорные пункты. На линии Кипень, Ропша противник оборудовал тыловой оборонительный рубеж. В районе населенного пункта Беззаботный располагалась тяжелая артиллерия, которая использовалась для варварского обстрела Ленинграда.

Перед фронтом 2-й Ударной армии оборонялись пехотная и моторизованная дивизии СС, две авиаполевые дивизии, пехотный полк, а также отдельные строительные и охранные батальоны.

2-й Ударной армии предстояло силами не менее пяти-шести дивизий прорвать оборону противника на гостилицком направлении, овладеть Рогалей и, соединившись с войсками 42-й армии, уничтожить петергофско-стрельнинскую группировку гитлеровцев. В дальнейшем, после образования общего фронта с 42-й армией, соединения должны были развивать наступление на

Кингисепп и Гатчину.

Перед операцией мы занимались тщательной подготовкой личного состава. Войска учились преодолевать различные инженерные заграждения, вести бой в глубине обороны. Основное внимание уделялось отработке самостоятельных действий стрелковых подразделений и штурмовых групп, организации взаимодействия. В стрелковых ротах были созданы отделения снайперов и штурмовые взводы.

Как и при подготовке к прорыву блокады Ленинграда в 1943 г., специально оборудовали учебные поля, на которых проводились практические занятия по преодолению минных и проволочных заграждений.

Мне часто приходилось выезжать в соединения, контролировать ход подготовки, присутствовать на занятиях.

Побывал я во всех дивизиях, но, естественно, больше внимания уделял 43-му стрелковому корпусу, которым командовал генерал Андреев. Этому корпусу, и в частности 48-й и 90-й стрелковым дивизиям, предстояло действовать на главном направлении в первом эшелоне»{169}.

Начальник разведотдела Ленинградского фронта генерал Евстигнеев «все время ощущал повышенный интерес Говорова к сведениям из тыла 18-й армии. Появились характерные симптомы. Одна из разведывательных групп, засланных в глубину обороны немцев, захватила саперного офицера, и тот показал, что спешно создается не только тыловая оборонительная полоса на рубеже Нарва, Псков, Порхов, именуемая “Пантерой”, но и промежуточные рубежи по берегам рек Оредеж, Мшага, Луга, Плюса. В этих местах немецкие саперы готовят к разрушению мосты, дороги, приступают к минированию населенных пунктов. Генеральный штаб располагал еще более обширными разведывательными данными, и в конце сентября Ставка Верховного Главнокомандования прямо указала Говорову и Мерецкову на возможность преждевременного отхода 18-й армии на подготавливаемый тыловой рубеж. В связи с этим все три фронта — Северо-Западный, Волховский и Ленинградский — получили конкретные указания усилить разведку, создать ударные группировки на направлениях, выводящих на пути вероятного отхода врага, иметь в частях первой линии подвижные отряды преследования. Эти обстоятельства сразу же потребовали корректировки первоначального плана и конкретной боевой подготовки войск, штабов. Началась разработка плана-варианта — не силового прорыва, а преследования противника, едва он начнет отход.

В штабе Ленинградского фронта этот вариант получил

условное обозначение “Нева-Г, а вариант прорыва — “Нева-П”.

План “Нева-Г предусматривал включение в состав 2-й Ударной армии 30-го гвардейского стрелкового корпуса, 86-й и 123-й стрелковых дивизий (эти части отличались боевой подготовкой, грамотными командирами и сплоченностью рядового состава). По этому варианту остальные армии фронта (42, 55 и 67-я) должны были иметь почти одинаковый состав — по пять стрелковых дивизий в каждой, а Приморская оперативная группа — три стрелковые дивизии (48, 98, 168-я) и три отдельные стрелковые бригады (48, 50, 71-я)»{170}.

Бесспорно, войска Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов имели серьезное превосходство над силами противника{171}.

Соотношение сил и средств противоборствующих сторон на Северо-Западном стратегическом направлении к 14 января 1944 г.{172}

(Силы и средства …… Ленинградский (без 23-й армии), Волховский и 2-й Прибалтийский фронты — Группа армий «Север», 1-й воздушный флот — Соотношение сил и средств)

Личный состав, тыс. человек …… 1252 — 741 — 1,7:1

Орудия и минометы, шт. …… 20183 — 10070 — 2,0:1

Танки и САУ (штурмовые орудия), шт. …… 1580 — 385 — 4,1:1

Самолеты боевые, шт. …… 1386 — 370 — 3,7:1

Ленинградский и Волховский фронты, которым предстояло нанести основной удар по врагу, насчитывали 375 тысяч стрелковых войск, 14 300 орудий и минометов (не считая зенитной и реактивной артиллерии), свыше 1200 танков и самоходно-артиллерийских установок. На участках прорыва были созданы ударные группировки. 2-я Ударная и 42-я армии Ленинградского фронта к началу наступления превосходили противника, действующего в зоне их ответственности: в пехоте более чем в 2,7 раза, в артиллерии (без реактивной) — в 3,6 раза, в танках — в 6 раз. Средняя плотность артиллерии на участках прорыва достигала 123 орудий и минометов калибра 76 мм и крупнее на 1 км фронта во 2-й Ударной армии и 138 орудий и минометов — в 42-й армии{173}.

Удары 42-й армии с Пулково и 2-й Ударной с ораниенбаумского плацдарма Говоров называл «косыми по

сходящимся направлениям», так как обе группировки до соединения их в районе Ропши должны были наступать не строго перпендикулярно к линии обороны немцев, а срезая выступ обороны противника у южного побережья Финского залива. После соединений армий образовывался единый протяженный фронт наступления. Открывался простор для глубокого удара советских войск к Нарве, к Чудскому и Псковскому озерам, по основным коммуникациям группы армий «Север».

Как отмечал, Б.В. Бичевский, «перспектива не могла не увлекать командующего фронтом, но она не мешала ему концентрировать свое внимание и внимание подчиненных на подготовке самого прорыва. И здесь опять сказался выработанный Говоровым, видимо давно, метод при разработке любой проблемы: идти от общего к частному».

Планируемая наступательная операция содержала в себе задачи, превышавшие по сложности те, что решались в ходе операции «Искра»: глубина обороны вермахта под Пулково была, безусловно, большей, чем в «бутылочном горле» между Ленинградским и Волховским фронтами. Перед 42-й армией стояла задача прорвать главную полосу обороны в самом центре его укрепленных узлов, имея на флангах хорошо укрепленные города Урицк — справа и Пушкин — слева. Дальнейшая задача 42-й армии — разгром немцев в Гатчине. Лишь после этого могла идти речь о действии на оперативном просторе.

Дивизии 50-го немецкого армейского корпуса «зарылись» в паутине траншей, в бетонированных бункерах, прикрытых проволочными и минноподрывными заграждениями. Командующий 18-й армией вермахта располагал концентрированной огневой системой, и она служила «хребтом» обороны. Командующий артиллерией фронта Одинцов, изучая эту систему, подсчитал, что из 160 вражеских батарей, стоявших к югу от Ленинграда, более 100 действовали в полосе 42-й армии.

Для решения задач 42-й армии Л.А. Говоров приказал включить в состав ударной группировки две артиллерийские дивизии прорыва (без двух бригад) и специальный контрбатарейный артиллерийский корпус генерала Н.Н. Жданова{174}. Кроме них, в состав 42-й армии вошли еще 8 отдельных артиллерийских полков, дивизия и 4 полка реактивных минометов, 5 истребительных противотанковых, 11 зенитных и 5 минометных полков{175}.

* * *

В самый разгар подготовки операции, 17 ноября 1943 г., Леониду Александровичу Говорову постановлением Совета Народных Комиссаров было присвоено звание генерала армии.

САМЫЙ ТЯЖЕЛЫЙ ГОД

Ораниенбаумский плацдарм, 2-я Ударная армия, генерал Иван Иванович Федюнинский:

«Приближался день начала операции.

Нами было принято следующее решение: обороняться на флангах частью сил, а в центре сосредоточить ударную группу в составе двух стрелковых корпусов (43-го стрелкового корпуса генерала А.И. Андреева и 122-го корпуса генерала П.А. Зайцева[67]: шесть стрелковых дивизий) и на фронте шириной 10,5 километра прорвать оборону гитлеровцев на гостилицком направлении. В ходе прорыва предполагалось уничтожить противостоящего противника, овладеть его узлами сопротивления в населенных пунктах Ропша и Кипень и соединиться с войсками 42-й армии. В дальнейшем во взаимодействии с 42-й армией мы должны были ликвидировать петергофско-стрельнинскую группировку врага»{176}.

Вся подготовка к операции велась скрытно, проводились специальные мероприятия с целью дезинформировать противника. На Ленинградском фронте имитировалась подготовка наступления на правом фланге 2-й Ударной армии в направлении Котлы — Кингисепп. Для этого, кроме распространения нашими разведчиками в тылу противника слухов о предстоящем наступлении советских войск в районе Копорья на ораниенбаумском плацдарме велось усиленное движение транспорта и войск к переднему краю обороны, происходила пристрелка отдельных батарей. Инженерными войсками устанавливались макеты орудий и танков, а связисты ввели в действие радиостанции «новых» дивизий, артиллерийских и танковых частей. Авиация производила усиленную разведку, нанося бомбовые удары по противнику на кингисеппском направлении. На всем фронте ораниенбаумского плацдарма, особенно на его правом фланге, велись поиски и разведка боем. Штаб Волховского фронта в начале января 1944 г. провел подготовку операции на мгинском направлении, сосредотачивая войска на чудовском направлении. Все это заставило противника держать в указанных районах значительные силы{177}.

И.И. Федюнинский смог бы дополнить:

«Чтобы скрыть от противника сосредоточение ударной группы в центре, мы широко применяли оперативную маскировку На правом фланге [2-й Ударной] армии в начале января в течение трех дней демонстрировали сосредоточение пехоты, артиллерии

и танков. Для этого широко использовали деревянные макеты, а также мощные громкоговорящие установки, которые так хорошо помогли нам во время подготовки к прорыву под Брянском.

Работали некоторые радиостанции артиллерийских и танковых частей, расположенных на правом фланге. На всем фронте была проведена разведка боем, при этом наиболее активные действия велись опять-таки на правом фланге.

Авиация демонстративно вела усиленную разведку копорского направления, ночью бомбила там узлы сопротивления противника, имитировала прикрытие истребителями сосредоточения наших войск.

Словом, все делалось, чтобы привлечь внимание противника к нашему правому флангу, скрыть истинное направление главного удара, обеспечить тактическую внезапность наступления.

Путем перегруппировки войск удалось достигнуть на узком участке намечаемого прорыва трехкратного превосходства в живой силе и более чем четырехкратного — в танках, орудиях и минометах.

С начала января развернулась подготовка исходного положения для наступления. В течение нескольких ночей саперы разрушили перед фронтом армии более 500 погонных метров проволочных заграждений, 100 метров завалов и 200 метров деревоземляных валов»{178}.

* * *

12 января, утро, в наступление двинулись войска 2-го Прибалтийского фронта. Но соединения 10-й гвардейской армии под командованием генерала А.В. Сухомлина сумели продвинуться всего на 2—3 км, «мешала» артиллерия противника, которая поддерживала засевшую в окопах пехоту. Местность была пристреляна, поэтому действовали немецкие пушкари очень эффективно. Наступающие части 10-й гвардейской армии откатывались в сторону своих исходных позиций. Командующий 2-м Прибалтийским фронтом генерал М.М. Попов: «Операция, рассчитанная па внезапность прорыва обороны слабого противника и на быстроту продвижения на северо-западном направлении на Идрицу, получила только тактический успех по вине слабого управления армией со стороны генерал-лейтенанта Сухомлина и его начальника штаба генерал-майора Смирнова. В результате 10-я гвардейская армия продолжала наступление все медленнее и медленнее, понесла большие потери

в людях (до 9000 человек), израсходовала боеприпасы и, наконец, остановилась»[179].

В своем донесении от 13 января Попов, объясняя неудачи 10-й гвардейской армии, добавлял (к вышесказанному), что на направлении Идрица — Опочка противник сосредоточил значительные силы. Он предложил отказаться от запланированного удара, а сосредоточить все усилия в направлении Маево — Новоржев, что дало бы возможность быстро соединиться с войсками Волховского фронта. Предложения Попова были приняты, генерала А.В. Сухомлина Ставка отозвала в свое распоряжение, назначив командовать 10-й гвардейской армией заместителя командующего 2-м Прибалтийским фронтом генерала М.И. Казакова[180].

14 января в Ленинградско-Новгородскую стратегическую наступательную операцию включились войска Ленинградского и Волховского фронтов и Балтийского флота.

«13 января первые траншеи были приближены к противнику на 150—350 метров. Стрелковые части выдвинулись ночью на нейтральную полосу и быстро окопались. Это оказалось полной неожиданностью для противника.

В ночь, предшествовавшую началу наступления, девять саперных рот перед фронтом трех стрелковых дивизий первого эшелона проделали 109 проходов в минных полях и заложили усиленные заряды под проволочными заграждениями противника. Заряды были взорваны, когда началась артиллерийская подготовка.

Накануне наступления я побывал почти во всех соединениях ударной группировки, обошел исходные позиции, побеседовал с командирами полков и дивизий, проверяя подготовку к прорыву. Хотелось предусмотреть все до мелочи, использовать весь опыт, накопленный нами за годы войны.

Свой наблюдательный пункт я вынес на гору Колокольня, поближе к исходным позициям стрелковых дивизий первого эшелона. Вообще-то место здесь было не безопасное. Рядом располагались наблюдательные пункты командира 43-го корпуса генерала Андреева и командира 90-й дивизии полковника Лященко. Таким образом, на маленьком пятачке разместились три наблюдательных пункта. Но другого выбора не было: гора Колокольня являлась единственным местом, с которого можно было видеть боевые порядки соединений на главном направлении»[181].

В ночь на 14 января авиационный удар был нанесен по группировке тяжелой дальнобойной артиллерии в районе хутора Беззаботного, к югу от Стрельны. Эта группировка вызывала

особое беспокойство Говорова. Вражеские батареи у хутора Беззаботного были укрыты в прочных и долговременных сооружениях, могли маневрировать огнем. Борьба с этой группировкой велась давно, но — безуспешно. Говоров попросил Ставку Верховного Главнокомандования выделить в распоряжение Ленинградского фронта группу ночных бомбардировщиков авиации дальнего действия. Эти бомбардировщики нанесли массированный удар по группировке тяжелой дальнобойной артиллерии перед самой операцией{182}. Германские орудия замолчали, удар был не просто точен, а эффективен. Еще один «козырь» был выбит.

* * *

И.И. Федюнинский:

«Артиллерийская подготовка началась в 9 часов 35 минут. В течение первых пяти минут был нанесен мощный огневой удар по траншеям противника, его живой силе, командным и наблюдательным пунктам, узлам и линиям связи. Затем артиллерия повела методический огонь на разрушение траншей и укреплений.

В 10 часов 40 минут соединения, входившие в состав ударной группировки армии, тесно взаимодействуя с танками и артиллерией, перешли в атаку (при поддержке морской авиации генерала М.И. Самохина[68]). С участка 286-го полка 90-й дивизии донеслись звуки духового оркестра. В первую траншею вынесли боевое знамя полка.

День был пасмурный и не по-зимнему теплый. Низкая плотная облачность не позволяла применить штурмовую авиацию. Танки с трудом двигались по оттаявшей болотистой земле. Но пехотинцы, одетые в белые маскировочные халаты, смело устремились вперед.

На моем наблюдательном пункте стоял большой перископ, снятый с подводной лодки. Замаскировать его оказалось делом трудным, но зато наблюдать с помощью перископа было очень удобно.

Я отчетливо видел, как пехота и танки овладели первой траншеей и продолжали безостановочно продвигаться.

…Только я завернул за изгиб траншеи, как в то место, откуда ушел, попал снаряд. Перископ разнесло вдребезги.

К середине дня части 90-й дивизии овладели деревней Гостилицы, превращенной гитлеровцами в опорный пункт. Как и предполагалось, противник попытался контратаковать во фланг

выдвинувшийся вперед 286-й полк и вновь занять деревню»[183].

Командование 3-го танкового корпуса СС, оборонявшегося в полосе наступления 2-й Ударной армии, преодолев замешательство, вызванное столь решительными действиями советских войск, сумело восстановить оперативное управление частями и организовать очень мощное сопротивление. Лишь на третий день при поддержке авиации советской пехоте удалось завершить прорыв главной полосы вражеской обороны и расширить ее до 23 км по фронту.

Противник предпринял до тридцати контратак силами от взвода до роты при поддержке танков. Наиболее упорно гитлеровцы сопротивлялись в районе деревни Варвароси, где проходил стык 90-й и 48-й стрелковых дивизий[184]. Рассчитывая вбить «клин» между дивизиями, немцы бросали сюда все, что было — танковые роты, артиллерийские батареи, зенитные установки, нестроевые части.

Командование вермахта пыталось подтянуть к месту ожесточенных боев свежие резервы, но его опередила 42-я армия, предварив свое наступление (15 января из района Пулковских высот в направлении Красное Село, Ропша) сильнейшей артиллерийской подготовкой (артиллерия выпустила по позициям противника более 220 тыс. снарядов). Как вспоминали очевидцы, «весь город был ошеломлен гигантским гулом, который, как смерч, проносился над Ленинградом. Много стрельбы слышали за осаду ленинградцы, но такого ошеломляющего, грозного, растущего грохота они еще не слышали. Некоторые пешеходы на улицах стали осторожно коситься по сторонам, ища, куда падают снаряды. Но снаряды не падали. Тогда стало ясно — это стреляли мы, это наши снаряды подымают на воздух немецкие укрепления. Весь город пришел в возбуждение. Люди поняли, что то, о чем они думали непрестанно, началось»[185].

Одновременно с армейской артиллерией артиллерия Балтийского флота — корабельная и размещенная на железнодорожных транспортерах — нанесла удар по всей линии передовых укреплений и тылам противника.

Артиллерия Балтийского флота[186]

(Калибр и система …… Дальность стрельбы, км — Вес снаряда, кг — Примечания)

130-мм стационарная и ж.-д. система …… 25,5 — 33,4
152-мм ж.-д. транспортер …… 30,8 — 55

180-мм ж.-д. транспортер …… 37,8 — 97,5

Участвовали в контрбатарейной борьбе. Однако имели очень ограниченный запас боеприпасов. Входили по одному дивизиону в бригаду КБФ

305-мм главный калибр Марата …… 29,4 — 470,9

Из-за ограниченного количества боеприпасов применялись очень редко, выполни задачи разрушения

356-мм ж.-д. транспортер, полигонный (один) …… 31,2 — 747,8

406-мм ж-д. транспортер, полигонный (один) …… 45,6 — 1108

Применялись в исключительных случаях. Например, при прорыве блокады в январе 1943 г. в районе невской Дубровки для взламывания опорного узла немцев 8 ГЭС. Эта два транспортера были на Ржевском полигоне с ограниченными боезапасами

Уже на исходе 15-го числа дивизии 30-го гвардейского корпуса генерала Симоняка протаранили первую позицию главной полосы обороны на глубину от 1,5 до 4,5 километра и стали вершиной клина. Справа и слева части 109-го и 110-го корпусов генералов Алферова и Хазова еще продолжали в ожесточенных штурмах взламывать первую позицию. Войска 2-й Ударной армии генерала Федюнинского вторые сутки дрались за ключевые узлы дорог, стремясь пробиться из бездорожных районов. Говоров посылает туда на самолете начальника штаба фронта генерала Гусева с поручением ускорить развитие успеха{187}. Овладев ключевыми узлами дорог в районе Гостилицы, Дятлицы, стрелковые соединения первого эшелона пробились на глубину 8—10 км и устремились к Ропше.

Развивалось наступление и на участке Волховского фронта, где 59-я армия двигалась на Лугу с востока, а 8-я армия — с юго-востока, обеспечивая, кроме того, своей поддержкой ударную группировку фронта со стороны Шимска.

Частям и соединениям 59-й и 8-й армий приходилось наступать практически вне дорог — по лесам и топям. Базы снабжения отстали безнадежно, недостаток боеприпасов, продовольствия и горючего сказывался на темпах продвижения, приходилось оставлять автотранспорт. Значительные потери понесли танковые и самоходно-артиллерийские части, стрелковые дивизии остались без огневой поддержки. Лишь к концу дня 12 февраля 59-я армия вышла к реке Луга, частью сил она продолжала наступать к городу Луга, а частью — в южном направлении.

8-я армия наносила удар в направлении населенных пунктов

Уторгош, Струги Красные, пытаясь взять в кольцо соединения 18-й армии. Чтобы сохранить единственный путь для отхода, вермахт нанес контрудар по сходящимся направлениям от Луги на юго-восток и от Уторгоша на северо-запад. Теперь уже советские соединения оказались в окружении: 256-я и 372-я стрелковые дивизии и части 5-й партизанской бригады. Больше двух недель они вели бои в окружении, пока к ним не пробились части 8-й и 59-й армий{188}.

Для усиления наступающих частей командующим армиями пришлось ввести в сражение вторые эшелоны, поскольку части вермахта оказывали упорное сопротивление. Но и командующий 18-й немецкой армией генерал Г. Линдеман пустил в дело все свои резервы{189}. Линдеману не повезло, 16 января войска 54-й армии Волховского фронта перешли в наступление на любанском направлении, и были буквально в шаге от прорыва обороны противника. Казалось, еще один рывок и войскам откроется оперативный простор. Но войска 42-й армии прорвали оборону противника первыми. Глубина прорыва силами корпуса генерала Симоняка на участке Ленинградского фронта достигла восьми километров; дивизия полковника Щеглова, наступавшая в авангарде, взламывала вторую полосу обороны немцев, перерезая шоссе от Красного Села на город Пушкин. Части корпуса генерала Хазова штурмовали Александровку и населенные пункты, примыкающие к Пушкину. Войска 2-й Ударной армии генерала Федюнинского продолжали наступать на Ропшу. До нее оставалось десять километров{190}.

17 января командование вермахта начало отвод своих войск из районов Красного Села, Ропши и Урицка. К исходу дня советские войска продвинулись до 10 км и вклинились во вторую полосу обороны. Появилась возможность усилить наступление в направлении Ропши.

Но противник продолжал оказывать упорное сопротивление: с ходу в бой бросались резервы, на участках прорыва советских войск наносились массированные удары артиллерии и авиации. Командующий 18-й армией перебросил в полосу наступления советских войск три пехотные дивизии неполного состава, части моторизованной дивизии СС «Нордланд» и строительные батальоны. Это все, что оставалось у Линдемана.

В сражение были введены вторые эшелоны и подвижные группы 2-й и 42-й армий: «Говоров торопит командующего 42-й армией с вводом подвижной группы с целью быстрее замкнуть кольцо окружения петергофско-стрельнинской группировки. В подвижной группе две танковые бригады, усиленные двумя самоходными артиллерийскими полками, зенитно-

артиллерийским полком, батареей противотанковых орудий и двумя саперными ротами. Однако попытка ее ввода в прорыв в этот день кончилась неудачей: глубокий снег, нет колонных путей, не подавлена еще огневая система немцев на рубеже ввода. Яростные бои идут на подступах к Красному Селу»{191}, за сильный узел сопротивления врага Воронью гору. Воронья гора — самая высокая точка в Ленинградской области. Здесь размещались наблюдательные пункты, многочисленные доты и дзоты, огневые позиции тяжелой артиллерии, которая обстреливала Ленинград. Подступы к Вороньей горе были прикрыты сплошными минными полями и проволочными заграждениями.

Штурм Вороньей горы вели два полка 63-й гвардейской дивизии 42-й армии под командованием полковника А.Ф. Щеглова[69]. Укрепленный узел был взят утром 19 января комбинированной атакой с фронта и тыла.

В этот же день, 18-го числа, и генерал Федюнинский, развивая удар на Ропшу, вводит в бой свой резерв: танковую бригаду, самоходный артиллерийский полк, легкий артиллерийский дивизион, стрелковый батальон и мобильные саперные части. Вводится в бой второй эшелон армии — 108-й стрелковый корпус генерала М.И. Тихонова.

Но и танковый резерв не пробился до Ропши — назначенного места встречи с частями 42-й армии. Он «застрял» в 5—6 километрах от Ропши, ночью с 18-го на 19-е артиллерия 2-й армии утюжила передний край и ближайший тыл, не давая противнику возможность предпринять контратаку.

Под утро 19 января генерал-полковник Масленников ввел в бой свой второй эшелон — 123-й стрелковый корпус генерала Г.И. Анисимова — для участия в штурме Красного Села и Дудергофа.

Говорову доложили: из Стрельни, поселка Володарского и Горелово гитлеровцы спешно отходят в район Красного Села, выскальзывая из не затянувшейся еще петли. Происходит резкий разговор Говорова с Масленниковым: не дать врагу уйти! Недоволен Говоров, злится Масленников{192}. Но надо действовать, и Масленников «гонит» в бой свои дивизии: взять, взять Красное Село любой ценой!

Утром 19 января 42-я армия овладела Красным Селом, а 2-я Ударная — Ропшей. Подвижные группы армий устремились навстречу друг и к исходу дня соединились юго-восточнее Ропши, замкнув кольцо вокруг красносельско-ропшинской группировки противника. Однако плотного фронта окружения создать не удалось. Противник всю ночь на 20 января просачивался в южном направлении. Остатки этой группировки были атакованы днем

20-го числа и уничтожены в ходе танковой атаки.

Итак, в ходе январских боев две дивизии вермахта были полностью разгромлены, а пять — понесли существенные потери. По данным Генштаба Красной армии, противник потерял убитыми около 20 тысяч солдат и офицеров. Более тысячи немцев попали в плен. Удалось захватить и 85 тяжелых орудий (калибром от 150 до 400 мм). Они несколько лет вели артиллерийский обстрел Ленинграда{193}.

* * *

Из приказа Верховного Главнокомандующего генералу армии Говорову:

«Войска Ленинградского фронта, перейдя в наступление из районов Пулково и южнее Ораниенбаума, прорвали сильно укрепленную, глубоко эшелонированную, долговременную оборону немцев и за пять дней напряженных боев продвинулись вперед на каяодом направлении от 12 до 20 километров и расширили прорыв на каждом участке наступления до 35—40 километров по фронту.

В результате произведенного прорыва войска фронта 19 января штурмом овладели городом Красное Село, превращенным немцами в крепость, и таким же мощным опорным пунктом обороны противника и важным узлом дорог — Ропша.

В ходе наступления нашими войсками нанесено тяжелое поражение семи пехотным дивизиям немцев и захвачена большая группа вражеской тяжелой артиллерии, систематически обстреливавшей город Ленинград.

При прорыве обороны немцев и в боях за Красное Село и Ропшу отличились войска генерал-полковника Масленникова, генерал-лейтенанта Федюнинского, генерал-майора Симоняка, генерал-майора Андреева, генерал-майора Фадеева, полковника Романенко, артиллеристы генерал-майора артиллерии Михалкина, генерал-майора артиллерии Чарнявского, танкисты полковника Жукова и летчики маршала авиации Голованова, генерал-лейтенанта авиации Рыбальченко и генерал-лейтенанта авиации Самохина[70].

В ознаменование одержанной победы наиболее отличившимся в боях соединениям и частям присвоить наименования “Красносельских” и “Ропшинских” и представить их к награждению орденами.

Сегодня, 19 января, в 21 час столица нашей Родины Москва

от имени Родины салютует доблестным войскам Ленинградского фронта, прорвавшим оборону немцев и овладевшим городом Красное Село и Ропшей, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, осуществившим прорыв и участвовавшим в боях за город Красное Село и Ропшу.

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий

Маршал Советского Союза

И. Сталин

19 января 1944 года»{194}.

И хотя приказ был датирован 19-м числом, 20 января войска Ленинградского и Волховского фронтов продолжали наносить удары по флангам 18-й армии. Войска 59-й армии и 7-го стрелкового корпуса Волховского фронта окружили части новгородской группировки противника, отразили их попытки контратаковать и освободили Новгород.

21 января командующий группой армий «Север» Кюхлер из-за явной угрозы окружения своих главных сил решил вывести 18-ю армию Линдемана из района Мги. Войска Ленинградского (67-я армия под командованием генерал-лейтенанта В.П. Свиридова) и правого крыла Волховского (18-я стрелковая дивизия 8-й армии) фронтов преследовали противника, отходившего с рубежа реки Мга и Чудово, и освободили город Мгу.

За потерю мгинского выступа генерал Кюхлер был отозван в Берлин. 22 января он уже докладывал Гитлеру об обстановке, делая упор на том, что ослабленные войска группы армий «Север» необходимо отвести на тыловой оборонительный рубеж. «Я против всяких отводов, — возразил фюрер, — где бы мы ни находились, у нас всегда могут возникнуть критические моменты. От возможного прорыва нет никакой гарантии, даже если мы будем находиться на позиции “Пантера”… Сражения должны вестись как можно дальше от немецкой границы»{195}. Кюхлер подал в отставку, его сменил генерал В. Модель[71].

* * *

Командующий Ленинградским фронтом считал, «что захват очень важного для снабжения немецкой 18-й армии гатчинского железнодорожного и шоссейного узла поставит под угрозу

промежуточный рубеж обороны противника, проходивший вдоль Октябрьской железной дороги. Вот почему он решил развивать наступление на этом направлении силами 42-й армии с целью освобождения Гатчины, а войскам 2-й Ударной армии поставил задачу овладеть станцией Елизаветино. Одновременно войскам левого фланга 67-й армии предстояло выйти на рубеж Ульяновка — Тосно. Что касается дальнейших действий, то в своем докладе Сталину, датированном 22 января, генерал Говоров предлагал сосредоточить основные усилия на направлении Кингисепп — Нарва, а вспомогательный удар нанести на Сиверский. После освобождения Нарвы и Кингисеппа следовало, по его мнению, в случае успешного развития событий наступать на юг, в направлении Гдов — Псков»{196}. Эти предложения были утверждены Ставкой Верховного Главнокомандования.

Получив одобрение Ставки, Говоров подверг детальному разбору действия армий фронта и пришел к неутешительному выводу о том, что «войска армий медленно развивают прорыв и не выполняют поставленных задач в срок»{197}. Причины столь нелицеприятных последствий Леонид Александрович «усматривал в том, что части и соединения наступают на слишком широком фронте, к тому же без четко выраженного направления главного удара, без должного маневра силами и средствами. Причина — плохое руководство со стороны командиров корпусов. Генерал Говоров потребовал от командующих армиями отказаться от линейной тактики и, наконец, перейти к тактике маневра ударного и огневого кулака на важнейшем направлении, свертывать и уничтожать остальную оборону противника ударами во фланг и с тыла»{198}.

Свои слова Говоров подтверждал делом. 24 января войска 42-й армии Ленинградского фронта освободили города Пушкин и Слуцк, 26 января — город Красногвардейск (Гатчина) и перерезали железную дорогу Красногвардейск—Нарва Войска 54-й армии Волховского фронта овладели станцией Тосно, вышли к верховьям реки Луги, захватили плацдарм на ее правом берегу и на участке севернее станции Передольская перерезали железную дорогу Ленинград — Дно. Наступление продолжалось по всем направлениям Ленинградского и Волховского фронтов.

27 января в Ленинграде произведен салют в ознаменование окончательного снятия блокады: 234 орудия дали двадцать четыре залпа.

* * *

Из приказа по войскам Ленинградского фронта:

«В итоге боев решена задача исторической важности: город Ленинград полностью освобожден от вражеской блокады и от варварских артиллерийских обстрелов противника.

…Граждане Ленинграда! Мужественные и стойкие ленинградцы! Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстояли наш родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы над врагом, отдавая для дела победы все свои силы»[199].

Приказ подписали командующий Ленинградским фронтом генерал армии Л.А. Говоров, члены Военного совета генерал-лейтенант А.А. Жданов, генерал-лейтенант А.А. Кузнецов[72], генерал-майор Н.В. Соловьев[73] и начальник штаба Ленинградского фронта Д.Н. Гусев.

«Первый раз за долгих два с половиной года мы увидели свой город вечером! — вспоминала Ольга Берггольц[74]. — Мы увидели его светлым-светлым, освещенным вплоть до последней трещины на стенах, весь в пробоинах, весь в слепых зафанеренных окнах — наш израненный, грозный, великолепный Ленинград.

Мы увидели, что облик его неизменно прекрасен, несмотря ни на какие раны… и чувствовали, что нет нам ничего дороже этого города, где столько муки пришлось принять и испытать такое небывалое, гордое человеческое счастье, как в этот вечер 27 января. Незнакомые люди обнимали друг друга, и у всех в глазах светились слезы»[200].

* * *

28 января войска Волховского фронта освободили город Любань, на следующий день освобождено Чудово и очищена Октябрьская железная дорога. 30 января войска Ленинградского и Волховского фронтов вышли на рубеж: Нарвский залив — Кингисепп — южнее Любани — Чудово — восточнее Оредеж — река Луга — Великое Село — Шимск, взяв в клещи части и соединения 18-й армии вермахта. Враг был отброшен от Ленинграда на 60—100 км, а от Новгорода — на 50—80 км. Блокада Ленинграда была полностью снята. Как докладывал Военный совет Ленинградского фронта в Ставку Верховного Главнокомандования, «под ударами наших войск потерпела крушение сильнейшая оборона немцев, которую они сами расценивали как неприступный и непреодолимый “Северный вал”, как “стальное кольцо” блокады Ленинграда… Выполнена

задача первостепенной важности — ликвидирована полностью вражеская блокада Ленинграда»[201].

* * *

Линдеман сумел организовать сопротивление на железнодорожном узле Батецкая (на пересечении линий Новгород — Луга и Ленинград — Дно). К нему подошли свежие силы 16-й армии, и в конце января немцы сражались в Батецкой, нанося множество контрударов. Немцы могли отступать быстрее, чем русские идти вперед: заснеженная, покрытая густыми лесами территория делала невозможным движение по пересеченной местности. К концу января сохранялась лишь призрачная возможность окружения сколько-нибудь значительной части немецких армий[202].

Части вермахта стремились удержать за собой железную и шоссейную дороги Луга — Псков. Модель сделал все, чтобы подтянуть сюда все возможные резервы: две пехотные дивизии 16-й армии, моторизованную и танковую дивизии из группы армий «Центр», на фронт были отправлены все «лишние» тыловики.

У Моделя настроение — хуже некуда: «Мрачное, затянутое небо <…>, существование в Богом забытой местности среди лесов и болот, где нет и намека на самые обычные дороги, — вот повседневность этого фронта»[203].

Советское командование тоже не сидело сложа руки: командующему Волховским фронтом было приказано взять Лугу и перерезать шоссейную дорогу южнее города; Ленинградскому фронту — выдвинуть свои соединения (67-я армия) к станции Мшинская, освободить ее и помочь войскам Мерецкова под Лугой, 2-й Ударной армии предписывалось наступать на Кингисепп и Нарву, а 42-й — на Гдов.

109-й стрелковый корпус (командир генерал И.П. Алферов) форсировал Лугу севернее и южнее Кингисеппа. Его поддерживал 122-й стрелковый корпус (командир генерал П.А. Зайцев). На штурм города устремилась 189-я стрелковая дивизия, подразделения 152-й танковой бригады полковника А.З. Оскотского и 222-й отдельный танковый полк подполковника А.Н. Ковалевского.

1 февраля Кингисепп был освобожден.

* * *

В докладе Верховному Главнокомандующему генерал Говоров подчеркивал, что войска его фронта приступают “к выполнению следующей операции, целью которой является освобождение Эстонской ССР и овладение всем южным побережьем Финского залива”. Для достижения этого необходимо, по его мнению, в первую очередь, форсировать реку Лугу, выйти на реку Нарва и на восточный берег Чудского озера, а, кроме того, захватить плацдармы на левом берегу Нарвы. Далее командующий Ленинградским фронтом предлагал сосредоточить основные усилия не на псковском, а на нарвском направлении. Вывод генерала Говорова был таков: псковское направление должно быть вспомогательным, ибо нанесение главного удара на нарвском направлении позволит быстро выйти к границам Эстонии»{204}.

Перелом в Ленинградско-Новгородской операции был достигнут в начале февраля. После этого немцам оставалось лишь дать приказ к отводу трех армий — 5-й, 16-й и 18-й на тыловые оборонительные позиции в районе Псков — Остров и вдоль железнодорожной линии Псков — Полоцк{205}. Части Ленинградского и Волховского фронтов преследовали их по пятам. 3 февраля войска Ленинградского фронта форсировали реку Нарву, захватили плацдармы на ее левом берегу и начали бои за их расширение. Началось освобождение Эстонии. 4-го числа 42-я армия Ленинградского фронта очистила от противника побережье Финского залива до устья реки Нарвы, вступила в город Гдов, где соединилась с партизанами, а через пять дней нанесла поражение 58-й пехотной дивизии противника, оборонявшейся на реке Плюсса (противник потерял треть своего состава и всю тяжелую технику). Командующий группой армий «Север» генерал Модель был вынужден дать 58-й трехдневный отдых, а затем перебросил на север, в район Нарвы.

Войска Волховского фронта очистили от противника железную дорогу Новгород — Ленинград.

12 февраля войска 67-й армии Ленинградского фронта освободили город Лугу. Противник ожесточенно сопротивлялся, стремясь отбить город, только за 13 февраля он предпринял до 30 контратак, пытаясь выбить из городских кварталов Луги советскую пехоту. Безуспешно, с потерей этого важнейшего стратегического центра пришлось смириться.

Через три дня после освобождения Луги дивизии 42-й армии вышли к городу Струги Красные. Это был конечный пункт Новгородско-Лужской операции (составная часть Ленинградско-Новгородской операции). Ленинградский и Волховский фронты, разгромив восемь пехотных и одну танковую дивизию,

продвинулись на запад до 150 км, к рубежу: река Нарва — северная оконечность озера Псковское — Середка — Плюса — Шимск.

Тогда же был расформирован выполнивший свою задачу Волховский фронт. Его войска передали Ленинградскому и 2-му Прибалтийскому фронтам. Последний в те дни рвался к Старой Руссе, и резервы ему пришлись как раз кстати.

И.И. Федюнинский:

«Во второй половине февраля на нарвском плацдарме попал под сильный обстрел генерал армии Л.А. Говоров. Случилось это так: он приехал ко мне на НП и предложил отправиться в корпус генерала Н.П. Симоняка.

— Товарищ командующий, даем по плацдарму ездить опасно, — предупредил я.

— Ничего, я старый артиллерист, знаю, как стреляют немцы, — хладнокровно произнес Говоров, поглаживая коротко подстриженные жесткие усы. — Поехали.

Мы отправились на двух автомашинах. В передней ехал Говоров, во второй я. За рекой Нарвой противник заметил нас и открыл огонь. Но все же нам удалось благополучно проскочить до командного пункта генерала Симоняка. Командующий фронтом неторопливо вышел из автомобиля. Он был, как всегда, совершенно спокоен, словно и не заметил недавней опасности.

Обратно возвратились вечером, когда стемнело. Генерал Говоров остался ужинать.

Мы зашли в столовую Военного совета. Пока официантка накрывала на стол, я вышел в соседнюю комнату и неожиданно услышал из-за неплотно прикрытой двери негромкий смех командующего. Это было необычно. Говоров редко смеялся, и мало кто замечал улыбку на его строгом, волевом лице.

Вернувшись в столовую, я увидел, что командующий фронтом забавляется с кошкой. Наверное, у меня был очень удивленный вид, потому что Говоров тотчас же оборвал смех, словно смутившись, и сказал немного суховатым тоном:

— Эта кошка хоть кого рассмешит. Ишь ты — служит, как собака!

Больше в тот вечер он ни разу не улыбнулся и даже не взглянул на кошку. А укладываясь спать, распорядился:

— Все-таки запретите своим офицерам без особой нужды днем ездить по плацдарму. Это действительно опасно».

Начиная с 20-х чисел февраля Ленинградский фронт Говорова взаимодействовал со 2-м Прибалтийским, и этот «тандем» надо признать весьма удачным. 21 февраля соединения 2-го Прибалтийского фронта освободили города Сольцы и Холм,

24-го — город Дно (войска 2-го Прибалтийского и Ленинградского фронтов здесь действовали совместно). Через два дня Говоров рапортовал об освобождении города Порхова, 2-й Прибалтийский — станции Локня, очистив от войск противника железную дорогу Луга — Дно — Новосокольники. Еще через день освобожден Новоржев.

Ленинградско-Новгородская операция завершилась 1 марта. Освобождена была вся Ленинградская область, советские войска вели бои на территории Прибалтийских республик. Противник был отброшен от Ленинграда на 250—280 километров, разгромлены 26 дивизий противника, три из которых были уничтожены полностью. «В докладе Сталину об итогах боевой деятельности Ленинградского фронта с 14 января по 14 февраля 1944 г. его командующий генерал Говоров отмечал, что войска разгромили основные силы 18-й армии немцев. По данным штаба фронта, противник потерял убитыми около 60 тыс. солдат и офицеров, пленными до 4 тыс., а также 1400 орудий и 152 танка. А по сведениям штаба Волховского фронта, с 14 января по 12 февраля войска обоих фронтов уничтожили 82 тыс. солдат и офицеров 18-й и 16-й армий, взяли в плен 3,2 тыс. человек. За весь период Ленинградско-Новгородской операции потери войск Ленинградского (без 23-й армии), Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов, а также Балтийского флота составили: безвозвратные — 76 686 и санитарные — 237 267 человек. Советские войска лишились 462 танков и самоходно-артиллерийских установок, 1832 орудий и минометов, 260 боевых самолетов»{206}.

Тем не менее, как считают современные военные историки, Ленинградско-Новгородская операция полностью не достигла своей цели. Основная причина — недостаток сил, потому что Ставка Верховного Главнокомандования все внимание в тот период сосредоточила на разгроме группы армий «Юг»{207}. «В итоге боевых действий, — вспоминал генерал армии С.М. Штеменко, — наши войска оказались перед глубокой, хорошо развитой в инженерном отношении обороной противника. На пути лежал, в частности, Псковско-Островский укрепленный район, который подпирали с юга основные силы 16-й немецкой армии»{208}.

* * *

10 июня 1944 года начались Выборгская и Свирьско-Петрозаводская наступательные операции войск правого крыла

Ленинградского и левого крыла Карельского фронтов во взаимодействии с Балтийским флотом, Ладожской и Онежской флотилиями, продолжавшаяся до 9 августа.

На северных граница к Ленинграду финнами при участии германских военных инженеров в 1941—1943 годах была создана глубоко эшелонированная оборона. Сильнейшая система укреплений глубиной более 100 км протянулась на Карельском перешейке, которую финны окрестили Карельским валом: перешеек прорезали три полосы обороны.

Первая полоса, глубиной пять километров, проходила по линии существующего фронта, вторая полоса, считавшаяся самой мощной, представляла собой почти законченный строительством железобетонный пояс — около двух тысяч долговременных сооружений, опоясанных гранитными надолбами и рвами, от трех до пяти километров глубины — в 15—25 км от первой. Броневые купола на дотах имели толщину 30 сантиметров. Финны строили эту новую полосу с 1942 г. с учетом накопленного к тому времени опыта создания укрепленного района. И нельзя было не признать их мастерства в фортификационных и маскировочных работах. Об этом говорили аэрофотоснимки, разведывательные карты{209}. Третья — на удалении 60—65 км от линии фронта. Оборонительные рубежи проходили по лесисто-болотистой местности, в узких «межозерных дефиле вдоль многочисленных водных рубежей». Подходы прикрывались плотным огнем артиллерийских и минометных батарей и пулеметных точек.

Большое количество дотов, дзотов, бронеколпаков, противотанковые рвы, многорядные проволочные заграждения, гранитные надолбы, минные поля, — вот что представляла собой система укреплений. Да и город Выборг с прилегающей к нему территорией представлял собой укрепленный район.

Мощная оборона прикрывала и Южную Карелию. Линия обороны между Ладожским и Онежским озерами доходила глубиной до 200 км. (Знаменитая линия Маннегейма уступала этой оборонительной системе.) Наиболее развитой оборона была выстроена на участке от Свирьстроя до Ладоги, где проходили основные коммуникации финских и немецких войск.

Советская разведка располагала данными, что оборону удерживали 15 дивизий и 9 бригад армии Финляндии, в составе которых насчитывалось 268 тысяч солдат и офицеров, 2350 орудий и минометов, 110 танков и около 250 самолетов. Из них на Карельском перешейке находилось шесть дивизий и четыре бригады, а между Ладожским и Онежским озерами — пять дивизий и три бригады. Это были очень серьезные силы, финны показали себя умелыми и толковыми воинами, способными вести

борьбу в самых экстремальных условиях: в мороз, в непроходимом лесу или топком болоте, без продовольствия и воды, используя партизанские и диверсионные методы военных действий.

Проведение Выборгской операции было возложено на войска Ленинградского фронта (командующий — генерал Л.А. Говоров, член Военного совета — А.А. Жданов, начальник штаба — генерал М.М. Попов) при содействии Балтийского флота и Ладожской военной флотилии. Свирьско-Петрозаводская операция должна была быть проведена войсками Карельского фронта (командующий — генерал К.А. Мерецков, член Военного совета — Т.Ф. Штыков, начальник штаба — генерал Б.А. Пигаревич) при содействии Ладожской и Онежской военных флотилий.

Подготовка к боевым операциям началась в начале мая 1944 г. Проведена была перегруппировка и значительное усиление обоих фронтов живой силой и техникой. К началу наступления Ленинградский и Карельский фронты располагали на Карельском перешейке и в Южной Карелии 41 дивизией, 5 бригадами и 4 укрепленными районами, в которых насчитывалось около 450 тысяч солдат и офицеров, около 10 тысяч орудий и минометов калибра 76 мм и крупнее, более 800 танков и самоходно-артиллерийских установок{210}.

Однако в бой бросать части никто не торопился. Каждый день солдаты и офицеры учились преодолевать укрепления, действовать группами, прорывать проволочные заборы, ориентироваться на лесисто-болотистой местности, растаскивать и уничтожать лесные завалы, штурмовать доты и дзоты, вести антипартизанские действия, поддерживать связь между небольшими группами, частями и соединениями. Вся подготовка к операции проводилась с сохранением строжайшей тайны, чтобы финны не заметили о подготовке наступления на Карельском перешейке.

«Подготовка операции прошла “красиво”», — так выразился М.М. Попов. Вместе с Леонидом Александровичем Говоровым он разработал крупный маскировочный маневр: демонстрация подготовки первоначального удара на Нарву, а не по Выборгу или в Карелии. Сосредоточить там, у Нарвы, плавсредства, усилить авиационную и артиллерийскую активность. Как считал Попов, «все равно придется через некоторое время прорываться через Нарву, но пока — демонстрировать так, чтобы даже свои войска не знали истинного замысла».

План Попова—Говорова был претворен на практике. Финны так ничего и не заметили: перед самым прорывом на Карельском

перешейке финское командование отпустило с фронта десять процентов солдат в отпуск, обусловленный началом сельскохозяйственных работ. И неудивительно: советские войска к 1944 г. обладали уже немалым опытом в дезинформации противника. Под покровом ночи из Ораниенбаума на кораблях Балтийского флота через Финский залив на Лисий Нос стрелковые корпуса Симоняка, Алферова, Тихонова перебрасывались в леса Карельского перешейка. 97-й стрелковый корпус был переброшен по железной дороге. Артиллерийский корпус Н.Н. Жданова ночью обошел Ленинград и «исчез» в лесах{211}.

Говоров рассчитывал решить проблему стремительным прорывом всей глубины финской обороны у Выборга — более 100 километров. Леонид Александрович решил проводить всю операцию, выдерживая темп наступления по 10—12 километров в сутки. Это значило, что железобетонный пояс в глубине надо прорвать почти с ходу и взять Выборг через 10—12 дней после начала наступления{212}. Хватит ли сил, духа, не отстанут ли тылы, не подведет ли погода, не развязнут ли полевые аэродромы и немногочисленные дороги? Вот что волновало Л.А. Говорова в ночь перед началом наступления.

9 июня 1944 г. артиллерия Ленинградского фронта, корабельная артиллерия, орудия Кронштадтской крепости и авиация (1100 самолето-вылетов задень) нанесли удары по наиболее важным укреплениям финнов. Разрушено было 335 инженерных сооружений{213}. В конце того же дня для проверки обороны противника была проведена разведка боем силами 10-й и 92-й дивизий: финны уплотняли свои боевые порядки, приняв ее за начало наступления. За ночь финское командование за счет резервов значительно уплотнило боевые порядки первой оборонительной полосы.

10 июня в 6 часов утра началась артиллерийская, а через час и авиационная подготовка наступления. Артиллерия Ленинградского фронта и Балтийского флота вела огонь ровно 2 часа 20 минут. Как пишет маршал артиллерии Г.Ф. Одинцов[75], командовавший тогда артиллерией Ленинградского фронта, «три траншеи главной оборонительной полосы были разрушены до основания вместе с ее защитниками»{214}.

Первыми в наступление перешли войска Ленинградского фронта на Карельском перешейке. Главный удар наносили силы 21-й армии (командующий — генерал Д.Н. Гусев) с позиций, расположенных северо-восточнее Сестрорецка на выборгском направлении. 23-я армия (командующий — генерал А.И. Черепанов[76]), используя успех 21-й армии, готовилась следом

перейти в наступление из-за ее правого фланга. Расширяя прорыв в сторону своего правого фланга, на кексгольмском направлении должна была двигаться 23-я армия.

Войска 21-й армии с ходу форсировали реку Сестру и к исходу первого дня продвинулись в глубину до 15 км. Главный удар в полосе 21-й армии наносился вдоль Выборгского шоссе силами 30-го гвардейского стрелкового корпуса, которым командовал генерал Н.П. Симоняк{215}. Корпус занял Белоостров, продвинувшись до Яппиля (сейчас Симагино). Части 72-й Павловской (генерал-майор И.И. Ястребов) 109-й Ленинградской (генерал-майор Н.А. Трушкин) дивизий овладели Олли-лой (Солнечное) и Куокколой (Репино) соответственно. Соединения 97-го стрелкового корпуса продвинулись на пять километров, вели бой на левом берегу реки Сестры. 11 июня 23-я армия Ленинградского фронта перешла в наступление на направлении Валкъярви, освободила город Териоки.

12 июня соединения 30-го гвардейского стрелкового корпуса заняли пос. Кивеннапа (Первомайское), а 109-го стрелкового корпуса — Райволу (Рощино). Сопротивление противника заметно возросло. Введенный из резерва 108-й стрелковый корпус сосредоточивается в районе Териоки.

Противник усилил свою группировку, действующую вдоль Выборгского шоссе, поэтому командование Ленинградского фронта перенесло главный удар в полосе 21-й армии на левый фланг — вдоль Приморского шоссе. Для этого всего за одни сутки были перегруппированы части 3-го артиллерийского корпуса, которым командовал генерал Н.Н. Жданов. 13 июня в полосу Приморского шоссе перемещаются примерно 110 дивизионов артиллерии. Плотность «стволов» здесь достигает 250 орудий и минометов на 1 километр фронта. Как вспоминал главный маршал авиации А.А. Новиков[77], находившийся тогда на Ленинградском фронте в качестве представителя Ставки Верховного Главнокомандования, в этом неординарном решении Л.А. Говорова «проявился не только его талант полководца, но и гражданское мужество. Я отлично представлял себе, что он пережил, входя с таким предложением в Ставку. Как командующий фронтом, он единолично отвечал за судьбу всей операции»{216}.

Первая полоса финской обороны была прорвана.

Прорыв второй полосы финской обороны начался утром 14 июня. Бои здесь проходили в исключительно трудных условиях, так как этот оборонительный рубеж был сильно насыщен долговременными железобетонными сооружениями.

Наступление советских войск, начавшееся после мощной

артиллерийской подготовки, велось 21-й армией на Выборгском и 23-й армией — на кексгольмском направлениях.

15 июня, утром, Л.А. Говоров получил донесение, что финны ночью начали отход на участке 109-го корпуса под командованием генерала Алферова, чьи дивизии успешно действовали в пятикилометровом треугольнике: Кутерселькя, Мустамяки, Сахакюля. В результате ожесточенного многочасового боя при поддержке 1-й Краснознаменной танковой бригады дивизии овладели Кутерселькя, затем — опорным пунктом Мустамяки (Горьковское). Говоров отдал приказ Д.Н. Гусеву: 1-й танковый бригаде повернуть на Приморское шоссе, отрезав укрепленный узел Метсякюля, где вели бой части 108-го корпуса генерала Тихонова. Части 46-й Лужской стрелковой дивизии (полковник С.Н. Борщев) 108-го стрелкового корпуса штурмом овладели узлом обороны Метсякюля (Молодежное), затем — фортом Ино (Приветинское).

Начальник разведки фронта генерал Евстигнеев доложил Говорову: Маннергейм решил отвести 4-й армейский корпус к Выборгу, рассчитывая удержать его во что бы то ни стало. Финны хотели бы уплотнить там войска, а на водных рубежах Вуоксы — растянуть. По трудности сами рубежи значили не менее чем долговременные укрепленные районы.

Говоров настойчиво требовал от командующего 23-й армией генерала А.И. Черепанова форсировать расширение прорыва 21-й армии, «сталкивая» оборону финнов в сторону Ладожского озера. Отсекая 3-й армейский корпус противника, действующий против 23-й армии, от мощных водных рубежей Вуоксинской системы, советские войска не дали бы противнику возможности закрепиться на столь удобных природных рубежах. Но сказалась длительная «окопная неподвижность» 23-й армии, она продвигалась вперед медленнее отступавших финских войск{217}.

16 июня части 286-й Ленинградской стрелковой дивизии (генерал-майор М.Д. Гришин) прорвались до подступов к Перкярви (Кирилловское). Соединения 108-го стрелкового корпуса, наступавшие по линии Юль Приморской железной дороги, вышли на уровень северного берега озера Хохалан-ярви (оз. Красногвардейское){218}.

Отступая к третьей полосе обороны, финские войска яростно контратакуют. Соединения 23-й армии (177,92, 10-я и 142-я стрелковые дивизии) полностью преодолели первую полосу обороны финнов, частично вышли ко второй линии обороны противника.

17 июня войска Ленинградского фронта завершили прорыв второй оборонительной полосы противника на фронте от

Кутерселькя до Финского залива.

18 июня. Финское командование бросило все свои резервы к третьей полосе обороны, непосредственно прикрывавшей подступы к Выборгу. На Карельском перешейке появились немецкие бомбардировщики «Ю-87» и истребители «ФВ-190»: из Эстонии были переброшены 20 бомбардировщиков и 10 истребителей{219}. Разведка сообщила, что в Хельсинки прибывают немецкие части и артиллерия. Из-за Ладожского озера со свирско-петрозаводского направления под Выборг перебрасывается еще одна дивизия и бригада, а также штаб 5-го армейского корпуса. Но для Маннергейма было уже поздно. Чтобы сохранить стремительность наступления, Говоров ввел последний подготовленный резерв на выборгском направлении — 168-ю и 265-ю дивизии 110-го стрелкового корпуса генерала Хазова. На Выборг в полосе шириной более 40 километров двигалось восемь дивизий трех стрелковых корпусов при непрерывной мощной поддержке почти всех сил 13-й воздушной армии. Балтийский флот вел борьбу за острова в Выборгском заливе{220}.

Именно на главном участке третьей полосы финской обороны — от Выборгского шоссе до Финского залива — развернулись самые кровопролитные бои. Направление главного удара 21-й армии было перенесено вдоль Выборгского шоссе, и наносил его 97-й стрелковый корпус, до этого стоявший во втором эшелоне.

До Выборга оставалось еще 40 километров, 18 июня дивизии 21-й армии прошли 25 км, прорвали сильно укрепленные позиции врага и овладели городом Койвисто (ныне Приморск).

19 июня 21-я армия прорвала третью полосу финской обороны на 70-километровом фронте — от Финского залива до озера Муолан-ярви (озеро Глубокое). 4-й финский корпус потерпел полное поражение, но командование 3-го армейского корпуса отвело свои части и соединения на Вуоксинскую оборонительную систему, к которой вышли соединения 23-й армии.

После непрерывного суточного боя части 90-й Ропшинской (генерал-майор Н.Г. Лященко), 314-й Кингисеппской (полковник М.С. Елшинов), 372-й Новгородской (генерал-майор П.И. Радыгин) дивизий, а также и другие части штурмом овладели 20 июня городом Выборгом{221}.

За 10 дней наступления войска 21-й армии продвинулись на 110—120 километров, прорвали четыре полосы финской обороны, освободили большую часть Выборгского района Ленинградской области. Линия фронта отодвинулась от Ленинграда на 130 километров.

Завершилась Выборгская операция: войска Ленинградского фронта разгромили крупную группировку финских войск, овладели городом Выборгом; вышли к озерам Вуоксинской системы.

Но 21-я армия не смогла выполнить приказ Л.А. Говорова от 20 июня 1944 г. до конца: выйти к 21 июня на рубеж Выборг, Антреа (Каменногорск){222}. Противник был еще силен.

* * *

18 июня 1944 г. Говоров был удостоен звания Маршала Советского Союза. 4 сентября правительство Финляндии заявило о разрыве отношений с Германией и прекращении военных действий. 5 сентября по приказу Ставки ВГК войска Ленинградского и Карельского фронтов, Балтийский и Северный флоты с 8 часов утра прекратили военные действия против Финляндии.

* * *

В последнюю декаду декабря бои велись за острова в Финском и Выборгском заливах. Острова отвоевывал Балтийский флот и 59-я армия под командованием генерала И.Т. Коровникова[78], части и соединения которой прибыли на Карельский перешеек с нарвского направления во второй половине июня 1944 г.

К 24 июня были заняты острова Бьеркского архипелага, а к 5 июля — острова Выборгского залива.

* * *

В начале июля разгромленный в Белоруссии враг откатывался в западном направлении, в поле боя превращались республики Прибалтики. 4 июля 1944 г. войска 1-го Прибалтийского фронта под командованием генерала И.Х. Баграмяна вышли к латвийско-литовской границе[79], а 3-й Белорусский фронт под командованием генерала И.Д. Черняховского подошел к Молодечно[80], охватив левое крыло прибалтийской группировки вермахта{223}.

12 июля войска 2-го Прибалтийского фронта освободили города Идрица и Дрисса, 15 июля — город Опочка, 17 июля —

город Себеж, 22 июля — город Краслава.

Леонид Александрович, внимательно следивший за продвижением соседей, предложил Ставке Верховного Главнокомандования свой новый план: осуществить марш-маневр 2-й Ударной армии генерала И.И. Федюнинского от Нарвы на юг вдоль Чудского озера с переправой ее через трехкилометровую протоку Теплое озеро, между Чудским и Псковским озерами. И приняв от 3-го Прибалтийского фронта участок действий в районе города Тарту, нанести внезапный удар на север, в направлении Таллина, отрезав нарвскую группу войск{224}.

Начало борьбы за Прибалтику относится еще к началу февраля 1944 года, когда войска Ленинградского фронта достигли восточной границы Эстонии по реке Нарва и захватили плацдарм на ее левом берегу. На псковском направлении войска Говорова совместно со 2-м Прибалтийским фронтом охватывали левое крыло 16-й немецкой армии, создав благоприятные условия для наступления на Резекне, а потом на Даугавпилс. Однако успех развить не смогли{225}.

24 июля началась Нарвская наступательная операция войск Ленинградского фронта, которую осуществляли 2-я Ударная и 8-я армии при поддержке 13-й воздушной армии при содействии Балтийского флота.

Марш и переправу 2-й Ударной армии Федюнинского на западный берег Чудского озера Говоров взял под свой личный контроль, придавая исключительное значение скрытности.

План дезинформации был прост, но в этой простоте заключался успех замысла. Предполагалось часть автотранспорта и тыловые части направить на юг до Пскова, и через Псков в район 3-го Прибалтийского фронта. Эти колонны должны были пройти мимо переправ. Воздушная разведка противника, естественно, увидит машины и сделает вывод, что осуществляется переброска частей и соединений от Нарвы на 3-й Прибалтийский фронт через Псков. На самом деле главные силы 2-й армии (три стрелковых корпуса с боевой техникой, артиллерийская дивизия, гвардейские минометные соединения и две танковые бригады) пройдут к Теплому озеру — к переправам — по четко определенному и выверенному графику и переправляться будут только ночью, а затем — «растворятся» на местности. Ударную группировку армии Федюнинского составили 30-й гвардейский стрелковый корпус генерала Н.П. Симоняка, 108-й стрелковый корпус генерала М.И. Тихонова, 23-я артиллерийская дивизия, 1-я и 152-я танковые бригады и еще ряд артиллерийско-минометных соединений. В ударную группировку вошел и 8-й Эстонский стрелковый корпус генерал-лейтенанта Л.А. Пэрна[81],

сформированный еще в 1942 г.{226}

26 июля войска Ленинградского фронта освободили город Нарву. (Сталин требовал от Говорова занять Нарву еще 17 февраля, однако маршал не выполнил указания Верховного, но сберег людей, так как в феврале противник был силен, не отступал на всех направлениях, что отмечалось летом 1944-го.)

К 30 июля войска Ленинградского фронта вышли на рубеж Муммассааре, Кирикукюла, Сиргала, Мустайыэ, расширили плацдарм на левом берегу Нарвы, нанесли поражение нарвской группировке противника. 8 августа войска 2-го Прибалтийского фронта освободили город Крустпилс. Через день завершилась и Выборгско-Петрозаводская наступательная операция. На поле боя навсегда остались лежать почти 17 тысяч бойцов и командиров Карельского фронта, шесть тысяч — Ленинградского фронта и семь сотен моряков Балтийского флота, Ладожской и Онежской флотилий.

А боевые операции тем временем продолжались.

Новую директиву от Ставки Верховного Главнокомандования маршал Говоров получил 2 сентября. Командарму Федюнинскому предписывалось в предельно сжатые сроки: 3 сентября передать нарвский участок фронта 8-й армии, 4—5 сентября совершить переход (около 150 километров) и рекогносцировки, 6—10 сентября осуществить переправу, 14-го — сосредоточиться в исходном положении для прорыва под Тарту, да еще с готовностью форсировать сразу в бою реку Амме{227}.

14 сентября началась Прибалтийская стратегическая наступательная операция войск Ленинградского, 3, 2 и 1-го Прибалтийского, 3-го Белорусского фронтов и сил Балтийского флота. 17 сентября началась Таллинская наступательная операция левого крыла Ленинградского фронта (2-я Ударная и 8-я армии) при поддержке Балтийского флота. 2-я Ударная армия прорвала фронт обороны противника в районе Тарту, за сутки прошла с боями 28 километров.

Поняв, какую угрозу представляют вышедшие в тыл главным силам оперативной группы «Нарва» части 2-й армии Ленинградского фронта, командование вермахта отдало приказ об отводе своих войск: на Раквере — к Таллину и на Пярну — к Риге. 8-я армия генерала Ф.Н. Старикова в ночь на 19 сентября двинулась вперед, преследуя противника. На следующий день дивизии армии, продвинувшись на 90 км, освободили Раквере. За эти два дня 2-я Ударная армия отбросила противника на 50 км: Говоров стремился отсечь нарвской группе пути к побережью Рижского залива в районе Виртсу, Пярну, откуда противник мог уйти морскими путями{228}. Но для успешного решения данной

задачи необходимы были крупные танковые соединения. Ленинградский фронт танковыми армиями похвастаться не мог, и немцам удавалось выскальзывать из-под клещей 2-й и 8-й армий.

После взятия 8-й армией Раквере отпала необходимость дальнейшего наступления 2-й Ударной армии в северном направлении. По распоряжению Говорова дивизии последней развернулись всем фронтом на юго-запад и повели наступление на Пярну, а 8-й эстонский корпус, переданный в состав 8-й армии, устремился на Таллин{229}.

22 сентября войска Ленинградского фронта при содействии Балтийского флота освободили столицу Эстонии. В Таллин вошла 7-я эстонская дивизия полковника К.А. Алликаса. Северо-западнее Таллина моряки Балтийского флота овладели островом Найссаар{230}. Город Пярну был занят 23 сентября, части 2-й Ударной армии шли на юг, вдоль побережья Рижского залива. Войска Ленинградского фронта продолжали преследовать противника, 26 сентября эстонский корпус вышел в район Виртсу, создав благоприятные условия для захвата островов Вормси и Муху. В то же время войска 2-й Ударной армии заняли город Киллинги-Ныммэ, затем населенный пункт Айнажи, где соединились с войсками 3-го Прибалтийского фронта.

26 сентября завершилась Таллинская операция. Ленинградский фронт нанес поражение группе «Нарва», войска завершили освобождение материковой части Эстонии и вступили на территорию Латвии. В ходе операции, продолжавшейся всего десять дней, войска Ленинградского фронта серьезно потрепали четыре пехотные дивизии, пять артиллерийских полков, 15 отдельных батальонов, другие части и подразделения, а три дивизии и одна бригада были сильно ослаблены. За период операции уничтожено свыше 30 тысяч и взято в плен около 16 тысяч солдат и офицеров противника{231}.

27 сентября началась Моонзундская десантная операция войск Ленинградского фронта (8-й эстонский и 109-й стрелковый корпус 8-й армии, 13-я воздушная армия) при поддержке Балтийского флота (260-я бригада морской пехоты, 92 катера, 40 тендеров, две штурмовых авиадивизии). Руководство сухопутными силами в операции было возложено на командующего 8-й армией генерал-лейтенанта Ф.Н. Старикова, морскими силами — на контр-адмирала И.Г. Святова.

Моонзундские острова обороняли 23-я пехотная дивизия и четыре охранных батальона противника (всего около 11,5 тысячи человек). Здесь же базировались два миноносца, 22 десантные и артиллерийско-десантные баржи, 14 тральщиков и два торпедных катера.

Моонзундская операция началась 27 сентября с захвата силами батальона морской пехоты острова Вормси.

29 сентября развернулись бои на острове Муху. Еще накануне было решено послать на остров две разведгруппы, цель и задачи которых заключались в скрытном наблюдении за противником, сборе информации об оборонительной линии, передаче сведений главным своим силам и поддержке наступления ударом по тылам врага, по его огневым точкам.

Высадка десанта на остров Муху в Куйвасту началась рано утром 29 сентября: была высажена передовая группа численностью около 1150 человек. Переправу войск осуществляли торпедные катера КБФ. 30 сентября они совершили 181 рейс, доставив на Муху 5600 бойцов и командиров 249-й стрелковой дивизии.

Кровопролитный бой продолжался 29 и 30 сентября, советским войскам удалось сломить сопротивление частей вермахта. Продолжали сопротивляться лишь отдельные группы солдат противника. К полудню 30 сентября части эстонского стрелкового корпуса вышли к Ориссарской дамбе, соединяющей острова Муху и Сааремаа{232}.

2 октября начались бои за остров Хийумаа (Даго). Гарнизон острова состоял главным образом из частей морской пехоты и тех, что успели эвакуироваться из Таллина и Хаапсалу. Линия обороны представляла собой серьезное препятствие для пехоты, даже с учетом поддержки последней корабельной артиллерией.

В 7 часов утра первые группы десанта — батальоны капитанов Никулина и Андреева — высадились на острове. Оборона противника была прорвана в районе Хельтермаа. Но в районе Кярдла противник перешел в контратаку, которую удалось отбить только с помощью артиллерии. В первый же день наступления были ликвидированы немецкие опорные пункты в Кейна и Кярдла. К середине дня 3 октября остров Хийумаа был освобожден. В плен сдались три сотни немецких солдат{233}.

5 октября десант высадился на самый большой остров Моонзундского архипелага — Саарема (Эзель), который обороняла переброшенная из Риги 218-я пехотная дивизия вермахта. Десант поддержал Эстонский стрелковый корпус, который должен был наступать через дамбу Удар по немецкому гарнизону был для немцев полной неожиданностью: они не ожидали таких стремительных прорывов и скоординированных действий стрелковых, танковых, артиллерийских и военно-морских частей Красной армии.

Обер-ефрейтор 7-й батареи 532-го морского артдивизиона Эрих Фингрес так описывал обстановку, сложившуюся на острове

после начала операции: «В наших подразделениях высадка русских произвела суматоху и панику. Царило полное смятение. Офицеры проявили беспомощность. Раненые были брошены на произвол судьбы».

После нескольких часов боя морскому десанту удалось создать плацдарм на северном берегу Сааремаа, немцы отошли на второй рубеж обороны, расположенный в десяти километрах от побережья, но пехота эстонского корпуса при поддержке самоходно-артиллерийских установок заняла окопы противника, отразив его контратаки.

К 17 часам 5 октября нашими частями были освобождены следующие населённые пункты острова Сааремаа: Хинду, Кавани, Выхма, Тагавере, Вальяла, Кареда, Сандре, Пейде, Вяльта, Унгума. В районе Кесквере стрелковым полком была уничтожена группировка противника, состоящая из двух батальонов с артиллерией и минометами{234}. 7 октября советские части овладели уездным центром Сааремаа — портом Курессааре. 8 октября большая часть острова была очищена от войск противника, боевые действия сосредотачивались на полуострове Сырве. Как и в 1941 г., полуостров стал крепостью, только — немецкой: сплошная линия обороны — многочисленные траншеи, дзоты и доты, минные поля, противотанковые рвы и надолбы, колючая проволока. В самой узкой части полуострова, в районе Каймри, были созданы четыре линии обороны. На один километр фронта у противника действовали восемь артиллерийских и пять миномётных батарей. Их обнаружение советской разведкой оказалось осложнено тем обстоятельством, что они располагались на приличном расстоянии от линии фронта, замаскированными либо в лесу, либо у кромки воды.

Немцы называли оборону на полуострове Сырве «Ирбенским щитом», он прикрывал вход в Ирбенский пролив.

Попытки прорвать «Ирбенский щит», предпринятые 10—14 октября, провалились{235}.

* * *

Параллельно с боями на островах Моонзундского архипелага шли ожесточенные бои в районе Риги, где держали оборону свыше 30 дивизий вермахта, в том числе четыре танковые{236}, за счет отвода 18-й армии и оперативной группы «Нарва». Войска 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов были остановлены противником на рубеже «Сигулда» (в 60—80 км вокруг Риги). На мемельском направлении на участке от Ауце до Немана в это

время находилось не более 8 дивизий 3-й танковой армии, вошедшей 21 сентября в состав группы армий «Север».

Советским войскам не удалось отсечь группу армий «Север» от Восточной Пруссии.

Исходя из изменившейся обстановки, Ставка Верховного Главнокомандования 24 сентября приняла решение о переносе направления главного удара на мемельское направление, с тем чтобы отсечь группу армий «Север». Началась перегруппировка войск 1-го Прибалтийского фронта в район Шяуляя, соединения 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов также перегруппировывались для нового наступления на Ригу.

5 октября 1-й Прибалтийский фронт и 39-я армия 3-го Белорусского фронта начали Мемельскую операцию. Оборона противника была прорвана. Развивая наступление, 10 октября ударные группировки фронта вышли на побережье Балтийского моря севернее и южнее города-порта Мемеля (Клайпеды) и блокировали его с суши; другая группировка войск 1-го Прибалтийского фронта вышла на границу с Восточной Пруссией у Таураг{237}.

* * *

Из воспоминаний командующего 2-м Прибалтийским фронтом А.И. Еременко:

«В это время перед войсками 2-го Прибалтийского фронта Ставка поставила задачу перевести на левый берег Даугавы 42 и 10-ю гвардейскую армии, не прекращая преследования врага, и наметила фронту измененную полосу наступления.

Эту задачу перед войсками фронта поставил Маршал Советского Союза Леонид Александрович Говоров, на которого Ставкой в тот период была возложена задача по координации боевых действий фронтов, участвовавших в Рижской операции. Это была исключительно трудная задача — армии втянулись в преследование, нанося по арьергардам противника глубокие удары; впереди была Рига, которую требовалось освободить в возможно более короткий срок, что диктовалось как военно-стратегической, так и политической обстановкой.

Хорошо запомнилась мне беседа 8 октября с глазу на глаз с Леонидом Александровичем, когда он откровенно сказал, что, по его мнению, перед фронтом ставится редкостная по сложности задача — овладеть Задвиньем в течение двух-трех дней и одновременно произвести смену полос действий фактически всех объединений, входивших в состав фронта, при условии

преодоления крупной водной преграды, почти лишенной мостов и других стационарных переправ.

Хочется подчеркнуть также, что маршала Л.А. Говорова я уважал не только как старшего по званию и в этот момент по должности военачальника, но и как высокоодаренного полководца и человека большого ума и силы воли, прошедшего большой и сложный путь от командира батареи до командующего фронтом, с 1920 г. самоотверженно служившего делу революции и укрепления наших Вооруженных сил.

Подчеркну, что для меня как командующего фронтом исключалась возможность давать повод для критики моими подчиненными приказов Ставки и директив Генерального штаба»[{238}].

Из воспоминаний начальника штаба 2-го Прибалтийского фронта Л.М. Сандалова:

«А.И. Еременко детализировал задачу войск фронта в духе директивы Ставки и советов маршала Говорова: в ночь на 10 октября через Даугаву должна была переправиться почти вся 10-я гвардейская армия; она оттесняла войска 22-й армии влево. Совместно со 130-м латышским корпусом гвардейцам предстояло наступать на южную часть Риги; танковый корпус Сахно сосредоточивался вместе с 42-й армией в районе Добеле, где ожидал получить пополнение.

— Итак, — подытожил Еременко, — на десятое октября севернее Даугавы у нас останутся лишь девятнадцатый гвардейский стрелковый корпус, несколько авиационных частей да тыловые учреждения. Пора уходить за реку и нам. Готовьте командный пункт в новой полосе, чтобы завтра к вечеру можно было и переехать.

Я кивнул в знак того, что мне все ясно, однако уходить медлил; надеялся, что командующий как-то выскажется о проводимой перегруппировке войск. Но он встал, давая понять, что разговор окончен.

Едва переступил порог своей землянки, как на столе заверещал телефон. В трубке послышался глуховатый, с хрипотцой голос генерал-лейтенанта А.В. Гвоздкова. Он проинформировал меня, как обстоят дела северо-восточнее Риги. 61-я армия и левофланговый корпус 67-й армии прошли за день 10—12 километров, а соединение генерал-майора Б.А. Рождественского, наступающее вдоль побережья Рижского залива, — лишь 5—8 километров.

Об успехах нашего левого соседа я услышал по радио. В тот вечер был передан приказ Верховного Главнокомандующего генералу армии Баграмяну. В нем говорилось, что войска 1-го

Прибалтийского фронта при содействии 3-го Белорусского преодолели сильно укрепленную оборону противника и за четыре дня наступательных боев продвинулись на 100 километров, расширив прорыв до 280 километров. В ходе наступления освободили свыше двух тысяч населенных пунктов. В ознаменование одержанной победы Москва салютовала 20 залпами из 224 орудий.

У нас в это время многие соединения совершали марши к Даугаве. Переправа 42-й и 10-й гвардейских армий производилась сразу в пяти пунктах. Войска преодолевали реку на понтонах, паромах и иных подручных средствах. Танки и тяжелая артиллерия пошли по постоянному яунелгавскому мосту.

В тот день вечером к нам приехал Л.А. Говоров. После беседы с А.И. Еременко, на которой я не присутствовал, он вызвал меня.

Осунувшийся, угрюмый, с нездоровым видом, Говоров сидел на табурете и раздраженно говорил:

— В сто раз лучше командовать фронтом, чем быть представителем Ставки! И Верховный недоволен и командования фронтов тоже… Я даже заболел. Замучили головные боли.

Он потер ладонью виски, вынул из нагрудного кармана коробочку с таблетками, кинул одну в рот, запил водой.

Я повел речь о последнем решении Ставки:

— Перебрасывать нас влево надо было раньше, а не теперь, когда мы уже у Риги. Тогда не было бы такой нервной обстановки.

Говоров тяжело вздохнул, проговорил устало:

— Эх, Леонид Михайлович! Будь моя воля, то все ваши армии, включая первую ударную и танковый корпус соседей, были бы сосредоточены юго-западнее Елгавы уже к шестому — седьмому октября. Конечно, вам досадно, что 2-й Прибалтийский фронт, нацеленный на Ригу и прошедший с боями несколько сот километров, вдруг должен свернуть в сторону. И уж еще обиднее бойцам латышского корпуса уходить от своей столицы. Но это в общих интересах.

Он помолчал, что-то обдумывая, потом сказал:

— Конечно, можно бы вашу двадцать вторую армию с латышским корпусом оставить на месте, чтобы наступали на Ригу с востока вместе с 3-м Прибалтийским. Я так и предлагал. И Антонов согласился вначале со мной.

— Так в чем же дело? Говоров усмехнулся:

— Все зависит от Сталина. А он, к сожалению, совсем перестал считаться с чьим бы то ни было мнением. Ну а если неудача — виноват исполнитель. Значит, бездарен, ни к чему не способен, и его заменяют.

Я смотрел на усталое лицо Говорова и, признаться, немного удивился откровенности, с которой он высказывался. В ту пору если кто и думал так, то предпочитал об этом не говорить вслух. А Леонид Александрович говорил.

Ординарец принес маршалу стакан чаю. Говоров отпил несколько глотков, присел к столу, застегнул верхние пуговицы кителя и перешел на официальный тон.

— Надо, чтобы уже завтра к вечеру десятая гвардейская армия развернула наступление вдоль левого берега Даугавы.

— А кто сменит еще не вышедшие из боя войска?

— Сорок вторую армию девятого утром — корпус пятьдесят четвертой, а полосу десятой гвардейской примет 122-й стрелковый корпус. Он теперь будет входить в состав первой ударной.

— А не возвратят ли эту армию опять нам?

— Нет, — разочаровал меня Говоров. — До освобождения Риги она остается в 3-м Прибалтийском…»{239}

Удивительное признание Говорова. Что это — усталость, «декабристские» настроения, бунт против Верховного — правда, еще скрытый, или что-то еще? Думается, к концу войны генералитет Советской армии понимал и особо не скрывал свое отношение к полководческим способностям Верховного. Конечно, все недовольства не выходили далее землянок, узкого круга близких по службе людей, причем — круга старших офицеров. Говоров, при всей своей лояльности не выделялся среди остальных, его профессионализм явно превалировал над сталинскими амбициями. Был ли он прав? Несомненно! Но стоило ли быть столь откровенным? Это на совести и силе духа самого Говорова.

А война тем временем продолжалась.

Войска 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов в ночь с 5 на 6 октября вновь двинули в наступление на Ригу, к 10 октября советские войска вышли к внешнему оборонительному кольцу вокруг Риги. 12 октября завязались бои за город. «Сама Рига в эти дни представляет собой картину умирающего города. Транспорт парализован, конторы и магазины закрыты. Население готовится к бегству или с апатией ожидает дальнейшей участи. Дома и кирхи пылают. Голодный скот дохнет прямо на улицах… В конце сентября — начале октября по городу прокатывается вал обозов и отступающих войск, перемешанных с беженцами — эстонцами и латышами. По большому мосту через Даугаву катят подводы и грузовики, тяжело шагают мужчины, женщины и дети и тянут за собой мычащий и хрюкающий скот. Проливной дождь и небо в клочьях разорванных облаков»{240}.

13 октября войска 3-го Прибалтийского фронта выбили противника из правобережной части города, а 15 октября войска 2-го Прибалтийского фронта — левобережной. Но борьба за Ригу на этом не окончилась, противник пытался контратаковать.

16 октября войска 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов вели наступление в направлениях Тукумс и Салдус, 39-я армия 3-го Белорусского фронта к 22 октября отбросила врага за реку Неман от Тильзита до Юрбурга. Группа армий «Север» оказалась отрезанной от группы армий «Центр* и вынуждена начать отход от Риги на Курляндский полуостров. К 31 октября они достигли рубежа: западнее Кемери, Лецкава, южнее Лиепая{241}.

* * *

И вновь — Моонзунд.

18 ноября, после артиллерийской и авиационной подготовки, советским войскам удалось прорвать оборону противника на полуострове Сырве (юго-западный выступ острова Эзель). Советская пехота, поддержанная танками и САУ, стремительно двигалась вперед, сметая на своем пути все малые и большие укрепленные точки вермахта.

Обер-ефрейтор Юнг писал своему другу: «Милый Ганс! Остров для нас стал мышеловкой».

23 ноября начался последний штурм. Главный удар наносился в районе Аде-Генга. К утру 24-го числа на полуострове оставались только разрозненные группы войск противника{242}. На полуострове Сырве были разгромлены 23-я, 218-я и 215-я пехотные дивизии, 531-й и 532-й артиллерийские дивизионы береговой обороны, 583-й охранный батальон и другие. Противник потерял до 7 тысяч человек убитыми и около 700 пленными. Корабли Балтийского флота потопили или повредили около 100 судов противника. Моонзундская десантная операция завершилась.

* * *

Еще в декабре 1943 г. Ставка Верховного Главнокомандования предложила провести операцию по окружению группы армий «Север» западнее Новгорода, с последующим нанесением ударов в районе Нарвы, Тарту, Даугавпилса, все это создавало благоприятные условия для вступления Красной армии в Прибалтику. Но кровопролитные

бои под Новгородом и Великими Луками, в восточных районах Белоруссии не предоставили возможности Генеральному штабу реализовать эти идеи. Лишь нанесение ударов противнику в ходе операций Ленинградского фронта приблизили начало наступательных операций в Прибалтике.

Верховное командование вермахта понимало: с потерей Прибалтики все северное крыло Восточного фронта теряло свое значение в ходе войны, рвалась всякая связь с Финляндией и Швецией. Прекращались поставки никеля и руды в Германию из Скандинавии. Из Берлина пришел категорический приказ: восстановить боеспособность группы армий «Север». Из Германии, Италии и Франции прибывали пополнения. К началу 1944 г. были сформированы две эстонские и две латышские дивизии, тут же брошенные в бой. Всего в группе армий «Север» к весне 1944-го насчитывалось 47 дивизий{243}.

ПОБЕДНЫЙ СОРОК ПЯТЫЙ…

Мы порой очень невнимательны к мемуарам советских военачальников. Конечно, их воспоминания нельзя назвать мемуарами в полном смысле этого слова. Цензурное сито, действовавшее в 1960—1970-е годы, жестко и беспристрастно отсеивало все, что касалось идеологически опасного. (Сейчас об этих «телодвижениях» все уже известно, хотя бы на примере воспоминаний маршала Г.К. Жукова.) Но даже в очень усеченных мемуарах мы найдем десятки страниц, которые расскажут нам гораздо больше о «прелестях» победного марша советских войск в 1945 г., чем реляции того времени, публиковавшиеся в центральной и местной советской печати. То же и документы. Как утверждал один из известных отечественных писателей, «документы лгут, как и очевидцы». Но очевидцы по крайней мере должны сохранить для потомков свое лицо, и потому в мемуары «прорывались» удивительные факты и признания (которые, как правило, при втором и третьем переиздании книги из текста таинственным образом исчезали).

В январе 1945 г. 2-й Прибалтийский фронт принял участие в Восточно-Прусской операции. Естественно, что его командование с одобрения представителя Ставки Верховного Главнокомандования все свое внимание, особенно после взятия Клайпеды, уделяло на взаимодействие с Белорусскими фронтами, выступавшими его соседями.

Через некоторое время, передав 2-му Прибалтийскому 4-ю Ударную армию, оборонявшуюся юго-восточнее Лиепаи, сосед слева (1-й Белорусский фронт) «ушел» из Прибалтики в Восточную Пруссию. В состав 1-го Белорусского фронта была передана 3-я Ударная армия. Генерала Еременко отозвала Ставка. Вместо него в начале февраля во 2-й Прибалтийский прибыл маршал Л.А. Говоров.

Из воспоминаний начальника штаба 2-го Прибалтийского фронта Л.М. Сандалова:

«Общее соотношение сил в Курляндии к тому времени было для нас не совсем благоприятное. И, несмотря на то, что Верховное Главнокомандование было заинтересовано в скорейшей ликвидации вражеской группировки, войск и особенно средств усиления для этого оно нам выделить не могло. Они были нужнее в Восточной Пруссии и Западной Польше. Поэтому боевые действия наших армий носили ограниченный характер».

То на одном, то на другом участке, как и прежде, проводились только частные наступательные операции.

Активность соединений зависела чаще всего от наличия боеприпасов. Как только их накапливалось более или менее достаточно, части и соединения армий фронта предпринимали очередное наступление на неприятеля, который старался зацепиться за каждый бугорок на местности.

Говоров, оставшийся по совместительству и командующим Ленинградским фронтом, часть сил оттуда перебросил в Прибалтику. Однако и эта мера не помогла.

«Говоров очень переживал, когда дела шли не так, как хотелось бы. Может быть, от этого у него резко ухудшилось и без того плохое здоровье. Его постоянно мучили бессонница, сильные головные боли, пошаливало сердце. Кровяное давление нередко подскакивало до двухсот и выше. Как только заходил острый разговор, лицо Говорова начинало заметно дергаться. Генерал армии А.И. Антонов[82] от имени Ставки приказал мне ежедневно в 24 часа переключать все на себя, брать управление войсками в свои руки, чтобы Говоров мог спокойно отдыхать до утра.

Когда я сообщил об этом Леониду Александровичу, он махнул рукой:

— А!.. Если бы можно было отключать… Я от разных дум не могу заснуть»{244}.

29 марта. Говоров получил директиву Ставки, в ней говорилось о расформировании с 1 апреля 1945 г. 2-го Прибалтийского фронта и включении всех его войск и тыловых учреждений в состав Ленинградского фронта{245}.

Из воспоминаний В.М. Ганкевича:

«Маршал Советского Союза Л.А. Говоров не спешил с уничтожением окруженной и прижатой к морю еще очень сильной группы армий “Норд”. Немцы сопротивлялись отчаянно, они понимали, что ждать от победителей милости им не приходится. Добавим к этому: ранняя весна и распутица, сдобренная мокрым снегом, препятствовали проведению крупной и серьезной наступательной операции. Говоров делал ставку на блокаду, и был в этом абсолютно прав: положение почти трехсоттысячной армии вермахта, блокированной с трех сторон советскими войсками, а с четвертой — отрезанной морем, с каждым днем все ухудшалось и ухудшалось. Это и понятно: запасы продовольствия и боеприпасов, медикаментов, топлива у противника все таяли, а пополнять их становилось все труднее и труднее.

В дивизиях окруженной немецкой группировки один за другим издавались приказы о сокращении норм выдачи продовольствия, и, наконец, немецким войскам пришлось самим перейти на паек, чуть превосходивший те 125 граммов, которые

выдавались в блокадном Ленинграде. Роли действительно переменились. Ленинград был освобожден от блокады, зато в блокаду попали армии группы “Норд”.

По данным, полученным штабом фронта, гитлеровцами с 1 марта по 1 мая 1945 года было съедено более 47 тысяч строевых лошадей.

С каждым днем становилось все более очевидным, что война нацистской Германией проиграна. Потерпели крах и все расчеты командования вермахта, связанные с группой армий “Норд”. “Удалось” лишь одно — оттянуть на себя значительную советскую группировку, группировку, которой так не хватало в Центральной Германии, в период боев за Берлин.

Когда штурм Ленинграда провалился, Гитлер немедленно сместил с поста командующего группой армий “Норд” фельдмаршала фон Лееба. Вскоре после разгрома гитлеровцев под Ленинградом был отстранен от командования фельдмаршал Кюхлер. Такая же участь постигла и фельдмаршала Шернера[83], едва лишь советские войска освободили Латвию и Эстонию. Наконец, когда армии группы “Норд” оказались блокированными, Гитлер сместил генерал-полковника Рандулича и командующим группой назначил генерала пехоты Гильперта[84].

Гильперт считался одним из самых преданных Гитлеру немецких генералов. В войсках группы “Норд” он командовал корпусом и долгое время 16-й армией. В начале 1943 года Гильперт командовал группировкой немецких войск в районе Синявина. Хотя нашим войскам и удалось тогда прорвать блокаду, неприятель удержал Синявинское плато, имевшее большое значение для судеб всей группировки немецко-фашистских войск под Ленинградом. За это Гильперт получил награду и повышение в чине.

Начальником штаба окруженной в Курляндии группы армий “Норд” был генерал-лейтенант Ферч, ранее занимавший тот же пост в 18-й армии. Он, как и другие гитлеровские генералы этой группы, запятнал свое имя варварскими обстрелами Ленинграда, разрушением всемирно-исторических памятников в Пушкине, Петродворце, Павловске, опустошением многих городов и населенных пунктов Ленинградской области, истреблением мирного населения.

Гильперт и Ферч поддерживали непрерывную радиосвязь со ставкой Гитлера, все еще рассчитывая на благоприятное изменение обстановки. Но сообщения из Берлина становились все мрачнее».

Уже в начале марта 1945-го участились случаи перехода на советскую сторону отдельных солдат и офицеров вермахта. 15

марта маршал Говоров издает специальный приказ № 24 «Об отношении к капитулирующим немецким частям и к немецким военнопленным», который многократно передавался через мощные радиодинамики, установленные вблизи переднего края противника. Листовки с текстом приказа забрасывались в расположение немецких войск советскими самолетами.

Однако курляндская группировка противника не сдавалась, продолжая оказывать сопротивление. Говоров, исподволь, заканчивал сосредоточение войск Ленинградского фронта для последнего решающего удара. Командующий фронтом старался предотвратить ненужные жертвы, он полагал, что прижатые к морю войска капитулируют не сегодня завтра. Все устали за четыре года войны, и Говоров не был исключением. В своей рабочей комнате в деревянном домике местечка Мажейкяй Леонид Александрович составил последний документ «его войны» на Ленинградском фронте — ультиматум командному составу всех частей и соединений блокированной группировки вермахта.

Утром 7 мая ультиматум маршала Говорова был передан по радио на волне радиостанции командующего немецкими войсками в Курляндии и несколько раз повторялся на волне радиостанций командующих 16-й и 18-й армиями противника.

Гильперту и командующим немецкими армиями на размышление давалось 24 часа, в случае отказа советские войска переходили в наступление.

В штабе нашего фронта в Мажейкяе и в войсках наступило напряженное ожидание. Примет ли противник говоровский ультиматум? Прольется ли новая кровь? Или…

Независимо от этого наши войска готовились к решительному наступлению.

Одновременно маршал Говоров потребовал от подчиненных детальной разработки инструкции о порядке капитуляции и разоружения войск противника, его генеральского и офицерского состава. Задача состояла в том, чтобы этот порядок знали войска Ленинградского фронта. Разоружать предстояло группировку, насчитывавшую 300 тысяч человек.

«У нас был горький опыт отступлений. Да, первые дни войны советские войска отступали по правилам и без правил. Вопреки “правилам”, мы выдержали тяжелую 900-дневную блокаду. Пришла пора — погнали врага с ленинградской земли по всем правилам. Но, получив задание командующего фронтом, мы слегка смутились, так как не знали этих международных правил капитуляции и разоружения войск и штабов противника. Такого опыта ленинградцы не имели.

Мы позвонили из Мажейкяя в Москву, искали нужные ответы

во всевозможных справочниках и уставах и, наконец, подготовили инструкцию, которую утвердил маршал Говоров.

Километрах в двух-трех от Мажейкяя нашли небольшую деревушку Близость фронта и недавние бои привели к тому, что гражданского населения в ней не осталось. Теперь ее решили приспособить под лагерь для генералитета группы “Норд”. Ночью здесь появились саперные подразделения, тягачи; сюда срочно подвезли строительный материал, колючую проволоку. Деревушку обносили надежным забором.

Срок ультиматума истекал — ответа не было. На огромном протяжении фронта тысячи орудийных стволов замерли, нацеленные на врага. С минуты на минуту ждали приказа о переходе в решительное наступление. Я видел готовность солдат вступить в последний бой и покончить с противником. А в это время в пяти километрах от города Кулдига, в Пелчи, Гильперт совещался в кругу своих генералов: принимать или отвергнуть ультиматум маршала Говорова?»

Время тянулось медленно, казалось, сутки никак не окончатся. В Мажейкяе во главе с маршалом Говоровым заседал Военный совет Ленинградского фронта. И чем меньше времени оставалось до истечения ультиматума, тем беспокойнее становилось ожидание военного руководства. «Многие сидели молча, другие не могли усидеть на месте и ходили, каждый думал об одном».

Было 6 часов 55 минут утра 8 мая. Пошли последние минуты ультиматума. Маршал Говоров решил начать наступление. И в эту минуту в комнату дежурного оперативного отдела штаба фронта вбежал офицер отдела связи. В руке у него был бланк радиограммы штаба группы “Курляндия”.

“Главнокомандующему 2-м Прибалтийским фронтом.

Всеобщая капитуляция принята. Устанавливаю связь и спрашиваю, на какой волне возможна связь с командованием фронта. Наши волны 3050 и 2175 (98,3 и 137,9 метра).

Главнокомандующий войсками группы “Курляндия” Гильперт — генерал пехоты”.

Радиограмму немедленно вручили маршалу Говорову.

Радиостанция штаба Гильперта продолжала тревожно запрашивать штаб Ленинградского фронта: “Являетесь ли Вы радиостанцией главнокомандующего 2-м Прибалтийским фронтом?”

Гильперт не случайно запрашивал об этом. Он отлично знал, что Говоров командовал войсками, оборонявшими Ленинград. Он и все генералы группы “Норд” опасались, что перед ними стоят войска не Прибалтийского, а Ленинградского фронта. Никак не

входило в планы Гильперта и его сообщников капитулировать перед ленинградцами. Они понимали, что за варварские разрушения Ленинграда, его дворцов в пригородах, за бессмысленное истребление ни в чем не повинных людей придется отвечать, и отвечать по большому счету.

Но наш радист спокойно подтверждал: “Да, я радиостанция командующего 2-м Прибалтийским фронтом”.

Последовал ответ Гильперта, именовавшего себя командующим войсками группы “Курляндия”:

“Господину маршалу Говорову.

Подтверждаю прием Вашей радиограммы. Я приказал прекратить враждебные действия в 14.00 по немецкому времени. Войска, на которые распространяется приказ, выставят белые флаги.

Уполномоченный офицер находится в пути по дороге Скундра — Шомпали.

Гильперт — генерал пехоты”».

На дороге между Скундра — Шомпали и поселком Эзере, где должна была состояться встреча представителей Ленинградского фронта и группы «Курляндия», все оставалось по-старому. За час до встречи с парламентерами противника на узком участке фронта советские саперы срочно разминировали проходы. Орудия и пулеметы грозно молчали, но стволы никто зачехлять не спешил. Мало ли как могла развернуться ситуация: может, у Гильперта свои, очень скрытые планы?

Со стороны немецких позиций в направлении поселка Эзере медленно шла открытая легковая машина с высоко поднятым белым флагом. Кроме шофера, в ней сидели генерал и два штабных офицера. На переднем крае парламентеров встретили представители штаба Ленинградского фронта. Высокий худощавый немецкий генерал и его офицеры оставили машину и дальше пошли пешком.

«Принять капитуляцию был уполномочен начальник штаба Ленинградского фронта генерал-полковник М.М. Попов. Маркиан Михайлович стоял у домика в окружении нескольких генералов и старших офицеров и с усмешкой смотрел на приближающихся парламентеров.

— Генерал-майор Раузер — уполномоченный главнокомандующего группой армий “Курляндия” для подписания условий капитуляции перед главнокомандующим Вторым Прибалтийским фронтом, — отдавая честь, произнес на ломаном русском языке немецкий генерал.

Одновременно козырнули два сопровождавших его подполковника.

— Генерал-полковник Попов — уполномоченный маршала Говорова, командующего войсками Ленинградского фронта, — просто ответил Маркиан Михайлович.

С большим интересом мы наблюдали за выражением лица Раузера. Гитлеровский генерал, начальник тыла группы армий, вдруг занервничал и с тревогой спросил:

— Войсками какого фронта командует господин маршал Говоров?

— Маршал Говоров, — ответил Маркиан Михайлович, — командует войсками Ленинградского фронта.

В церемонии встречи произошла непредвиденная заминка. Генерал Раузер опешил. Все еще держа в левой руке документ, он посмотрел по сторонам и быстро заговорил по-немецки со своим офицером. Потом он круто обернулся и, щелкнув каблуками, вручил генерал-полковнику Попову свое удостоверение.

Там говорилось:

“Уполномочиваю генерал-майора Раузера, подполковника Лизонга, подполковника Кона подписать безусловную и безоговорочную капитуляцию группы армий “Курляндия” перед маршалом Говоровым — главнокомандующим 2-м Прибалтийским фронтом. Генерал пехоты — Гильперт”.

На бланке главнокомандующего группой армий “Курляндия” стояла печать группы “Норд”.

Снова взаимный обмен воинскими приветствиями. Лицо Раузера немного светлеет. Он явно доволен встречей. Маркиан Михайлович приглашает парламентеров к столу.

— Ваш командующий, — говорит Маркиан Михайлович, — избрал правильный путь. Он сохранил жизни сотням тысяч ваших соотечественников!

Наш офицер сразу же переводит эти слова немецкому генералу. Раузер козыряет и садится за стол.

Понемногу парламентеров оставляет прежняя холодность и настороженность, а первые рюмки водки развязывают им языки. После банальных слов о широкой известности русской водки они высказывают особое удовлетворение по поводу тишины, установившейся над полями сражения.

Маркиан Михайлович согласно кивает головой и тут же добавляет:

— Но ведь если бы Германия не напала на СССР, наши и ваши поля не были бы окутаны дымом войны ни на одну минуту!

Раузер подал Маркиану Михайловичу конверт:

— Вот личное послание генерала Гильперта маршалу Говорову.

Гильперт писал:

“Многоуважаемый господин маршал!

Настоящим письмом, переданным Вам через моего уполномоченного офицера, я заверяю Вас, что группа армий “Курляндия”, находящаяся под моим командованием, готова принять Ваши условия капитуляции и лояльно их выполнить. При Вашем решении прошу Вас, господин маршал, оценить сохранившуюся до последней минуты храбрость моих войск и предоставить им возможность свободно и честно возвратиться в Германию с сохранением личного оружия.

Если Вы, господин маршал, не можете удовлетворить мою просьбу, то я прошу Вас доложить ее Верховному главнокомандующему…

С выражением глубочайшего внимания генерал пехоты Гильперт.

8 мая 1945 года”».

Бесспорно, Раузер действовал по инструкции Гильперта. Вручив письмо, он также заговорил об условиях капитуляции: не считать капитулирующие войска военнопленными и даже дать им возможность беспрепятственно вернуться в Германию с сохранением личного оружия. Для советского командования данные условия были просто неприемлемы, они могли согласиться только на полную и безоговорочную капитуляцию.

«Потребовалось разъяснение: если не будут выполнены условия капитуляции, изложенные маршалом Говоровым, войска Ленинградского фронта немедленно применят силу…

Это разъяснение подействовало.

Генерал Раузер и прибывшие с ним офицеры подписали условия капитуляции.

— Какова численность войск группы армий “Курляндия”? — спросил генерал Попов.

— Сто восемьдесят тысяч сто тридцать четыре солдата и офицера, — ответил Раузер, и представил документ, подписанный начальником штаба группы генерал-лейтенантом Ферчем.

Указанная численность войск противника явно не соответствовала истине: по нашим данным, в блокированной группе армий насчитывалось около 300 тысяч солдат и офицеров. А в документе Ферча эта цифра была уменьшена почти наполовину. С какой целью?

Впрочем, мы знали, что все неясное вскоре прояснится. То, что парламентеры не спешили возвращаться к Гильперту, давало нам основания предполагать: Гильперт затевает какую-то авантюру! Пока не вернулись парламентеры, руки у него были свободны. А чтобы показать свою заинтересованность в скорейшем возвращении парламентеров, он даже запросил

маршала Говорова:

“Прошу сообщить, когда можно рассчитывать на возвращение немецких парламентеров к месту перехода переднего края.

Генерал пехоты Гильперт”.

Ему ответили:

“Ваши представители выехали в 22.30 по немецкому времени”».

* * *

8 мая войска Ленинградского фронта освободили город Либаву (Лиепаю). Капитулировали войска группы армий «Курляндия», группировки противника на косе Фрише-Нерунг (Земландский полуостров) и в районе устья реки Вислы.

* * *

Из воспоминаний В.М. Ганкевича:

«…Стоял прекрасный солнечный день 8 мая. Кругом царила весна. Даже на брустверах траншей желтели первые цветы.

Время близилось к 14 часам. Оставались считанные минуты до прекращения огня, батареи давали последние залпы по врагу. Казалось, дело идет не к концу войны, а начинается новое сражение.

На трофейном “мерседесе” я и офицер для особых поручений маршала Говорова полковник А.В. Романов ехали из района подписания капитуляции в Мажейкяй с письмом Гильперта к командующему фронтом.

Неподалеку от домика, где размещался Военный совет фронта, мы увидели маршала Говорова и назначенного вместо оставшегося в Ленинграде А.А. Кузнецова члена Военного совета генерал-лейтенанта В.Н. Богаткина[85]. Маршал взглянул на часы… И вдруг наступила тишина.

Огонь прекратили советские и немецкие орудия одновременно. Мы посмотрели на маршала. Он улыбнулся. Первый раз мы увидели улыбку на лице своего командующего. Первый раз за все время войны!

Когда Гильперт сообщил маршалу Говорову о принятии им безусловной и безоговорочной капитуляции, он двурушничал. Большую часть своих войск, наиболее удаленную от линии фронта, он пытался быстро оттянуть в порты Лиепая и Вентспилс и, погрузив их на транспорты, отправить в глубинные порты

Германии. Именно поэтому в документах, представленных маршалу Говорову, фигурировала цифра «180 134 солдата и офицера». Свыше 100 тысяч человек Гильперт думал «спасти». Его не смущала перспектива потерять эти войска в море, где бдительно несли вахту подводные лодки, торпедные катера и авиация Краснознаменного Балтийского флота.

Сообщения об отводе 16-й и 18-й армий в сторону Лиепаи и Вентспилса маршал Говоров получил от нашей воздушной разведки незадолго до прибытия немецких парламентеров к поселку Эзере. Говоров был совершенно невозмутим, когда ему сказали о необычно малой численности капитулирующих войск.

— Вот что… — подумав, сказал он генералу Гвоздкову — Нам нужно срочно создать подвижные группы войск. Сразу на нескольких направлениях…

Зачем, для чего — об этом маршал не сказал ни одного слова. Но Александр Владимирович Гвоздков сразу понял его замысел.

8 мая в 14 часов, когда вступили в силу условия капитуляции, наши подвижные войска устремились вперед.

Гильперт понял, зачем Говорову понадобились подвижные группы. Едва лишь наши соединения перекрыли дороги к портам Лиепая и Вентспилс, он радировал:

“Господину маршалу Говорову.

Я приказал уже в 14.00 прекратить военные действия и выставить белые флаги. Из-за недоразумения возникли непредвиденные препятствия… В целях организованной сдачи войск прошу дать указание Вашим войскам, перешедшим линию фронта, не нарушать систему связи и снабжения. Прошу сообщить, какие цели и задачи имеют Ваши части, перешедшие линию фронта, с тем, чтобы я заранее мог предотвратить возможные трения.

Командующий группы армий “Курляндия” Гильперт — генерал пехоты”.

Разумеется, никто не стал разъяснять Гильперту задачи, поставленные нашим командованием перед подвижными группами войск.

Неорганизованную сдачу в плен небольших групп солдат и офицеров противника удалось быстро приостановить. На ряде участков обороны противник не выставлял белых флагов. Когда наши части приближались к переднему краю, гитлеровцы открывали огонь. Но подвижные группы уже перерезали пути отхода главных сил немцев. Скоро ни Гильперт, ни Ферч, ни штаб 16-й и 18-й армий не могли контролировать свои войска.

8 мая в 22 часа 26 минут маршал Говоров радировал командующему группой армий “Курляндия”:

“1. Я приказал на всех участках, где выставлены белые флаги, военные действия прекратить.

На участках, где Вашими войсками военные действия не прекращены, белые флаги не вывешены, мои войска будут продолжать военные действия.

2. Предлагаю немедленно отдать распоряжение всем Вашим частям и соединениям оставаться в тех пунктах и районах, где они находятся в настоящее время. К 23.00 по Московскому времени 8 мая 1945 года на всем фронте прекратить всякие военные действия и вывесить белые флаги”.

Под этой радиограммой маршала Говорова впервые стояла подпись с указанием должности — командующий войсками Ленинградского фронта.

Едва лишь противнику стало известно, что его армии капитулировали перед войсками Ленинградского фронта, гитлеровцев охватила паника. Некоторые офицеры и генералы кончали самоубийством. Солдаты бросали оружие, разбегались по лесам, прятались, где только возможно. Это подтверждалось радиограммой Гильперта маршалу Говорову:

“Господину маршалу Говорову.

Вследствие возникновения после полудня 8 мая 1945 года боевой обстановки, условия капитуляции в установленной форме, особенно в полосе 18-й армии, несмотря на наше большое желание, частично не могут быть проведены.

Я предпринял все, чтобы восстановить положение, соответствующее условиям капитуляции… Могу уверить, что дело касается некоторых явлений паники, которые не распространяются на войска всей группировки”.

Это была последняя радиограмма Гильперта.

В 10 часов 40 минут 9 мая 1945 года в Пелчи, где размещался штаб группы армий “Курляндия”, вступили передовые части Ленинградского фронта.

Штаб-квартира командующего группой армий противника помещалась в уединенном старинном имении. Многолетние деревья с развесистыми кронами окружали небольшое красивое здание. Рядом был блиндаж Гильперта. В просторном кабинете здесь висел большой портрет Гитлера, вероятно, напоминавший фавориту фюрера об утраченных надеждах покорения России.

План “Барбаросса” провалился. Парад на Дворцовой площади не состоялся, как и банкет в “Астории”, намеченный командованием группы армий “Норд”.

Открылась дверь. В блиндаж генерала пехоты Гильперта вошли офицеры штаба Ленинградского фронта. Гильперт встал из-за письменного стола. Лицо его побледнело. Он пристально

посмотрел на нас, несколько секунд постоял, опершись рукой о стол, и, не проронив ни слова, сдал свой пистолет, набросил на плечи шинель и вышел из блиндажа.

В районе Мажейкяя, куда под конвоем доставили Гильперта и других интернированных генералов, их ждала менее благоустроенная резиденция, окруженная притом несколькими рядами колючей проволоки.

Ошеломленный и подавленный Гильперт тупо смотрел себе под ноги. Может быть, он ожидал каких-то иных, более торжественных церемоний? Но каждый из нас понимал, что по-иному нельзя относиться к людям, руки которых обагрены кровью многих тысяч ленинградцев.

Поверженный враг стремился замести следы своих чудовищных преступлений. Еще 7 мая Гильперт приказал уничтожить все боевые приказы, журналы боевых действий, разведывательную документацию, секретные предписания и т.д., хотя по условиям капитуляции они подлежали передаче советскому командованию.

В штабах капитулировавшей группировки оставались лишь сведения о численном составе войск, вооружении, планы минных полей и боевой подготовки частей.

Паника, возникшая в войсках немецкой группировки, продолжалась. Многие части и соединения во главе со своими офицерами разбегались по лесам, бросая оружие.

Осложнялось не только пленение войск, но и изъятие необходимых документов».

* * *

10 мая в Пелчи состоялась встреча начальника штаба Ленинградского фронта генерал-полковника М.М. Попова с бывшим начальником штаба немецкой группы войск «Курляндия» генерал-лейтенантом Ферчем. Это был очень умный и рассудительный противник. С его задатками талантливого полководца Говоров познакомился еще под Москвой, а сейчас — в Прибалтике — Ферч готов был продолжать борьбу. Это читалось в его взгляде. Но времена изменились… О падении столицы Германского рейха знали все: и по ту, и по другую сторону фронта.

«Во время неофициального разговора М.М. Попов поинтересовался самочувствием Ферча.

— Я морально подавлен и совершенно убит, — ответил Ферч. — Берлин пал. Что будет с нами, не знаю. Не знаю, есть ли у меня

еще дом, семья.

— Вы помните, что Бисмарк не раз предупреждал немцев: не ходите на Россию.

— Прекрасно помню!

— И что же? Зачем пошли и на этот раз?

Ферч явно нервничал — ответил уже хорошо знакомой нам формулой:

— Во всем виноват Гитлер!

— Расстанетесь вы теперь, наконец, с мыслью о «жизненном» пространстве на Востоке?

— О, разумеется! — воскликнул Ферч. — Не только себе, но даже и детям своим мы, немцы, запретим думать о походах на Россию…»

Неофициальная беседа М.М. Попова с Ферчем закончилась очень быстро. «Согласно условиям капитуляции генерал-лейтенант Ферч передал советскому командованию документы штаба, а затем вместе с другими немецкими генералами, занимавшими руководящее положение в группе армий “Курляндия” (“Норд”), поселился в лагере для военнопленных. 45 генералов нашли “Курляндии” свое пристанище за колючей проволокой близ местечка Мажейкяй. Среди них генералы пехоты Гильперт и Беге, генералы артиллерии Герцог и Томашке, генерал-лейтенанты Фолькамер и Гаузе, а также целый ряд других».

А тем временем разоружение войск противника продолжалось. Командиры частей и соединений Ленинградского фронта доносили о все новых дивизиях, полках, артиллерийских группах врага, и даже об отдельных батальонах и ротах, сложивших оружие.

Численность пленных немецких солдат и офицеров с каждым часом возрастала.

«По документам, изъятым в Пелчи из штаба группы армий “Курляндия”, удалось установить, что в блокированной группировке ко дню капитуляции насчитывалось 282 500 солдат и офицеров, т.е. на 100 тысяч с лишним больше, чем указал Гильперт в документе, выданном своему парламентеру Раузеру».

К 14 мая количество пленных достигло 231 611 человек.

Но более пятидесяти тысяч немецких солдат и офицеров, кто с оружием, кто — без, несколько дней скрывались в лесах блокированной зоны, пока, наконец, не были вновь блокированы советскими частями. Далеко не все готовы были сложить оружие, а потому то там, то здесь вспыхивали перестрелки.

Советским войскам достались немалые трофеи: 436 танков, 1722 орудия, 5258 пулеметов, 77 709 винтовок и автоматов, 9000

автомашин, 136 самолетов, 4777 железнодорожных вагонов, 88 паровозов, 565 радиостанций и т.д.

Из 176 тысяч винтовок и автоматов, числившихся по документам, при разоружении было сдано меньше половины. Свыше 95 тысяч винтовок и автоматов немецкие солдаты побросали, где попало. Позже практически все оружие наши части собрали при повторном сплошном прочесывании территории: «Деморализованные войска бросали не только винтовки и автоматы, но даже целые орудийные и минометные батареи».

…По дорогам в сторону Риги нескончаемым потоком шли пленные. Серые от грязи мундиры, такие же серые лица… Все, и для них война была закончена…

«Из окон штабного домика я наблюдал этот последний марш поверженной армии. А в это время маршал Говоров в своем кабинете допрашивал бывшего командующего 16-й армией генерал-лейтенанта Фолькамера, солдаты которого плелись мимо окон.

Маршал хотел уточнить некоторые факты действия командования немецких войск уже после принятия условий капитуляции».

Поскольку сохранилась стенограмма этого небезынтересного допроса, состоявшегося 11 мая 1945 г., мы приводим ее почти целиком.

* * *

«Говоров. Я хочу уточнить некоторые вопросы по составу вашей армии. В состав ее входили: 16-й, 6-й, 38-й армейские корпуса?

Фолькамер. Так точно.

Говоров. Почему 6-й армейский корпус носит наименование “СС”?

Фолькамер. Историю этого корпуса я не знаю. Когда я его принял, его уже так называли. Я знаю, что в состав этого корпуса входила 19-я латышская дивизия СС, и что им командовал генерал войск СС. С каких пор существует это название, я не знаю. Я принял командование три недели тому назад, 12 апреля.

Говоров. 300-я пехотная дивизия имела постоянный состав войск или это был штаб, объединяющий различные части?

Фолькамер. 300-я дивизия была штабом особого назначения.

Говоров. Входили ли части 201-й и 207-й пехотной дивизии в состав 16-й армии?

Фолькамер. До моего вступления на должность

командующего армией эти дивизии были подчинены 16-й армии и выполняли задачу охраны побережья. Кроме того, отдельные части и подразделения этих дивизий использовались время от времени в районах активных действий. К моменту моего прихода в армию штабы этих дивизий частично расформировывались, состав штабных офицеров постепенно направлялся в различные служебные инстанции.

Говоров. Не припомнит ли генерал общий численный состав своей армии?

Фолькамер. Цифры своих войск я сейчас доложить не могу, так как я их не старался запомнить. У меня есть помощники, которые в нужный момент докладывали мне эти цифры. Цифры, которые я имел последнее время для работы, я передал русскому полковнику, фамилии которого не знаю.

Говоров. Какие химические войска входили в состав вашей армии?

Фолькамер. В последнее время у меня их не было. До моего прихода в состав армии входили подразделения минометного полка, но они, собственно, химическими не являлись.

Говоров. Какие подразделения штурмовых орудий входили в состав армии?

Фолькамер. Во-первых, роты штурмовых орудий в составе дивизионов противотанковой обороны дивизии.

Говоров. Все ли дивизии имели эти роты штурмовых орудий?

Фолькамер. 300-я пехотная дивизия, во всяком случае, не имела. 19-я латышская пехотная дивизия СС их, по-видимому, также не имела, так как я об этом никогда не слышал. 205-я, 218-я, 24-я и 329-я пехотные дивизии имели. Сведения о количестве штурмовых орудий уже вручены вашим представителям.

Говоров. Когда генерал получил приказ на отход?

Фолькамер. Примерно 3 мая.

Говоров. Что было выведено 3 мая из первой линии?

Фолькамер. Первый день я не могу точно вспомнить, у меня перепутались в памяти дни. Насколько припоминаю, в первый день отошли на линию прикрытия артиллерийских позиций.

Говоров. Какие задачи стояли перед армией при отходе?

Фолькамер. Армия должна была отходить на рубеж “зеелиние”[86], а затем большая часть армии должна была отходить по направлению к Либаве, меньшая часть — к Виндаве.

Говоров. Получив этот приказ, генерал надеялся, что ему удастся эвакуировать войска из Курляндии?

Фолькамер. Я должен был попытаться это сделать, хотя было ясно, что значительную часть войск пришлось бы оставить в Курляндии. Но я здесь хочу заметить, что в приказах еще не было

речи об эвакуации. Был приказ только отойти на намеченные позиции.

Говоров. А каковы были цели отхода: сократить линию фронта или вывести войска из первой линии?

Фолькамер. Основная задача — высвободить силы и передать их.

Говоров. Какие силы вы должны были передать из состава армии, какие дивизии?

Фолькамер. Точного плана передачи составлено не было. Передаче подлежали части, находившиеся в резерве. Тылы должны были быть также направлены в порты.

Генерал-полковник Попов. Какие опасения были у генерала за тылы своей армии? Как охранялось побережье?

Фолькамер. Система обороны побережья оставалась в таком виде, в каком я ее принял. Мне известно, что на побережье стояли стационарные батареи береговой обороны, которые были усилены пушками калибра 75 и 200 миллиметров.

Говоров. Что вам было известно о противостоящих советских войсках, их составе и намерениях?

Фолькамер. Начнем с побережья. Сначала шли охранные части, затем войска 1-й-Ударной армии, далее 42-я армия и, вероятно, 10-я гвардейская армия. Мы ожидали активных действий на участке 10-й гвардейской армии в середине апреля. Эта армия должна была наступать в направлении Салдус. Однако наблюдавшееся скопление войск было рассредоточено, и началась переброска войск на участок по обе стороны реки Абава. Отсюда мы делали вывод, что направление главного удара перенесено на участок по обе стороны реки Абава и наступление начнется в направлении Кандава — Виндава. Мы также предполагали возможность сковывающего удара в направлении Салдус и действия с моря. Но главный удар ожидался на участке по обеим сторонам реки Абава.

Говоров. Какой план обороны имел генерал?

Фолькамер. Мне не совсем ясно, что господин маршал понимает под планом обороны.

Говоров. Группировку войск. Что было в первом эшелоне и что во втором.

Фолькамер. Я сосредоточил имевшиеся в моем распоряжении силы на участках предполагаемого главного удара Штурмовые орудия я также передал на усиление дивизий, находившихся на этих участках. Я сократил участки некоторых дивизий за счет расширения участков соседних дивизий. Свободных резервов у меня не было.

Говоров. Какие задачи ставились перед 12-й танковой

дивизией и мотобригадой “Курляндия”?

Фолькамер. Прежде всего, насколько мне известно, бригада “Курляндия” состояла из разведывательных отрядов 12-й и 14-й танковых дивизий. Эти подразделения я сосредоточил в тылу дивизий, находившихся в направлении предполагаемого главного удара. 12-ю танковую дивизию я оттянул дальше в тыл, за исключением 5-й мотобригады, которую оставил отдельными группами на линии прикрытия артиллерийских позиций на участке дивизий направления главного удара. 25-я бригада была оттянута дальше в тыл, примерно на левый фланг 16-го корпуса.

Говоров. Имеет ли генерал какие-либо заявления?

Фолькамер. Я не знаю, как понять господина маршала. Позволит ли он мне задать несколько вопросов, касающихся прошлых действий, которые я мог бы сделать на основании моих наблюдений, или этот вопрос мне задан из вежливости?

Говоров. В отношении прошлой деятельности генералу будет передан список вопросов, на которые я попрошу ответить в письменной форме. У меня все. Генерал может идти.

* * *

Часом позже в кабинет маршала Говорова доставили бывшего командующего 18-й армией генерала пехоты Беге[87]. Именно 18-я армия в сентябрьские дни 1941 г. штурмовала Ленинград. Теперь она подошла к бесславному финалу, капитулировала перед войсками Ленинградского фронта.

Беге. Господин маршал, докладываю вам о сдаче 18-й армии.

Говоров. Я хочу уточнить некоторые вопросы о составе вашей армии. В состав армии входили 1-й, 2-й и 10-й корпуса?

Беге. И 50-й корпус. Штаб 50-го корпуса 8 мая был направлен в район Гробиня с задачей организации эвакуации войск через порт Либава.

Говоров. Какие дивизии входили в состав 2-го армейского корпуса?

Беге. В состав 2-го армейского корпуса входили: 290-я пехотная дивизия, 563-я гренадерская, 263-я и 87-я пехотные дивизии. На левом фланге 290-й пехотной дивизии оборонялся 23-й пехотный полк 11-й пехотной дивизии.

Говоров. В состав 10-го корпуса входили 30-я, 121-я пехотные дивизии и группа Гизе?

Беге. Так точно.

Говоров. В состав 1-го корпуса входили 126-я и 132-я пехотные дивизии?

Беге. Так точно.

Говоров. В вашем резерве находилась 14-я танковая дивизия?

Беге. 14-я танковая дивизия находилась в резерве командующего группой армий в районе Гробиня. В тактическом отношении подчинялась командующему группой армий, в хозяйственном — командованию 18-й армии.

Говоров. Теперь у меня есть несколько вопросов в отношении оперативных задач армии. Какую последнюю задачу перед капитуляцией имела ваша армия?

Беге. Сначала держать позиции, потом подготовиться к отходу, который, по-видимому, должен был закончиться транспортировкой войск из Либавы.

Говоров. Когда был получен приказ о подготовке к отходу?

Беге. 7 или 8 мая.

Говоров. До 8 мая перед вами стояла задача жесткой обороны?

Беге. Так точно. Но были уже проведены кое-какие приготовления и мероприятия.

Говоров. Был ли конкретный план по подготовке к отходу?

Беге. Да, мысленно был подготовлен.

Говоров. Откуда предполагалось подать морской транспорт для эвакуации?

Беге. Это не входит в мою компетенцию. Это дело военно-морских сил.

Говоров. Куда предполагалось эвакуировать вашу армию?

Беге. Точно я не был информирован, но имелось в виду Фленсбург или Гольштейн.

Генерал-полковник Попов. Что вам известно о выезде Гильперта к Гитлеру?

Беге. Единственно, что мне было известно в этом отношении, — новый командующий Гильперт выезжал к Гитлеру.

Генерал-полковник Попов. По возвращении от Гитлера были ли какие-нибудь указания со стороны Гильперта по армии?

Беге. Нет.

Говоров. На участке вашей армии какие были оперативные замыслы обороны?

Беге. Занимаемые позиции удерживать во всех случаях.

Говоров. Какие тыловые рубежи были подготовлены?

Беге. Существовала линия прикрытия артиллерийских позиций, существовала линия прикрытия с моря и существовал рубеж, в масштабе всей Курляндской группы армий, на который должны были отойти все войска, при отступлении в направлении Либавы.

Говоров. Какая задача ставилась 14-й танковой дивизии в

ходе обороны?

Беге. 14-я танковая дивизия имела задачу контратаковать противника в случае прорыва его за Вартая.

Говоров. Изложите коротко тактику использования танков и штурмовых орудий в обороне.

Беге. Танковая дивизия всегда должна быть сосредоточена в кулаке. В случае прорыва противника должна контратаковать его, имея боевой порядок углом вперед. На вершине угла — танковый полк, за ним мотополки. Массированным ударом достигается большой эффект. Штурмовые орудия должны в основном поддерживать пехоту из засад и действовать вместе с ударными группами пехоты.

Говоров. Предназначалась ли 14-я танковая дивизия для контрудара или создания бронированного рубежа на участке прорыва?

Беге. Для контрударов.

Говоров. Штурмовые орудия имели в основном задачу истребления наших танков?

Беге. Так точно.

Говоров. Как считает генерал, что в основном помогло вам предотвратить прорыв фронта нашими войсками в феврале после разгрома 126-й, 290-й пехотных дивизий, 12-й артиллерийско-противотанковой дивизии и других?

Беге. Ключ к этому был населенный пункт Прекуле. Длительное удержание его нашими войсками не дало возможности противнику совершать большие передвижения и сковало его маневр.

Говоров. Но ведь Прекуле потом был взят?

Беге. Да.

Говоров. После оставления Прекуле вы рассчитывали в обороне в основном на артиллерийский огонь?

Беге. Да. Основной упор делался на артиллерию.

Говоров. Недостаток в боеприпасах вы испытывали?

Беге. Недостаток в боеприпасах был. Если в первых боях боеприпасов хватало, то в последующих ощущался их недостаток. Во всяком случае, еще на одну битву боеприпасов было достаточно.

Говоров. Нормы питания в последнее время в войсках снижались или нет?

Беге. Да, были снижены нормы хлеба и несколько уменьшена норма мяса.

Говоров. Не помнит ли генерал нормы для передовых и тыловых частей?

Беге. Насколько мне помнится, норма хлеба раньше была для

действующих частей 750 граммов, а в последнее время — 400 граммов.

Говоров. Получала ли ваша армия приказ на отход в направлении Либавы?

Беге. Так точно.

Говоров. Что вы можете сказать о настроениях солдат и офицеров перед капитуляцией?

Беге. Боевой дух офицеров и младших командиров был безупречен. Солдаты в массе также были боеспособны. Но нужно сказать, что из-за сложившегося тяжелого положения Германии, а также в результате хорошо организованной пропаганды русских, усилившейся в последнее время, некоторая часть солдат заколебалась, и число перебежчиков увеличилось.

Говоров. Было ли перед капитуляцией совещание в штабе командующего группой армий по этому вопросу?

Беге. Так точно. Такое совещание было.

Говоров. Какие решения были приняты на этом совещании?

Беге. Были изданы приказы.

Говоров. Когда было совещание?

Беге. 7 мая во второй половине дня.

Говоров. А до 7 мая подымался ли этот вопрос в кругах высшего командного состава?

Беге. 7-го было первое совещание у начальника штаба командующего группой армий.

Говоров. Имеете ли вы какие-либо заявления?

Беге. Я бы хотел, чтобы господин маршал оценил по достоинству храбрость моих войск.

Говоров. В отношении бытовых условий имеются ли у вас какие-либо заявления?

Беге. Нет.

Говоров. Генерал может идти.

* * *

То, о чем не могли рассказать бывшие командующие 16-й и 18-й армиями, выяснилось на допросе Гильперта.

— Когда последний раз генерал встречался с Гитлером? — спросил Говоров.

— 18 апреля.

— О чем шла речь при этой встрече?

— Фюрер принял меня к вечернему докладу. Он предложил объяснить обстановку и изложить свои соображения. В своем докладе я придал важное значение снабжению войск, доложил о

необходимости уменьшения хлебного пайка, просил усилить охрану судов. Фюрер одобрил мои предложения. После этого он сказал, что необходимо по-прежнему удерживать Курляндский фронт и выразил свою благодарность. Он убеждал не рассматривать все происходящее под углом зрения текущего момента и дал понять, что он определенно рассчитывает на благоприятный для Германии поворот текущих событий. Доклад происходил в его подземной штаб-квартире в Берлине»{246}.

Казалось бы, все, победа, И победителей не судят. Но Говоров был требователен к своим подчиненным, и в первую очередь к самому себе. И потому, даже после капитуляции группы армий «Север», Говоров продолжал анализировать ситуацию, пытаясь понять, где и как он, как командующий фронтом, допустил тот или иной промах, ведь группировку вермахта в Прибалтике так и не удалось ликвидировать, она вела бои до самого конца. И даже после 8 мая отдельные группы немецких солдат и офицеров продолжали огрызаться, не желая складывать оружия. Были ли это фанатики, или подавившие свое сознание в шнапсе и решившие «уйти к Одину» с оружием в руках, не сдавшись на милость победителю.

Конечно, Леонид Александрович был человеком трезвого ума и холодного математического расчета. Из самого разговора его с пленными немецкими генералами видно, что он интересуется не «духом» германского воинства, а передвижением частей и соединений, распоряжениями германского командования, смыслом последних, факторами, влияющими на столь самоотверженную оборону.

* * *

31 мая 1945 года за освобождение Прибалтики командующему Ленинградским фронтом Л.А. Говорову была вручена самая ценная награда Советского Союза военного времени — орден Победы (каждый орден общим весом 78 граммов включал в себя 47 граммов платины, 2 грамма золота, 19 граммов серебра, 5 граммов рубинов и 170 бриллиантов общим весом в 16 карат). Всего «Победой» были награждены двенадцать отечественных полководцев, и Говоров стал одним из них{247}.

КАК КОРОТКА НАША ЖИЗНЬ (вместо заключения)
Из приказа № 0139 от 9 июля 1945 года:
«Приказываю:
1. Преобразовать:

1. Ленинградский фронт — в Ленинградский военный округ, в составе: гор. Ленинград, Ленинградской, Новгородской, Псковской областей и Эстонской ССР.

На формирование управления округа обратить полевое управление Ленинградского фронта.

Назначить:

Командующим войсками Ленинградского военного округа — Маршала Советского Союза Говорова Л.А.

Членом военного совета округа генерал-лейтенанта Богаткина В.Н., освободив его от должности члена военного совета 2-го Прибалтийского фронта.

Начальником штаба округа — генерал-лейтенанта Гвоздкова А.В., освободив его от должности начальника оперативного управления штаба Ленинградского фронта.

Управление округа — гор. Ленинград…

Народный комиссар обороны СССР Генералиссимус Советского Союза И. Сталин»[{248}].

Последний аккорд войны… Начинались иные времена, появлялись иные проблемы…. Но настало время и подвести итоги.

* * *

Леонид Александрович Говоров командовал Ленинградским фронтом 36 месяцев. С солдатами и офицерами армий фронта прошел от Ленинграда до холодных вод Балтики и лесов Финляндии. В мае 1945-го можно было подвести некоторые итоги. За «плечами» добрый десяток больших и малых операций, прорыв блокады Ленинграда, освобождение от немецких войск оккупированных северо-западных районов Советского Союза и Прибалтийских республик, на плечах — погоны маршала, на груди — Золотая Звезда Героя Советского Союза и орден Победы, самые высокие знаки воинского отличия.

«Маршал Советского Союза Говоров Леонид Александрович поверхностных решений не предлагал. Из всех советских маршалов он имел самую основательную подготовку. Говоров окончил: Константиновское артиллерийское училище, Артиллерийские курсы усовершенствования комсостава, высшие академические курсы при Военной академии им. Фрунзе, заочный курс Академии им. Фрунзе и Военную академию Генерального штаба. Сам был старшим преподавателем на кафедре тактики артиллерийской академии Красной Армии им. Дзержинского и начальником этой академии. Все это — до войны. Так что в войну

вступил теоретически подкованным. И проявил себя выдающимся полководцем. От присвоения звания генерал-майора артиллерии до Маршала Советского Союза — 4 года и 12 дней. Нет ни одного отрицательного отзыва о нем. Его уважали все — от рядовых солдат до Верховного Главнокомандующего. А проведенные им операции — образец для подражания», — так писал Виктор Суворов, чьи произведения не всегда бесспорны, но с характеристиками которого спорить еще сложней (поскольку они базируются на серьезных источниках){249}.

О чем еще можно мечтать полководцу?

Но были и другие «показатели». Это — число потерь, потерь личного состава Ленинградского фронта.

Всего за 1353 суток существования этого фронта потери советских войск составили: безвозвратные — 467 525 человек (из них 35424 офицеров, 432 101 рядовых и сержантов), санитарные — 1 287 373 (из них 87 104 офицеров, 1 200 269 рядовых и сержантов). Итого — 1 754 898. В 1941 г. общие потери составили 329 530 человек, в 1942-м — 319 384, в 1943-м — 390 794, в 1944-м — 665 827, за четыре месяца 1945 года — 49 363 человека. Суточные потери — 1297 человек. Страшные цифры!{250}

* * *

После окончания войны в жизни Леонида Александровича открылась новая страница: командующий войсками Ленинградского военного округа (июль 1945 — апрель 1946), главный инспектор Сухопутных войск, затем главный инспектор Вооруженных сил — заместитель министра Вооруженных сил СССР (апрель 1946 — июль 1948), с июля 1948 г. — командующий войсками Противовоздушной обороны страны, с мая 1950-го — заместитель военного министра СССР, с июля 1952-го — заместитель военного министра СССР по боевой подготовке армии. В апреле 1953 года назначен главным инспектором Министерства обороны СССР, а в мае 1954-го — главнокомандующий войсками Противовоздушной обороны страны и заместитель министра обороны СССР.

В январе 1948 г. Говоров (в ранге заместителя министра Вооруженных сил СССР он был тогда главным инспектором) возглавил так называемый суд чести, который подверг разбирательству дело четырех адмиралов — Н.Г. Кузнецова, Л.М. Галлера, В.А. Алафузова, Г.А. Степанова[88], по обвинению в незаконной передаче союзникам во время войны секретной документации на парашютную торпеду. Хотя вина адмиралов не

была доказана, все четверо были признаны виновными, и дела на них были переданы в Военную коллегию Верховного суда. 16 января 1948 г. И.В. Сталин утвердил решение суда чести. 2—3 февраля 1948 г. Военная коллегия Верховного суда признала виновными всех четверых. Л.М. Галлер, В.А. Алафузов, Г.А. Степанов, немало сделавшие для победы в Великой Отечественной войне, были лишены всех званий и государственных наград и приговорены к тюремному заключению. Лев Михайлович Геллер 12 июля 1950 г. скончался в тюремной больнице Казани. Место захоронения заслуженного адмирала неизвестно. 13 мая 1953 г. посмертно реабилитирован и восстановлен в воинском звании адмирала. Владимиру Антоновичу Алафузову и Георгию Андреевичу Степанову после 1953-го удалось выйти на свободу и восстановить свои добрые имена.

Николай Григорьевич Кузнецов тоже был признан виновным, но в приговоре о нем было сказано, что он имеет большие заслуги перед Советским Союзом в деле организации Военно-морского флота как в данный период, так и особенно в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Поэтому коллегия постановила только ходатайствовать перед Советом Министров СССР о понижении Н.Г. Кузнецова в воинском звании до контр-адмирала. 10 февраля 1948 г. постановлением правительства это решение было осуществлено{251}.

* * *

Как точно подмечал наш современник, «Говоров продолжил наполеоновскую традицию, когда артиллерийские командиры вырастали в крупных общевойсковых военачальников. Такие командиры в своем большинстве к общевойсковому кругозору и организаторской хватке, необходимой для объединения усилий различных родов войск, добавляли свойственную артиллеристам скрупулезность и точность расчетов, определенную интеллектуальность и основательность подхода к решению любых задач»{252}.

Но, в отличие от своего французского «коллеги», Говоров не выпивал вообще, не делая исключения и в праздники. Не курил. Во всем любил порядок. Кроме военной литературы читал в основном отечественных классиков, особенно уважал Чехова. Всем столичным театрам предпочитал Малый художественный академический театр. Дружил с актрисой Любовью Орловой, писателем Ильей Эренбургом, художником Павлом Кориным…

Мечтал, что сыновья продолжат его дело. Старший, Владимир Леонидович Говоров, — генерал армии, Герой Советского Союза. Младший и оба внука тоже служили в армии{253}.

Последние месяцы своей жизни маршал Говоров провел на больничной койке, сказалось перенапряжение, усталость, скопившаяся за годы войны. Он понимал, что дни его сочтены (приговор врачей был однозначно суровым), а он так хотел жить, воспитывать младшего сына (ему только-только исполнилось одиннадцать лет).

Он умер 19 марта 1955 года, его последними словами были: «Я должен был бы сделать больше, но сделал, что успел, что смог…»{254}

Прах маршала покоится в Кремлевской стене.

* * *

P.S. 25 января 1999 г. в Санкт-Петербурге на площади Стачек у триумфальных Невских ворот был открыт памятник Леониду Александровичу Говорову. При создании памятника использовали прижизненную гипсовую статую маршала, выполненную в 1946 г. скульптором В.Я. Боголюбовым для одной из выставок, так, правда, и не состоявшейся из-за так называемого «Ленинградского дела»{255}.

ЛИТЕРАТУРА

Августынюк А. В огненном кольце. Л., 1948.

Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. М., 1982.

Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца. Сборник документов и материалов. М., 2000.

Ален У.Э.Д., Муратов П.М. Русские кампании германского вермахта. 1941-1945. М, 2005.

Априявский К., Журавлев С. Памяти выдающегося полководца маршала Л.А. Говорова. Рига, 2005.

Барабашин И.М., Кузнецов АМ., Морозов В.П. и др. Битва за Ленинград. 1941-1945. М., 1964.

Белоголовцев А.Ф. Невский пятачок. Л., 1970.

Белугин В.А. Улыбка командарма // Руза. Литературно-краеведческий альманах. М., 1995. Вып. 4.

Бердникова Д. Город-фронт // Героический Ленинград. 1917-1942. Л., 1943.

Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М, 2004.

Блюментрит Г. Фельдмаршал фон Рундштедт. Войсковые операции групп армий «Юг» и «Запад». 1939—1945. М., 2005.

Богатов М., Меркурьев В. Ленинградская артиллерия. Л., 1946.

Борщев С.М. От Невы до Эльбы. Л., 1970.

Брагин М.М. На защите Москвы // Герои огненных лет. Очерки о москвичах — Героях Советского Союза. М., 1980. Вып. 4.

Бычевский Б. Л.А. Говоров // Военно-исторический журнал. 1963. № 9.

Бычевский Б.В. В начале войны под Ленинградом // Военно-исторический журнал. 1963. № 2.

Бычевский Б.В. Командующий фронтом. М., 1974.

В огненном кольце. Воспоминания участников обороны города Ленина и разгрома немецко-фашистских захватчиков под Ленинградом, М., 1963.

Вахрушев Л.М. Зори Бородина М, 1992.

Великая победа советских войск под Ленинградом. Л., 1945.

Винницкий Л. Страницы его жизни // Маршал Говоров [Сборник]. К 100-летию со дня рождения. М, 1997.

Ганкевич В.М. Конец группы «Норд». Л., 1965.

Гареев М.Л. Маршал Говоров // Русская цивилизация. 2005. 25 июля.

Говоров Л.А. В боях за город Ленина. Статьи. 1941—1945 гг. Л., 1945.

Голованов А.Е. Записки командующего авиацией дальнего действия. М., 1997.

900 героических дней. Сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941—1944 гг. М. — Л., 1966.

Дзенискевич А.Р., Ковальчук В.М., Соболев Г.Л., Цамутали А.Л., Шишкин В.Л. Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. Л., 1970.

Жданов Н.Н. Огневой щит Ленинграда. М., 1965.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 2002. Т. 1—2.

Егоршин В.А. Фельдмаршалы и маршалы. М., 2000.

Иванов А. Леонид Говоров: от репетитора до маршала // Вечерняя Елабуга. 2007. 28 февраля.

Инин А. Талантливый полководец // Учительская газета. 2007. 20 февраля.

Казаков М. Великая победа над Ленинградом // Военно-исторический журнал. 1964. № 1.

Киселев А. Маршал Советского Союза Леонид Говоров // Полководцы и военачальники Великой Отечественной. М., 1971. Вып. 1.

Киселев А. На службе народу // Военно-исторический журнал. 1967. № 2.

Князев С.П., Стрешгиинский М.Л., Франтишев И.М., Шевердалкин П.Р., Яблочкин Ю.Н. На защите Невской твердыни: Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Л., 1965.

Козинский А. Бои в районе Бородино в 1941—1942 годах// Военно-исторический журнал. 1962. № 9.

Козлов Л. Сокрушительный удар по врагу // Военно-исторический журнал. 1969. № 1.

Коробушин ВВ. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков: «Генерал Говоров… зарекомендовал себя… как волевой энергичный командир» // Военно-исторический журнал. 2005. № 4.

Кто был кто в Великой Отечественной войне 1941—1945: Краткий справочник. М., 1995.

Кузин В. «Я сделал, что смог» // Из жизни маршала Советского Союза Л. Говорова// Новая Россия. 1997. № *2.*

Кузнецов Н.Г. На флотах боевая тревога. М., 1971.

Кузнецов Н.Г. Осажденный Ленинград и Балтийский флот // Вопросы истории, 1965. № 8.

Курчатов И. Освобождение Советской Эстонии. Таллин, 1945.

Лазарев С.Е. Социокультурный состав советской военной элиты 1931—1938 гг. и сё оценки в прессе русского зарубежья.

Воронеж, 2012.

Лелюшенко Д. На Можайском направлении // Военно-исторический журнал. 1963. № 9.

Лелюшенко Д.Д. Заря победы. М., 1966.

Лисочкин И. Леонид Александрович Говоров // Наш край. 2005. № 8.

Лисочкин И. Молчун с золотым сердцем // Санкт-Петербургские ведомости. 2007. 22 февраля.

Лисочкин И. Прорыв блокады: Окрыляющая победа// Невское время. 2001.18 января.

Машков Н.А. В кольце блокады. Л., 1961.

Манкевич А.Л. Бой у острова Сухо. М., 1958.

Маршалы Советского Союза: личные дела рассказывают. М., 1996.

Мелуа А.М. Блокада Ленинграда. М.-СПб., 1999.

Мерецков КА. Непоколебимо как Россия. М., 1965.

Минц И.И. Вызов к Сталину// Маршал Говоров [Сборник]. К 100-летию со дня рождения. М., 1997.

Мороз В. Командующий твердой воли // Красная звезда. 2007.21 февраля.

Москаленко К.С. На юго-западном направлении. Воспоминания командарма. М., 1969. Кн. 1—2.

Новиков А.А. В небе Ленинграда: Записки командующего авиацией. М., 1970.

Оборона Ленинграда, 1941—1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968.

Олейников Г.А. Героические страницы битвы за Ленинград. Исследование хода и анализ некоторых операций и сражений на Северном (Ленинградском) и Волховском фронтах 1941-1942 годов. СПб., 2000.

Операция «Искра»: Воспоминания, очерки, стихи, отрывки из дневников, документы, посвященные прорыву блокады Ленинграда. Л., 1973.

Очерки истории Ленинграда. Т. V. Период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг. Л., 1967.

Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. М., 1983.

Пароль — «Победа!». Воспоминания участников битвы за Ленинград. Л., 1969.

Пахомова Л. Запечатленный в бронзе // Новая Кама. 2000. 3 мая.

Прагер А. Моонзундская десантная операция 27 сентября — 24 ноября 1944 года // http: //www.weltkrieg.ru/battles/ Moonzunds/

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1988.

Сандалов Л.М. Трудные рубежи. М., 1965.

Сарин О. В сражении за город на Неве // Ориентир. 1999. №4.

Сафир В.М. Первая мировая война и Великая Отечественная. Суровая правда войны. М., 2005.

Славная победа под Ленинградом. Л., 1976.

Свиридов В.П., Якутович В.П., Василенко В.Е. Битва за Ленинград. 1941-1944. Л., 1962.

Совершенно секретно! Только для командования! М., 1967.

Суворов В. Беру свои слова обратно. Донецк, 2007.

Талонов Ф. Применение бронетанковых войск в битве под Москвой // Военно-исторический журнал. 1967. № 1.

Тихонов Н. В дни Ленинградской осады // Своим оружием. М., 1961.

Трибуц В.Ф. Балтийцы вступают в бой. Калининград, 1972.

Убей убийцу! Сборник материалов об обстрелах немецко-фашистскими варварами жилых кварталов и невоенных объектов Ленинграда. Л., 1944.

Улица Говорова // Криворучко М.Г. и др. Москва — героям Великой Отечественной (Путеводитель). М., 1977.

У Кремлевской стены // Абрамов А.С. У Кремлевской стены. М., 1978.

Хауптп В. Группа армий «Север». Бои за Ленинград. 1941—1945. М., 2005.

Хорошилов Г., Баженов А. Ельнинская наступательная операция 1941 года // Военно-исторический журнал. 1974. № 9.

Хорьков А. Говоров // Коммунист Вооруженных сил. 1990. №4.

Хрулев А.В. В борьбе за Ленинград // Военно-исторический журнал. 1962. № 11.

Чероков В.С. Для тебя, Ленинград, М., 1978.

Шевердалкин П.Р. Героическая борьба ленинградских партизан. Л., 1959.

Шигин Г.А. Битва за Ленинград: крупные операции, «белые пятна», потери. М.-СПб., 2005.

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны: от Сталинграда до Берлина. М., 2005.

Ярхунов В.М. Через Неву: (67-я армия в боях по прорыву блокады Ленинграда). М., 1960.

Erfurth W. Der finische Krieg 1941-1944. Wiesbaden, 1950.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Л.А. Говоров с сослуживцами. 1920-е гг.

Л.А. Говоров. 1920-е гг.

Л.А. Говоров с супругой. 1923 г.

Л.А. Говоров среди красноармейцев. 1920-е гг.

Генерал-лейтенант артиллерии Л.А. Говоров за рабочим столом

Командующий Ленинградским фронтом Л.А. Говоров (слева) и член Военного совета фронта секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов

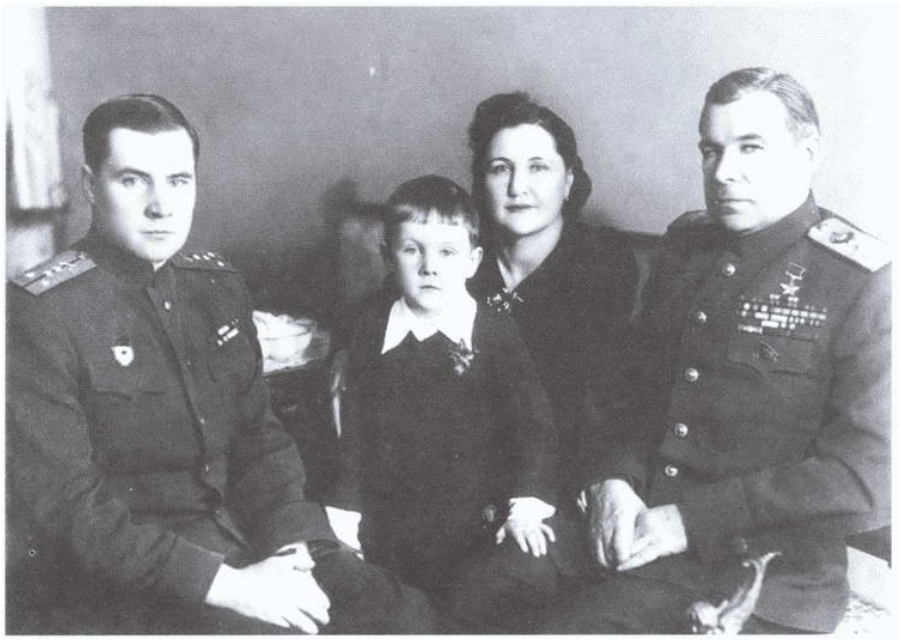
Командующий войсками Ленинградского фронта Л.А. Говоров с группой офицеров осматривает выставку автотехники

Генерал армии Л.А. Говоров

Маршал Советского Союза Л.А. Говоров с супругой в послевоенные годы

Маршалы Советского Союза Л.А. Говоров, К.К. Рокоссовский, И.С. Конев и К А. Мерецков в гостях у главного режиссера Театра им. Е. Вахтангова

Р.Н. Симонова



Маршал Советского Союза Л.А. Говоров с семьей. 1950-е гг.

Маршал Советского Союза Л.А. Говоров. Ленинград. 1950-е гг.

Советская почтовая марка, выпущенная в честь маршала Советского Союза Л.А. Говорова. 1977 г.

Памятный знак в сквере им. Героя Советского Союза маршала Л.А. Говорова в Санкт-Петербурге

Памятник маршалу Л.А. Говорову на площади Стачек в Санкт-Петербурге

Путь русского офицера

В.Л. Телицын

Маршал Говоров был одним из видных военачальников Советского Союза. Судьба его была яркой и удивительной. Недолгая служба в белой армии и затем блестящая карьера в Красной армии, преподавательская деятельность и, наконец, успешное командование в годы Великой Отечественной войны армией и фронтами принесли Л.А. Говорову звание Маршала Советского Союза.

Войска под командованием Л.А. Говорова отличились при обороне Москвы, деблокаде Ленинграда, освобождении Эстонии и принудили Финляндию к выходу из войны.

Книга В.Л. Телицына рассказывает о судьбе маршала, о его взлетах и неудачах, о том, как он жил и сражался в годы войны.

ISBN 978-5-4444-1418-7

9 785444 414187

ВЕЧЕ

notes

Примечания

1

Так в документе.

2

Верховский Александр Иванович (1886—1938) — военный деятель, генерал-майор (1917 г.), комбриг (1936). Окончил Академию Генштаба (1911 г.), участник Русско-японской (1905-1907 гг.) и Первой мировой (1914-1918 гг.) войн. В июле — сентябре 1917 г. — командующий войсками Московского военного округа, подавлял революционные выступления солдат. В августе — октябре 1917-го — военный министр. В ноябре 1917 г. пытался создать в Ставке Верховного Главнокомандования антибольшевистское «демократическое правительство». В 1918-м — арестован советской властью, несколько месяцев провел в заключении; изменив свои взгляды, в феврале 1919-го вступил в Красную Армию. В1921—1930 гг. — на преподавательской работе по истории военного искусства и тактике в Военной академии им. Фрунзе, профессор (1927), в 1930—1932-м — начальник штаба Северо-Кавказского военного округа, затем служил на курсах «Выстрел», в Генштабе и Академии Генштаба. Репрессиям не подвергался, так как советское руководство ценило его как высококлассного военного специалиста.

З

Сандалов Леонид Михайлович (1900—1987) — военачальник, генерал-полковник (1944 г.). В Красной Армии с 1919 г. Участвовал в Гражданской войне. Окончил Киевскую объединенную военную школу (1926 г.), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1934 г.) и Военную академию Генштаба (1938 г.). В Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. — начальник штаба 4-й армии Западного фронта (июнь—июль 1941 г.), начальник штаба Центрального фронта (август 1941 г.), заместитель начальника и начальник штаба Брянского фронта (сентябрь—ноябрь 1941 г.), начальник штаба 20-й армии Западного фронта (декабрь 1941 — сентябрь 1942 г.), Брянского фронта (сентябрь 1942 — октябрь 1943 г.), 2-го Прибалтийского фронта (октябрь 1943 — март 1945 г.), начальник штаба 4-го Украинского фронта (с апреля 1945 г.). После войны — начальник штаба Прикарпатского военного округа (1945—1946 гг.), заместитель начальника Главного штаба Сухо путных войск (1946—1947 гг.), начальник штаба, 1-й заместитель командующего войсками Московского военного округа (1947—1953 гг.). В1953—1955 гг. — в распоряжении министра обороны СССР. С сентября 1955-го в запасе по болезни.

4

Москаленко Кирилл Семенович (1902—1985) — военачальник, маршал Советского Союза (1955 г. Герой Советского Союза (1943 г.). В Красной Армии с 1920 г., участник Гражданской войны. Окончил Украинскую объединенную школу краскомов (1922 г.), артиллерийские курсы усовершенствования комсостава РККА (1928 г.) и факультет высшего комсостава Артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского (1939 г.). Во время Советско-финляндской войны 1939—1940-го — начальник артиллерии стрелковой дивизии, затем — начальник артиллерии корпуса, командир противотанковой бригады. В Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. — командир стрелкового и кавалерийского корпусов, командующий армейской подвижной группой войск и заместитель командующего 6-й армией (до февраля 1942 г.); командующий 38-й, 1-й танковой, 1-й гвардейской, 40-й армиями, с октября 1943-го до конца войны — 38-й армией на Юго-Западном, Сталинградском, Воронежском, 1-ми 4-м Украинском фронтах. После 1945-го — на ответственных должностях в войсках, командующий войсками Московского района Противовоздушной обороны (1948—1953 гг.), командующий войсками Московского военного округа (1953—1960 гг.). С апреля 1962-го — главный инспектор Министерства обороны СССР и заместитель министра обороны СССР.

5

Штеменко Сергей Матвеевич (1907—1976) — военачальник, генерал армии (1968). В Красной Армии с 1926 г. Окончил Севастопольскую школу зенитной артиллерии (1930 г.), Военную академию механизации и моторизации РККА (1937 г.) и Военную академию Генштаба (1940 г.). С 1940-го — на ответственных должностях в Генштабе Красной Армии. В Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. заместитель начальника направления и начальник направления Оперативного управления Генштаба (1941—1943 гг.), с апреля 1943-го —1-й заместитель и с мая — начальник Оперативного управления Генштаба. Координировал организацию и проведение операций на Закавказском фронте (1942 г.), в Северной и Черноморской группе войск (1943), Отдельной Приморской армии (1943), на 1-ми 2-м Прибалтийском, Западном, 4-м Украинском, 2-м Белорусском и 3-м Прибалтийском фронте (1944 г.). С ноября 1948 по июнь 1952-го — начальник Генштаба и заместитель министра Вооруженных сил СССР. С июня 1952 г. на ответственных должностях в войсках. С июля 1962-го — начальник штаба — 1-й заместитель главнокомандующего Сухопутными войсками, с апреля 1964 г. заместитель начальника Генштаба Вооруженных сил СССР, с августа 1968-го начальник штаба Объединенных Вооруженных сил государств — участников Варшавского договора.

6

Павлов Дмитрий Григорьевич (1897—1941) — военачальник, генерал армии (1941 г.), Герой Советского Союза (1937 г.). Участник Первой мировой войны. В Красной Армии с 1919 г., участвовал в Гражданской войне. Окончил Омскую высшую кавалерийскую школу (1922), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1928 г.) и академические курсы при Военно-технической академии (1931 г.). С 1928 г. командовал кавалерией и механизированными полками. В 1936—1937 гг. участвовал в войне в Испании, командир танковой бригады. С ноября 1937-го — начальник Автобронетанкового управления РККА. Участник Советско-финской войны 1939—1940 гг. С июня 1940-го — командующий войсками Западного Особого военного округа, с 22 июня до 2 июля 1941 г. командующий войсками Западного фронта; Климовских Владимир Ефимович (1885—1941) — военачальник. Участник Первой мировой войны: начальник команды конных разведчиков, командир роты, командир батальона. В Красной Армии с 1918 г. Участник Гражданской войны: помощник начальника штаба армии, начальник штаба дивизии, начальник отдела штаба армии, командир дивизии, начальник группы войск. С декабря 1932 г. по июнь 1936 г. — на преподавательской работе в Военной академии им. М.В. Фрунзе, с июля 1936-го — помощник армейского инспектора, с февраля 1938-го — старший преподаватель Военной академии Генштаба, с сентября 1939 г. — заместитель начальника штаба, с июля 1940-го — начальник штаба Белорусского Особого военного округа. С началом Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — начальник штаба Западного фронта. Обвинен «в трусости, преднамеренном развале *управления* войсками фронта и сдаче противнику оружия без боя», осужден и 22 июля расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

7

Тимошенко Семен Константинович (1895—1970) — военачальник, Маршал Советского Союза (1940 г.), дважды Герой Советского Союза (1940 и 1965 гг.). Участник Первой мировой войны. С апреля 1918-го — в Красной Армии, служил в 1-м Красногвардейском Черноморском отряде, с августа — командир 1-го Крымского революционного полка, с ноября — командир 2-й отдельной кавалерийской бригады, с июня 1919-го — в составе конного корпуса С.М. Буденного. С октября 1919 г. — командир 6-й кавалерийской дивизии конного корпуса Буденного (с ноября 1919 — 1-й Конной армии). С августа 1920 г. командовал 4-й кавалерийской. Окончил Высшие академические курсы и курсы единоначальников при Военно-политической академии им. В.И. Ленина (1930 г.), с августа 1933-го — заместитель командующего войсками Белорусского, с сентября 1935-го — Киевского военных округов, с июля 1937-го командовал войсками Северо-Кавказского, с сентября — Харьковского и с февраля 1938-го — Киевского особого военных округов. Во время Советско-финской войны 1939—1940 гг. командовал Северо-Западным фронтом. С мая 1940 по июль 1941-го — нарком обороны СССР. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — председатель Ставки Главного командования, входил в состав Ставки Верховного Главнокомандования, был заместителем наркома обороны (с июля по сентябрь 1941 г.), главнокомандующим Западным (10 июля — 10 сентября 1941 г.) и Юго-Западным (13 сентября 1941 — 21 июня 1942 г.) направлениями, командующим войсками Западного (2—19 июля и 30 июля —12 сентября 1941 г.), Юго-Западного (30 сентября — 18 декабря 1941 и 8 апреля — 12 июля 1942 г.), Сталинградского (12—23 июля 1942 г.) и Северо-Западного (октябрь 1942 — март 1943 г.) фронтов. С марта по июнь 1943-го координировал действия Волховского и Ленинградского фронтов, с июня по декабрь того же года Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота, в феврале — июне 1944-го — 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов, с августа 1944-го и до конца войны — 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов. После войны командовал войсками военных округов. С марта 1960 г. — Генеральный инспектор группы генеральных инспекторов министерства обороны СССР. В 1961—1970 гг. — председатель Совета комитета ветеранов войны.

12 октября 1941 г. объединен с Западным фронтом в единый Западный фронт.

9

Ляпин Петр Иванович (1894—1954) — военачальник, генерал-лейтенант (1945). В Красной Армии с 1918 г. В июне 1941 г. — генерал-майор. В ходе Великой Отечественной 1941—1945 гг. — начальник штаба 10-й армии, Резервного фронта, 52-й и 4-й армий (июль — декабрь 1941 г.). В декабре 1941 — январе 1942 г. — помощник командующего Волховским фронтом и 59-й армии. В феврале — июне 1942-го — командующий 4-й армией, в сентябре 1942 — марте 1943 гг. — командир воздушно-десантного корпуса и воздушно-десантной дивизии, в сентябре 1943 — мае 1945 г. — начальник штаба 63-й, 70-й и 19-й армий. После 1945 г. — начальник штаба ряда военных округов.

10

Воронов Николай Николаевич (1899—1968) — главный маршал артиллерии (1944), Герой Советского Союза (1965 г.). С 1918-го служил в Красной Армии, участник Гражданской войны. Окончил 2-е Петроградские артиллерийские курсы (1918 г.), Высшую артиллерийскую школу комсостава (1924 г.) и Военную академию им. М.В. Фрунзе (1930 г.). В 1918— 1934 гг. — на штабных должностях. С 1934-го — начальник 1-го Ленинградского артиллерийского училища. Участник гражданской войны в Испании. В 1937—1941 гг. — начальник артиллерии Красной Армии, заместитель начальника Главного артиллерийского управления, начальник Управления ПВО. С июля 1941 по март 1943-го — заместитель наркома обороны СССР и начальник артиллерии Красной Армии, с марта 1943 по март 1950 г. — командующий артиллерией Вооруженных сил. В 1950—1953 гг. — президент Академии артиллерийских наук, в 1953—1958-м — начальник Военной артиллерийской командной академии, с 1958 на ответственной работе в министерстве обороны СССР.

11

Флеров Иван Андреевич (1905—1941) — капитан (1939). В начале Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. командовал Отдельной экспериментальной батареей реактивной артиллерии БМ—13 (катюша). Первый залп по врагу батарея Флерова произвела 14 июля 1941 г. в районе Орши. В октябре 1941-го батарея попала в засаду, Флеров погиб, приказав расстрелять весь боезапас и взорвать машины. В 1995-м посмертно удостоен звания Героя России.

12

Дегтярев Георгий Ермолаевич (1893—1973) — военачальник, генерал-полковник артиллерии (1944 г.), начальник артиллерии 92-й стрелковой дивизии. Репрессирован в 1937 г., освобожден в 1939 г., преподаватель тактики, заместитель начальника Пензенского артиллерийского училища. В 1941-м — начальник штаба артиллерии Резервного фронта, начальник артиллерии 4-й, 2-й Ударной армий, В 1942—1944 гг. — начальник артиллерии Волховского фронта, в 1944—1945-м — командующий артиллерией Карельского, 1-го Дальневосточного фронтов, в 1950 — 1953-м — командующий артиллерией Туркестанского военного округа.

13

Рокоссовский Константин Константинович (1896— 1968) — военачальник, маршал Советского Союза (1944 г.), дважды Герой Советского Союза (1944 и 1945 гг.). Участник Первой мировой войны, младший унтер-офицер. С 1918-го — в Красной Армии, участник Гражданской войны: командир эскадрона, отдельного дивизиона и отдельного кавалерийского полка. Окончил кавалерийские курсы усовершенствования комсостава (1925 г.), курсы усовершенствования высшего начального состава при Академии им. М.В. Фрунзе (1929 г.). В Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. командовал 9-м механизированным корпусом, 16-й армией на Западном фронте (август 1941 — июль 1942 гг.); Брянским (июль — сентябрь 1942 г.), Донским (сентябрь 1942 — февраль 1943-го), Центральным (февраль — октябрь 1943 г.), Белорусским (октябрь 1943 — февраль 1944-го), 1-м Белорусским (февраль — ноябрь 1944 г.) и 2-м Белорусским (с ноября 1944 г. и до конца войны) фронтами. 24 июня 1945 г. командовал Парадом Победы в Москве. В 1945—1949 гг. главнокомандующий Северной группой войск. В октябре 1949 г. по просьбе правительства Польской Народной Республики и с разрешения советского правительства выехал в Польшу, где был назначен министром Национальной обороны и заместителем председателя Совета Министров Польской республики. С 1956 г. — заместитель министра обороны СССР; Главный инспектор — заместитель министра обороны СССР (июль — октябрь 1957 г.); командующий войсками Закавказского военного округа (1957—1958 гг.); заместитель министра и Главный инспектор министерства обороны СССР (январь 1958 — апрель 1962 г.); Генеральный инспектор Группы генеральных инспекторов министерства обороны СССР.

14

Круглов (настоящая фамилия Яковлев) Сергей Никифорович (1907—1977) — один из руководителей органов государственной безопасности, комиссар государственной безопасности 2-го ранга (1943 г.), генерал-полковник (1945 г.). С 26 февраля по 31 июля 1941-го и с 26 апреля 1943 по 29 декабря 1945-го — 1-й заместитель, в 1941 — 1943-м — заместитель наркома внутренних дел СССР. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. командирован на фронт для организации заградительных отрядов, входил в Военный совет Резервного фронта. В октябре 1941-го — командующий 4-й саперной армией и начальник 4-го управления оборони тельных работ. В 1944—1945 гг. руководил массовыми депортациями населения, в т.ч. выселением чеченцев, ингушей и т.д. (за что получил орден Суворова 1-й степени).

15

Лукин Михаил Федорович (1892—1970) — военачальник, генерал-лейтенант (1940). Участник Первой мировой войны. С 1918-го в Красной Армии. Участник Гражданской войны: помощник начальника штаба дивизии, командир полка и бригады, начальник штаба дивизии. Окончил курсы разведчиков при Полевом штабе РККА (1918 г.), курсы усовершенствования начсостава при Военной академии им. М.В. Фрунзе (1926). В 1935—1937 гг. — комендант Москвы, начальник штаба и заместитель командующего войсками Сибирского военного округа. С 1940-го командовал армией. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. командовал 16-й, 20-й и 19-й армиями на Западном фронте. В октябре 1941-го командовал окруженной группой армий в районе Вязьмы. Тяжело раненным попал в плен, освобожден в мае 1945-го.

16

Артемьев Павел Артемьевич (1897—1979) — военачальник, генерал-полковник (1942). В Красной Армии с 1918 г. Участник Гражданской войны. Окончил Высшую пограничную школу (1925 г.), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1938 г.), курсы при Высшей военной академии (1949 г.). С 1921-го проходил службу во внутренних и пограничных войсках: военком Екатеринославского кавалерийского полка, затем 91-й дивизии войск ОГПУ (с 1923-го). С 1926 г. — комендант пограничного участка, с августа 1931-го — командир полка внутренних войск, с февраля 1938-го — начальник Новопетергофского военно-политического училища пограничных и внутренних войск НКВД. С августа 1938 г. командир отдельной мотострелковой дивизии особого назначения им. Ф.Э. Дзержинского. Участник Советско-финской войны 1939—1940 гг. С марта 1941 г. — начальник Управления оперативных войск НКВД. С июня 1941 г. — командующий войсками Московского военного округа. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. командовал с октября 1941 по октябрь 1943 гг. Московской зоной обороны. С июня 1947-го находился в распоряжении министра Вооруженных сил СССР.

17

Кудряшев Александр Иванович (1901—1962) — военачальник, генерал-лейтенант. Участник Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Служил в Генеральном штабе.

18

Шапошников Борис Михайлович (1882—1945) — военачальник. Маршал Советского Союза (1940). На военной службе с 1901 г. Окончил Московское военное училище (1903 г.) и Академию Генштаба (1910 г.). Участник Первой мировой войны. С мая 1918 г. в Красной Армии, занимал различные штабные должности в Высшем военном совете и Наркомвоенморе Украины. С августа 1919-го — начальник Разведывательного отдела, с октября — начальник Оперативного управления Полевого штаба РВС Республики. В 1921—1925 гг. — первый помощник начальника Штаба РККА, в 1925—1928 гг. — командовал войсками Ленинградского и Московского военных округов. В 1928-1931 гг. — начальник Штаба РККА, в 1931-1932 гг. — командующий войсками Приволжского военного округа, в 1932—1935 гг. — начальник и военный комиссар Военной академии им. М.В. Фрунзе, в 1935—1937-м — командующий войсками Ленинградского военного округа. В 1937—1940 гг. — начальник Генштаба и заместитель наркома обороны СССР. С августа 1940 по июль 1941 г. — заместитель наркома обороны. В июле 1941 — мае 1942-го — начальник Генерального штаба, с мая 1942 по июнь 1943-го — заместитель наркома обороны, в 1943—1945-м — начальник Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова.

19

Василевский Александр Михайлович (1895—1977) — военачальник. Маршал Советского Союза (1943 г.), дважды Герой Советского Союза (1944; 1945). Окончил Алексеевское военное училище (1915 г.), участник Первой мировой войны. В Красной Армии с 1918 г., участник Гражданской войны. Окончил Академию Генштаба (1937 г.), служил в Генштабе — с мая 1940-го — заместитель начальника, с августа 1941-го начальник Оперативного управления, заместитель и первый заместитель начальника Генштаба. С июня 1942-го — начальник Генштаба и заместитель наркома обороны. Во время Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. по поручению Ставки Верховного Главнокомандования координировал в 1942—1944 гг. действия фронтов: Юго-Западного, Донского, Сталинградского, Воронежского, Степного, Южного, 4-го Украинского, 3-го Украинского, 3-го Белорусского, 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов в операциях по освобождению Белоруссии, Латвии и Литвы летом 1944 г. В феврале 1945-го введен в Ставку Верховного Главнокомандования и назначен командующим 3-м Белорусским фронтом. В июне 1945 г. назначен главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке и руководил ими в Советско-японской войне 1945-го. С 1946-го — начальник Генштаба и первый заместитель министра обороны, с 1949-го — министр Вооруженных сил СССР, в 1950—1953-м — военный министр, в 1953—1957 гг. — первый заместитель и заместитель министра обороны. С января 1959 г. — на руководящей работе в Министерстве обороны СССР.

20

Бок Федор (1880—1945) — генерал-фельдмаршал вооруженных сил нацистской Германии (1940). На военной службе с 1894 г. Участник Первой мировой войны. После 1918-го служил старшим офицером Генштаба в 20-й пехотной дивизии, в штабе главнокомандующего сухопутными войсками генерала Ханса фон Зеекта. С 1925-го он командовал 3-й армейской группой, в 1925—1926 гг. — офицер Министерства обороны, в 1928-м — командир 1-й кавалерийской дивизии, в 1930-м — командир 1-й пехотной дивизии, в 1931—1935 гг. — командующий 12-м военным округом в Штеттине. В марте 1938-го Боку было присвоено звание генерал-оберста и поручено командование 8-й армией, затем 2-й армейской группой при оккупации Судетской области. С 5 октября 1939 по 12 сентября 1940 г. возглавлял группу армий «Б* во Французской кампании. С апреля по декабрь 1941 г. командовал группой армий «Центр», действовавшей на Восточном фронте. Гитлер отстранил фон Бока от командования, назначив на его место фельдмаршала Гюнтера фон Клюге. С 16 января по 15 июля 1942-го — командовал группой армий «Юг», но подготовить плацдарм для нанесения ударов по Сталинграду и Кавказу не сумел. Гитлер, сместив фон Бока с поста командующего, на правил его в распоряжение ставки. 4 мая 1945 г. погиб вместе со всей семьей в результате налета английской авиации.

21

Лелюшенко Дмитрий Данилович (1901—1987) — военачальник, генерал армии (1959 г.), дважды Герой Советского Союза (1940 и 1945 гг.). С 1918 г. служил в Красной Армии. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе (1933 г.) и Высшую военную академию им. К.Е. Ворошилова (1949 г.). Участник Советско-финской войны 1939—1940 гг. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — на Северо-Западном, Западном, Калининском, Юго-Западном, 3-м, 4-м и 1-м Украинском фронтах в должностях командира механизированного и стрелкового корпуса, командующего 5-й, 30-й, 1-й и 3-й гвардейскими армиями, 4-й гвардейской танковой армией. С 1956-го — командовал войсками Забайкальского, с 1958-го — Уральского военных округов. В 1960—1964 гг. — председатель ЦК ДОСААФ, с 1964-го — военный инспектор-советник Министерства обороны.

22

Полосухин Виктор Иванович (1904—1942) — полковник (1940). В Красной Армии с 1921 г. В Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. командовал 32-й стрелковой дивизией, которая во время Московской битвы вела напряженные бои на можайском направлении; на Бородинском поле. Погиб в бою под Можайском. (См.: *Козинский А.* Бои в районе Бородино в 1941—1942 годах // Военно-исторический журнал. 1962. №9.)

23

Командир дивизии — генерал-майор Н.И. Орлов.

24

Клюге Ганс Гюнтер, фон (1882—1944) — генерал-фельдмаршал (1940). Участник Первой мировой войны. С 1935-го — командующий 6-м военным округом. В 1938-м уволен в отставку из-за политических разногласий с Гитлером. После начала Второй мировой войны вновь был призван на военную службу, в 1939 г. командовал 6-й армейской группой. В 1940-м переведен на Западный фронт, в 1941-м — командующий 4-й армией, в 1941—1943-м — главнокомандующий группой армий «Центр». Осенью 1943 г. тяжело ранен во время автомобильной аварии и надолго выбыл из строя. С июля 1944-го — главнокомандующий группой армий «Запад». В со стоянии депрессии от военных поражений 18 августа 1944-го покончил с собой.

25

Булганин Николай Александрович (1895—1975) — государственный и партийный деятель, маршал Советского Союза (1947—1958). В 1941—1943 гг. — член военных советов ряда фронтов. С 1944-го — член Государственного комитета обороны и заместитель наркома обороны, с 1947-го — министр Вооруженных сил СССР и заместитель председателя Совета Министров СССР, с марта 1949-го — заместитель председателя Совета Министров СССР, с 1955-го — председатель Совета Министров СССР. В 1958 г. смещен со всех постов, председатель Ставропольского Совнархоза. С февраля 1960 г. на пенсии; Соколовский Василий Данилович (1897—1968) — военачальник, Маршал Советского Союза (1946 г.), Герой Советского Союза (1945 г.). С 1918-го — в Красной Армии, участвовал в Гражданской войне. Окончил Военную академию РККА (1921 г.), был отправлен в Среднюю Азию: помощник начальника оперативного управления Туркестанского фронта, начальник штаба и командир дивизии, командующий группой войск Ферганской и Самаркандской областей, начальник штаба стрелковой дивизии и корпуса, командир дивизии (1930—1934 гг.), заместитель начальника штаба Приволжского и начальник штаба Уральского и Московского военных округов (1935—1941 гг.). С февраля 1941-го — заместитель начальника Генштаба. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — начальник штаба Западного фронта (с перерывами, 1941 — 1943 гг.), начальник штаба Западного направления (1942 г.), командующий войсками Западного фронта (1943—1944 гг.), начальник штаба 1-го Украинского фронта (1944—1945 гг.); 1-й заместитель командующего войсками 1-го Белорусского фронта (апрель — май 1945 гг.). С марта 1946-го — Главнокомандующий Группой советских войск в Германии и Главноначальствующий советской военной администрации в Германии, член Контрольного Совета от СССР по управлению Германией (март 1946 — март 1949 гг.). С марта 1949-го — первый заместитель военного министра СССР. С июня 1952-го — начальник Генерального штаба — 1-й заместитель министра обороны СССР. В 1960—1968 гг. — Генеральный инспектор Группы генерал-инспекторов Министерства обороны.

26

Гепнер Эрих (1886—1944) — военачальник, генерал-полковник (1940 г.). С 1905-го на военной службе. Участник Первой мировой войны. С 1933-го — начальник штаба 1-го военного округа, с 1935-го — командир 1-й легкой бригады, за тем — дивизии, с 1938-го командир 16-го армейского корпуса, в который входили танковые части Германии. Во время Польской кампании руководил войсками, штурмующими Варшаву. С февраля 1941-го командовал 4-й танковой группой, с июня 1941-го на советско-германском фронте. Действовал в составе группы армий «Север», затем был переброшен под Москву. В декабре 1941-го — командующий 4-й танковой армией. В январе 1942-го, после поражения германских войск под Москвой, лишен звания и уволен из армии без права ношения мундира. Участник Июльского заговора 1944 г., арестован. Повешен.

27

Маландин Герман Капитонович (1894—1961) — военачальник, генерал армии. В Красной Армии с 1918 г. Участник Гражданской войны. Окончил Академию Генштаба (1937 г.). Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — заместитель начальника штаба и начальник штаба Западного фронта (1941 г.), заместитель начальника и начальник кафедры Военной академии Генштаба (1941—1943 гг.), начальник штаба 13-й армии 1-го Украинского фронта (1943—1945 гг.). В 1945—1946 гг. — начальник штаба Центральной группы войск, начальник Главного штаба — заместитель главнокомандующего Сухопутными войсками (1946—1948 гг.), заместитель начальника Генштаба (1948—1952 гг.), начальник штаба — 1-й заместитель командующего войсками Прикарпатского военного округа (1952—1953 гг.), заместитель начальника Генштаба (1953—1955 гг.), 1-й заместитель Главнокомандующего и начальник Главного штаба Сухопутных войск (1955—1956 гг.), 1-й заместитель начальника и начальник Военной академии Генштаба Вооруженных сил СССР (1956—1961 гг.).

28

Ниловский Сергей Федорович (1906—1980) — военачальник, один из руководителей научно-исследовательских работ по ракетной и космической технике в войсках Противовоздушной обороны, генерал-лейтенант артиллерии (1943 г.), Герой Советского Союза (1940 г.). В Красной Армии с 1928 г. Окончил школу младшего начального состава в Ленинграде (1929 г.), Военную академию им. Ф.Э. Дзержинского (1941 г.), Воен. академию Генштаба (1949 г.). Участник Советско-финской войны 1939—1940 гг. и Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В 1941—1945 гг. командовал гвардейскими минометными частями, заместитель командира артиллерии фронта. В 1948 — 1950 гг. служил в научно-исследовательских институтах Министерства обороны СССР, в 1951 — 1952 гг. — начальник факультета Военной академии им. Ф.Э. Дзержинского. С1956 г. — заместитель начальника Военно-командной академии ПВО, специалист по боевому применению войск ПВО страны. С 1966 г. на пенсии.

29

Лизюков Александр Ильич (1900—1942) — военачальник. Герой Советского Союза (1941 г.). Участник Гражданской войны. Окончил автобронетанковую школу и Военную академию им. М.В. Фрунзе. Преподавал тактику в военных училищах Красной Армии. Командовал танковым полком, а затем — 6-й тяжелой танковой бригадой. Репрессирован, освобожден. Заместитель командира 36-й танковой дивизии. С начала Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — заместитель командира 17-го механизированного корпуса, начальник штаба Борисовского гарнизона, командир сводного отряда 16-й армии, командир 1-й мотострелковой дивизии, командующий группой войск Западного фронта, заместитель командующего 20-й армией. Командир 2-го гвардейского стрелкового корпуса, затем командир 2-го танкового корпуса. Летом 1942-го — командующий 5-й танковой армией. Погиб в бою.

30

Болдин Иван Васильевич (1892—1965) — генерал-полковник (1944). Участник Первой мировой войны. С 1919-го служил в Красной Армии, участник Гражданской войны. Окончил курсы «Выстрел» (1923 г.), курсы усовершенствования высшего начсостава (1926 и 1930 гг.), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1936 г.). В 1938—1941 гг. командовал войсками Калининского военного округа, заместитель командующего войсками Западного военного округа. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — заместитель командующего войсками Западного фронта, с ноября 1941-го командовал 50-й армией. С апреля 1945-го — заместитель командующего войсками 3-го Украинского фронта. После войны командующий и заместитель командующего войсками ряда округов. С 1958 г. на ответственной работе в Министерстве обороны СССР.

31

Богданов Семен Ильич (1894—1960) — маршал бронетанковых войск (1945 г.), дважды Герой Советского Союза (1944 и 1945 гг.). Участник Первой мировой войны. В Красной Армии с 1918 г., участвовал в Гражданской войне. Окончил Московскую высшую военно-педагогическую школу (1923 г.), курсы «Выстрел» (1930 г.), академические курсы при Военной академии механизации и моторизации (1936 г.). Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. командовал танковой дивизией, танковыми и механизированными корпусами, с сентября 1943 по июль 1944 г. — 2-й танковой армией, с января 1945-го — 2-й гвардейской танковой армией. В1948—1954 гг. — командующий бронетанковыми и механизированными войска ми, в 1954—1956-м — начальник Военной академии бронетанковых войск. С 1956 г. в отставке.

32

Белобородов Афанасий Павлантьевич (1903—1990) — генерал армии (1963 г.), дважды Герой Советского Союза (1944 и 1945 гг.). В Красной Армии с 1919 г. Окончил пехотную школу (1926 г.), Военно-политические курсы (1929 г.), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1936 г.). В Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. командовал 78-й (позже 9-й гвардейской) стрелковой дивизией, стрелковым корпусом, 43-й армией. Во время Советско-японской войны 1945 г. командовал 1-й Краснознаменной армией. После 1945-го — начальник курсов «Выстрел», с 1955-го — командующий войсками Воронежского военного округа, с 1957-го — начальник Главного управления кадров Министерства обороны СССР. С 1963 г. — командующий войсками Московского военного округа, с 1968-го — на ответственной работе в Министерстве обороны СССР.

33

Блюментрит Гюнтер (1892—1967) — генерал германской армии. В армии с 1911-го, служил в 71-м пехотном полку. С 1938 г. — начальник отдела подготовки Генштаба, в 1939— 1940 гг. командовал группой армий «Юг», в 1940—1942-м — начальник штаба. В июне 1941-го — начальник штаба 4-й армии. С начала 1945 г. — командующий 1-й воздушно-десантной армией (так называемая «армия Блументритта») на Западном фронте.

34

Гудериан Гейнц Вильгельм (1888—1954) — генерал-полковник германской армии (1940). Окончил военное училище (1907 г.) и Военную академию (1914 г.). Участник Первой мировой войны, с 1922-го — в автомобильных войсках. В1935—1938 гг. командовал танковой дивизией и армейским корпусом. Участвовал в Польской кампании. В начале 1940 г. командовал танковым корпусом во Франции, с июня 1940 г. — командующий 2-й танковой группой (с октября 1941-го — 2-й танковой армией). В декабре 1941 г. за поражение под Москвой снят с должности и отчислен в резерв. С марта 1943-го — генерал-инспектор танковых войск, с июля 1944-го — начальник Генерального штаба сухопутных войск. В конце войны сдался в плен американским военнослужащим.

35

Хоменко Василий Афанасьевич (1899—1943) — военачальник, генерал-лейтенант (1943 г.). В Красной Армии с 1918 г. Окончил курсы военных комиссаров (1920 г.), курсы усовершенствования высшего начсостава при Военной академии им. М.В. Фрунзе (1928 г.). Участник Гражданской войны. В 1931—1935 гг. — командир бригады, в 1935—1940 гг. — начальник штаба пограничных войск Ленинградского и Киевского пограничных округов, а в 1940—1941 гг. — начальник пограничных войск Молдавской и Украинской ССР. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. командовал 30, 24, 58 и 44-й армиями на Западном, Калининском, Закавказском, Южном, Юго-Западном и 4-м Украинском фронтах. Погиб близ Никополя.

36

Казаков Василий Иванович (1898—1968) — маршал артиллерии (1955 г.), Герой Советского Союза (1945 г.). С 1918-го служил в Красной Армии, участник Гражданской войны. Окончил 2-е Петроградские курсы артиллерии (1918 г.), школу артиллерии (1923 г.), курсы усовершенствования комсостава (1929,1936 гг.), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1934 г.) и курсы усовершенствования начсостава (1939 г.). Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — начальник артиллерии 16-й армии, затем — командующий артиллерией Брянского, Сталинградского, Донского, Центрального, Белорусского и 1-го Белорусского фронтов. После 1945 г. — командующий артиллерией Группы советских войск в Германии, заместитель, 1-й заместитель и командующий артиллерией Советской армии, начальник войск ПВО Сухопутных войск. С 1965-го — в Группе генералов инспекторов Министерства обороны СССР.

37

Ефремов Михаил Григорьевич (1897—1942) — генерал-лейтенант (1940 г.). Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе (1933 г.). Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. заместитель командующего войсками Брянского фронта, затем командовал 33-й армией. Во время общего наступления на западном направлении оказался в окружении. В бою был тяжело ранен и, не желая попасть в плен, застрелился.

38

Белов Павел Андреевич (1897—1962) — генерал-полковник (1944 г.), Герой Советского Союза (1944 г.). В июне 1941-го — генерал-майор. В ходе Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. командовал частями и соединениями, в 1941—1942 гг. — командир 2-го, позже 1-го гвардейского, конного корпуса на Юго-Западном, Брянском, Централь ном, 2-м Белорусском, 3-м и 1-м Прибалтийском и 1-м Белорусском фронтах. С 1942 до 1945 г. — командующий 61-й армии.

39

Осликовский Николай Сергеевич (1900—1971) — военачальник, участник Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Командовал частями и соединениями, действовавшими на северо-западных участках советско-германского фронта.

40

Исса Александрович Плиев в то время командовал 3-й гвардейской кавалерийской дивизией, входившей в состав 2-го кавалерийского корпуса. Впоследствии — генерал армии, дважды Герой Советского Союза.

41

Хохлов Иван Сергеевич (1895—1975) — генерал-лейтенант интендантской службы (1943 г.). В ходе Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — член Военного совета Западного фронта (с сентября 1941 г.) и 3-го Белорусского фронта (с 1944 г.).

42

Федюнинский Иван Иванович (1900—1977) — военачальник, генерал армии (1955 г.), Герой Советского Союза (1939 г.). В Красной Армии с 1919 г. Окончил пехотную школу (1924 г.), курсы «Выстрел» (1931 г.), Высшие академические курсы при Военной академии Генштаба (1948 г.). Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. командовал стрелковым корпусом, 32-й (1941 г.), 42-й (сентябрь — октябрь 1941 г.), 54-й (1941 — 1942 гг.), 5-й (апрель — октябрь 1942 г.) армиями, в октябре 1941 г. — Ленинградским фронтом, был заместитель командующего Волховским (октябрь 1942 — май 1943 гг.) и Брянским (май — июль 1943 г.) фронтами, командующий 11-й (июль — декабрь 1943 г.) и 2-й Ударной (с декабря 1943 г.) армиями. После войны заместитель Главнокомандующего группой советских войск в Германии (1951—1954 гг.), командующий войсками Закавказского (1954—1957 гг.) и Туркестанского (1957—1965 гг.) военных округов. С 1965-го — военный инспектор-советник Группы генеральных инспекторов Министерства обороны.

43

Пигаревич Борис Алексеевич (1898—1961) — военачальник, генерал-полковник (1945). Участвовал в Первой мировой войне. В Красной Армии с 1918 г. Окончил курсы «Выстрел» (1926 г.) и Военную академию Генштаба (1941 г.). С 1922-го — помощник командира роты, затем командир роты, начальник полковой школы, начальник штаба полка, начальник оперативного отделения штаба дивизии, помощник начальника штаба и начальник штаба стрелкового корпуса в Ленинградском военном округе. С сентября 1939-го — начальник штаба 14-й армии, участвовал в Советско-финской войне 1939—1940 гг. В Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. начальник оперативной группы штаба западного направления и начальник штаба 22-й армии Западного фронта. С 1942-го — начальник штаба 5-й армии этого фронта, с 1943 г. — начальник штаба Карельского фронта, с 1944 г. — командир 131-го стрелкового корпуса. После войны преподавал в Военной академии Генштаба (1946—1950 гг.). С 1950-го — зам. начальника Генштаба Войска Польского. С1957 г. — в Генштабе ВС СССР. С 1959 г. в отставке; Переверткин Семен Никифорович (1905—1961) — генерал-полковник, заместитель начальника Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск. В Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. командовал корпусом.

44

Хозин Михаил Семенович (1896—1979) — военачальник, генерал-полковник (1943 г.). Участник Первой мировой войны. В Красной Армии с 1918 г. Участник Гражданской войны. Окончил курсы усовершенствования высшего комсостава при Военной академии им. М.В. Фрунзе (1925). С декабря 1937 г. командовал войсками Ленинградского военного округа. В Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. — начальник штаба Ленинградского фронта, командующий войсками 54-й армии, с октября 1941 по июнь 1942 г. — командующий войсками Ленинградского фронта и одновременно Волховской группой войск, командующий войсками 33-й армии Западного фронта, 20-й армии, особой группой войск Северо-Западного фронта, заместитель командующего войсками Северо-Западного и Западного фронтов. С 1944-го — командующий войсками Приволжского военного округа, в 1946—1959 гг. — начальник ряда военно-учебных заведений. С 1963 г. в отставке.

45

Лееб Вильгельм Йозеф Франц фон (1876—1956), генерал-фельдмаршал. С 1895-го на военной службе. Участник Первой мировой войны. После войны служил начальником отдела в Министерстве обороны, начальником штаба 7-го военного округа, командиром 7-го артиллерийского полка, 7-й пехотной дивизии, командующим 7-м военным округом. С конца 1933-го — командующий 2-й армейской группой. С февраля 1938 г. в отставке. Но вскоре вновь призван на военную службу. С началом Второй мировой войны — командующий группой армий «Ц» на Западном фронте. В начале Советско-германской войны перед группой армий «Ц» (переименованной в группу армий «Север») была поставлена задача уничтожить основные силы противника в Прибалтике и захватить Ленинград. Протесты фон Лееба против расправ, чинимых над мирным советским населением, послужили поводом для его отставки (январь 1942 г.). Весной 1945-го был арестован американцами и приговорен как военный преступник к трем годам тюремного заключения; Кюхлер Георг Карл Фридрих Вильгельм фон (1881—1968) — военачальник, генерал-фельдмаршал (1942 г.). С 1901 г. на военной службе. Участник Первой мировой войны. В 1919—1920 гг. служил в штабе генерала-графа Р. Фон дер Гольца, командовавшего немецкой добровольческой дивизией в Прибалтике. С 1919 г. служил в штабе 1-го корпуса, затем преобразованного в 1-й военный округ. С 1924-го — комендант Мюнстера, с 1932-го — заместитель командира артиллерии 1-й дивизии и военного округа в Кенигсберге. В 1935—1936 гг. — инспектор военных школ, в 1936—1937 гг. — заместитель председателя Верховного военного суда. С 1937-го — командующий 1-м армейским корпусом В октябре 1939-го получил в командование 18-ю армию. В 1940-м участвовал в оккупации Голландии и Франции. С 18-й армией воевал и на советско-германском фронте. В январе 1944 г. заменен генералом В. Моделем и переведен в резерв. После войны провел восемь лет в заключении; Линдеман Георг (1884—1963) — генерал-полковник (1942 г.). На военной службе состоял с 1903 г. Участник Первой мировой войны. С 1931 г. — командир 13-го кавалерийского полка, с 1933-го — начальник военного училища. Участник Второй мировой войны. С июня 1941 г. — на советско-германском фронте. Командовал корпусом, с января 1942-го — командующий 18-й армией. С марта 1944 года — командующий группой армий «Север». С января 1945-го — командующий группировкой вермахта в Дании.

46

Астанин Андрей Никитович (1897—1960) — военачальник, генерал-лейтенант (1943 г.). В Красной Армии с 1918 г., участник Гражданской войны. Окончил 49-е Грозненские пехотные командные курсы (1922 г.), курсы «Выстрел» имени Коминтерна (1926 г.), Военную академию РККА им. М.В. Фрунзе (1934 г.), Высшие курсы при Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова (1950 г.). Помощник командира полка по строевой части 38-го стрелкового полка 13-й Дагестанской стрелковой дивизии (1936), командир 134-го стрелкового полка 45-й стрелковой дивизии (1938), комендант Каменец-Подольского укрепрайона (1938), начальник управления строительства № 210 (1938—1939); командир 140-й стрелковой дивизии. Участник Советско-финской войны: командир 131-й стрелковой дивизии, помощник командующего войсками Прибалтийского военного округа. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. командир 41-го стрелкового корпуса 11-й армии Северо-Западного фронта, командующий войсками Лужского сектора обороны Лужской оперативной группы войск Северного Ленинградского фронта, заместитель командующего 8-й армией Ленинградского фронта по тылу, командующий 2-й Невской, затем Приморской оперативной группами Ленинградского фронта, командующий войсками внутренней обороны Ленинграда, командир 116-го стрелкового корпуса, заместитель командующего 23-й армией Ленинградского фронта, заместитель командующего 8-й армией Ленинградского фронта. После войны — заместитель командующего войсками Западно-Сибирского военного округа, помощник командующего 28-й армией, старший военный советник командующего военным округом Чехословацкой армии (1953—1957). В запасе с июля 1957 г.

47

Интересный факт: «Гитлеровское командование на 1942 г. планировало предпринять наступление на Ораниенбаумский плацдарм с целью его ликвидации. 21 июня 1942 г. был даже отдан приказ по 18-й армии о подготовке этого наступления (операция «Бетельштаб» — «Посох нищего»). Самым ранним сроком наступления предполагалось 6 сентября 1942 г. Однако в связи с решением предпринять наступление на Ленинград подготовка этой операции была приостановлена». (См.: Не покоренный Ленинград. Л., 1970.)

48

Стариков Филипп Никанорович (1896—1980) — военачальник, генерал-лейтенант (1942 г.). В Красной Армии с 1918 г. Участвовал в Гражданской войне. Окончил Самарские пехотные курсы комсостава (1920 г.), курсы «Выстрел» (1928 г.) и Высшие академические курсы при Военной академии Генштаба (1949 г.). С 1925-го — командир батальона, с 1930 г. — командир и комиссар Памирского отряда, с 1931-го — начальник 1-й части штаба дивизии. В 1932—1937 гг. — командир и комиссар стрелкового полка, командир стрелковой дивизии, с октября 1938 г. — 19-го стрелкового корпуса. Участник Советско-финской войны 1939—1940 гг. В Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. воевал на Северном, Ленинградском и Волховском фронтах: начальник Восточного сектора Лужской оперативной группы, командующий 23-й армией, командующий Синявинской оперативной группой войск, 8-й армией, Волховской оперативной группой. С апреля 1942 г. и до конца войны — командующий 8-й армией. В1945—1949 гг. — заместитель командующего войсками Московского военного округа, помощник генерал-инспектора мотострелковых войск Главной инспекции Министерства обороны СССР, преподаватель Военной академии Генштаба. В 1949—1951 и 1953—1954 гг. — заместитель председателя ЦК ДОСААФ. В 1951—1953 гг. работал в Совете Министров СССР. С июля 1954-го начальник кафедры Московского института внешней торговли. С 1955-го в запасе.

49

Клыков Николай Кузьмич (1888—1968) — генерал-лейтенант (1940 г.). Участник Первой мировой войны. В Красной Армии с 1918 г. Участник Гражданской войны. Окончил курсы усовершенствования комсостава (1926 г.), Высшие академические курсы при Воен. академии им. М.В. Фрунзе (1929 г.). С 1921 г. командовал стрелковым полком, затем был помощником командира стрелковой дивизии, комендантом Москвы, начальником отдела штаба Московского военного округа. С1931-го—командир стрелковой дивизии. С 1937-го—военный руководитель в 1-м Московском государственном университете, командир корпуса военно-учебных заведений Московского военного округа, с 1938-го помощник командующего войсками Московского военного округа по военно-учебным заведениям. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. командовал 32,52 и 2-й Ударной армиями, помощник командующего войсками Волховского фронта. С июня 1943-го заместитель командующего войсками Московского военного округа, а с апреля 1944-го — командующего войсками Северо-Кавказского воен. округа. С декабря 1945 г. в отставке.

50

Гаген Николай Александрович (1895—1969) — военачальник, генерал-лейтенант (1943 г.). Участник Первой мировой войны. В Красной Армии с 1919 г. Участвовал в Гражданской войне. Окончил Высшую военно-педагогическую школу (1929 г.). С 1921 г. — командир батальона и преподаватель Саратовской школы комсостава запаса. С 1930-го — командир стрелкового полка, помощник командира стрелковой дивизии, начальник обозно-вещевого снабжения Приволжского воен. округа, помощник начальника Казанского пехотного училища. С июля 1940-го — командир стрелковой дивизии. В Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. командовал 153-й стрелковой дивизией, 3-й гвардейской стрелковой дивизией, Волховской оперативной группой, 4-м гвардейским стрелковым корпусом, командующий 57-й, 26-й армиями. После войны командовал корпусом, с февраля 1947-го — помощник командующего войсками Приморского, затем Дальневосточного военных округов. С 1959 г. в отставке.

В других источниках: дивизия СС «Полиция».

52

Гусев Дмитрий Николаевич (1894—1957) — генерал-полковник (1944 г.), Герой Советского Союза (1945 г.). Участник Первой мировой войны. В Красной Армии с 1919 г., участвовал в Гражданской войне. Окончил курсы «Выстрел» (1926 г.), Высшие академические курсы при Академии Ген штаба (1950 г.). С 1921 г. на командных должностях до заместителя начальника штаба военного округа. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. был начальником штаба армии, заместителем начальника штаба фронта, с октября 1941 г. — начальник штаба Ленинградского фронта, с 1944-го — командовал 21-й армией. После войны командовал войсками Ленинградского, Восточно-Сибирского и Забайкальского военных округов. С 1955 г. — в запасе.

53

Мехлис Лев Захарович (1889—1953) — государственный и партийный деятель. Во время Гражданской войны на политработе в Красной Армии. В 1921—1926 гг. — на советской и партийной работе. После окончания института красной профессуры (1930 г.) — заведующий Отделом печати ЦК ВКП(б), одновременно член редколлегии «Правды». В 1937—1940 гг. — начальник Главного политического управления Красной Армии. В 1940—1941 гг. — народный комиссар Госконтроля СССР. С 1941 г. вновь начальник Главного политического управления и заместитель наркома обороны. Член военных советов ряда армий и фронтов. В 1946—1950 гг. — министр Госконтроля СССР.

54

Шарохин Михаил Николаевич (1898—1974) — военачальник, генерал-полковник (1945 г.), Герой Советского Союза (1945 г.). В Красной Армии с 1918 г. Участник Гражданской войны. Окончил кавказские курсы усовершенствования комсостава (1926 г.), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1936 г.), Военную академию Генштаба (1939 г.). В Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. — заместитель начальника Оперативного управления и заместитель начальника Генштаба, начальник штаба 3-й Ударной армии на Калининском фронте, начальник штаба Северо-Западного, Волховского фронтов, командующий войсками 37-й, 57-й армий на Степном, 2-м и 3-м Украинских фронтах. После войны на командных должностях в войсках и начальник управления в Генштабе Вооруженных сил. С 1951 г. — заместитель начальника Главного военно-научного управления Генштаба, с 1953-го — начальник управления Высших военно-учебных заведений Министерства обороны, с 1957-го — научный консультант при заместителе министра обороны по вопросам военной науки, с 1958-го — военный консультант Группы Генеральных инспекторов Министерства обороны. С сентября 1960 г. — в отставке.

55

Духанов Михаил Павлович (1896—1969) — генерал-лейтенант (1943 г.). В Красной Армии с 1918 г. Участник Гражданской войны, начальник отдела штаба армии. Окончил Военную академию РККА (1921 г.). Участник Советско-финской войны 1939—1940 гг. С 1940-го — помощник командующего Ленинградским Военным округом. В ходе Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — командир стрелковой дивизии, начальник штаба 2-й Невской оперативной группы, помощник командующего Ленинградским фронтом, командующий Невской оперативной группой, 67-й армией, заместитель командующего 8-й армией. После войны — заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа по вузам.

56

Романовский Владимир Захарович (1896—1967) — военачальник, генерал-полковник (1945 г.). Участник Первой мировой войны. В Красной Армии с 1918 г. Участвовал в Гражданской войне. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе (1935 г.) и Высшие академические курсы при Военной академии Генштаба (1948 г.). Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — командующий Архангельским военным округом, заместитель командующего и командующий 1-й Ударной, 2-й Ударной армиями; заместитель командующего войсками 4-го Украинского фронта, командующий войсками 67-й и 19-й армий на Северо-Западном, Волховском, Ленин градском, 3-м Прибалтийском и 2-м Белорусском фронтах. В1945—1951 гг. командовал рядом военных округов, затем был начальником Высших академических курсов (1952—1957 гг.) и начальником факультета (1957—1959 гг.) Военной академии им. М.В. Фрунзе. С октября 1959 г. в отставке.

57

Штыков Терентий Фомич (1907—1964) — генерал-полковник (1944 г.). С 1938 г. — 2-й секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), во время Советско-финской войны 1939—1940 гг. — член Военного совета 7-й армии. В Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. — член Военного совета Северо-Западного, Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов. С апреля 1945 г. — член Военного совета Приморской группы войск, 1-го Дальневосточного фронта. С конца 1945 г. — член Военного совета и заместитель командующего войсками Приморского военного округа по политчасти. В 1948—1951 гг. — чрезвычайный и полномочный посол СССР в КНДР. С апреля 1959 г. — чрезвычайный и полномочный посол СССР в Венгрии. С 1961-го — председатель Комиссии Государственного контроля Совета Министров РСФСР.

58

Симоняк Николай Павлович (1901—1956) — военачальник, генерал-лейтенант (1944 г.), Герой Советского Союза (1943 г.). В Красной Армии с 1918 г. Участник Гражданской войны. Окончил командные курсы (1922 г.), кавказские курсы усовершенствования комсостава (1929 г.) и Военную академию им. М.В. Фрунзе (1936 г.). С декабря 1923-го — командир взвода, затем помощник командира эскадрона, с 1926 г. — командир эскадрона. В 1936—1940 гг. служил в штабе кавалерийской дивизии, начальник группы контроля при Военном совете и старший помощник инспектора пехоты Ленинградского военного округа. С декабря 1940-го — командир 8-й отдельной стрелковой бригады. С марта 1942 г. — командир 136-й стрелковой дивизии. С 1943-го — командир 30-го гвардейского стрелкового корпуса, с 1944 г. — командующий 3-й Ударной, 67-й армиями. С 1948 г. в отставке.

59

Борщев Семен Николаевич — военачальник. Во время Великой Отечественной войны командовал стрелковыми дивизиями. (См.: *Борщев С.Н.* От Невы до Эльбы. Л., 1970.)

60

Пархоменко Федор Назарович — генерал-майор. Во время войны командовал рядом стрелковых дивизий.

61

Свиридов Владимир Петрович (1897—1963) — генерал-лейтенант (1943 г.). В Красной Армии с 1919 г. В июне 1941 г. — генерал-майор артиллерии, начальник артиллерии Северного фронта, начальник артиллерии — заместитель командующего Ленинградского фронта, командующий 55-й, 67-й и 42-й армиями. В1945—1948 гг. — заместитель председателя Союзной контрольной комиссии в Венгрии, затем на командных должностях в Советской армии.

62

Сухомлин Александр Васильевич (1900—1970) — военачальник, генерал-лейтенант (1942 г.). В Красной Армии с 1918 г. Участник Гражданской войны. Окончил пехотную школу (1920 г.), курсы «Выстрел» (1922 г.), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1927 г.), Военную академию Генштаба (1938 г.). В 1921—1931 гг. — командир роты, батальона, начальник штаба стрелкового полка, начальник 1-й части штаба дивизии, помощник начальника отдела 1-го управления Штаба Красной Армии. С1931-го — начальник учебной части факультета, затем начальник и комиссар подготовительного курса Военной академии им. М.В. Фрунзе. С 1933-го — заместитель начальника и начальник отдела, а с 1936-го помощник армейского инспектора Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. В Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. заместитель начальника штаба Северо-Западного фронта, начальник штаба 54-й армии, командующий 8-й и 54-й армиями, помощник командующего Волховским фронтом, командующий 10-й гвардейской армией Западного фронта. С февраля 1944-го — первый заместитель начальника Военной академии им. М.В. Фрунзе, с 1949 г. — начальник факультета, преподаватель Военной академии Генштаба. В 1959—1963 гг. на научно-исследовательской работе в Генштабе и преподавательской работе в Военной академии Генштаба. С 1963 г. — в отставке.

63

Масленников Иван Иванович (1900—1954) — военачальник, генерал армии (1944 г.), Герой Советского Союза (1945 г.). В Красной Армии с 1918 г. Участник Гражданской войны. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе (1935 г.) и Высшие академические курсы (1948 г.). С 1928 г. на руководящей работе в органах ОГПУ и НКВД. В Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. — командующий войсками 29-й и 39-й армий Западного и Калининского фронтов, Северной группы войск Закавказского и войсками Северо-Кавказского фронтов, заместитель командующего войсками Волховского, Юго-Западного, 3-го Украинского и Ленинградского фронтов, командующий войсками 42-й армии, 3-го Прибалтийского фронта (1944), заместитель Главкома советских войск на Дальнем Востоке. После 1945 г. командовал войсками Бакинского и Закавказского военных округов, с 1948-го — в министерстве внутренних дел СССР.

64

Озеров Федор Петрович (1899—1971) — военачальник, генерал-лейтенант (1943 г.). В Красной Армии с 1918 г. Участник Гражданской войны. Окончил Московские пехотные командные курсы (1919 г.), курсы «Выстрел» (1923 г.), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1932 г.), Военную академию Ген штаба (1938 г.). С 1938 г. — преподаватель Военной академии Генштаба, с 1939-го — начальник штаба стрелкового корпуса, с 1940-го — командир стрелковой дивизии. Участвовал в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. С августа 1941 г. — начальник штаба 34-й армии Северо-Западного фронта, с мая 1942-го — командующий 27-й армией. С 1943-го — начальник штаба Волховского фронта, с 1944 г. — начальник штаба 18-й армии. С февраля 1945-го — командующий 50-й армией. После войны — начальник штаба Смоленского военного округа, заместитель начальника и начальник кафедры Военной академии Генштаба. С 1954 г. в отставке.

65

Попов Маркиан Михайлович (1902—1969) — военачальник, генерал армии (1953 г.), Герой Советского Союза (1965 г.). В Красной Армии с 1920 г., участвовал в Гражданской войне. Окончил пехотные курсы (1922 г.), курсы «Выстрел» (1925 г.), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1936 г.). Служил начальником штаба механизированной бригады и механизированного корпуса, заместителем командующего — начальника штаба (с 1938 г.) и командующим (с 1939 г.) 1-й Отдельной Краснознаменной армией на Дальнем Востоке, с января 1941-го — командующий войсками Ленинградского военного округа. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. командовал войсками Северного и Ленинградского фронтов, 61-й и 40-й армий, был заместителем командующего войсками Сталинградского фронта, командовал войсками 5-й Ударной и 5-й танковой армий, был заместителем командующего войсками Юго-Западного фронта, командующим войсками Резервного, Брянского, Прибалтийского и 2-го Прибалтийского фронтов, начальником штаба Ленинградского, 2-го Прибалтийского, а затем вновь Ленинградского фронтов. После войны командовал войсками Львовского и Таврического военных округов. С 1955-го — заместитель начальника, а затем начальник Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск, с 1956-го — начальник Главного штаба — 1-й заместитель главнокомандующего Сухопутными войсками, с 1962 г. — военный инспектор — советник Группы Генеральных инспекторов Министерства обороны.

Трибуц Владимир Филиппович (1900—1977) — военачальник, адмирал (1943 г.). На флоте с февраля 1918 г. Участвовал в Гражданской войне. Окончил Военно-морское училище им. М.В. Фрунзе (1926 г.) и Военно-морскую академию (1932 г.). В 1926-1929 и 1932-1936 гг. служил на боевых кораблях Балтийского флота. В 1938—1939 гг. — начальник штаба Балтийского флота. С 1939 по 1947 г. командовал Балтийским флотом, руководя им во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. В 1947—1948 гг. — заместитель главнокомандующего войсками Дальнего Востока по военно-морским силам, затем на руководящих должностях в Военно-морском флоте и Министерстве обороны СССР. С февраля 1961 г. в отставке; Смирнов Николай Константинович (1902—1973) — вице-адмирал (1944 г.). В Военно-морском флоте с 1923 г. Окончил Военно-политическую школу им. Ф. Энгельса (1924 г.), Военно-политическую академию им. В.И. Ленина (1933 г.), Институт красной профессуры (1938 г.). С 1924-го служил в частях Балтийского флота, был начальником клуба, политическим лектором, секретарем партийной организации, военкомом корабля. В 1934—1936 гг. — комиссар дивизиона торпедных катеров. В 1938—1939 гг. — инструктор, инспектор, зав. отделом и зам. начальника Главного политуправления Военно-морского флота. В 1940—1941 гг. — член Военного совета Северного флота, начальник курсов усовершенствования политсостава ВМФ, заместитель командующего морской обороной Ленинграда и озерного района по политчасти. С июля 1941 г. — член Военного совета Балтийского флота. С июля 1945 г. в запасе; Петров Анатолий Николаевич (1903—1980) — вице-адмирал (1951 г.). В Военно-морском флоте с 1921 г. Окончил Военно-морское училище (1925 г.), специальные курсы командного состава (1927 г.), курсы командиров миноносцев (1937 г.). Служил штурманом на миноносце Балтийского флота (1925— 1929 гг.), старшим штурманом на крейсере Черноморского флота (1929—1932 гг.), флагманским штурманом бригады крейсеров на Черноморском (1932—1935 гг.) и бригады линкоров на Балтийском (1935—1936 гг.) флотах. С 1936 г. — командир эсминца, командир строящегося линкора (1938 г.), командир крейсера (1939—1941 гг.). В 1942 г. был назначен начальником отдела штаба, с 1943-го и до конца войны — начальник штаба Балтийского флота. В 1945—1946 гг. — помощник председателя Союзной контрольной комиссии в

Финляндии. С 1946 г. — командующий Кронштадтским морским районом, с 1947 г. — начальник штаба, первый заместитель командира 8-го ВМФ, с 1952 г. — заместитель начальника, затем начальник Военно-морской академии кораблестроения и вооружения им. А.Н. Крылова. С 1960 г. в запасе.

67

Зайцев Пантелеймон Александрович — генерал-майор, во время войны командовал 50-м стрелковым и 122-м стрелковым корпусами.

68

Самохин Михаил Иванович (1902—?) — военачальник. Герой Советского Союза (1945 г.). В Военно-морском флоте с 1924 г. Окончил Военно-теоретическую школу Военно-воздушных сил (1929 г.), Качинскую военную авиационную школу пилотов (1931 г.). С 1939 г. — заместитель командующего Военно-воздушными силами Балтийского флота. Участник Советско-финской войны 1939—1940 гг. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. командовал Военно-воздушными силами Балтийского флота. После войны окончил Высшие академические курсы при Военно-морской академии (1947 г.) и при Военной академии Генштаба (1951 г.). Командовал Военно-воздушными силами ряда флотов. С 1951 г. — начальник ПВО ВМС, заместитель командующего авиацией ВМС, с 1957-го — заместитель главкома Войсками ПВО СССР, в 1961 —1963 гг. — помощник главкома Войсками ПВО страны. С 1963 г. — в запасе.

69

Щеглов Афанасий Федорович (1912—1995) — военачальник, генерал армии (1970 г.), Герой Советского Союза (1944 г.). В Красной Армии с 1929 г. Окончил Объединенную военную школу ВЦИК (1933 г.), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1939 г.). Участник Советско-финской войны 1939—1940 гг. В Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. командовал истребительно-противотанковым артиллерийским полком, стрелковым полком, 63-й гвардейской стрелковой дивизией, с 1944 г. — 30-м гвардейским стрелковым корпусом Ленинградского фронта. В 1948 г. окончил Военную академию Генштаба. С 1949-го на ответственных командных должностях в войсках. Командующий войсками Бакинского округа Противовоздушной обороны, 1-й заместитель главкома войсками Противовоздушной обороны страны. С 1985 г. — военный советник Группы Генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Романенко Порфирий Логинович, впоследствии генерал-лейтенант, командир 1-го механизированного корпуса; Чарнявский Болеслав Болеславович (1898—1961) — генерал-полковник артиллерии, начальник кафедры Военной академии им. М.В. Фрунзе. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — командующий артиллерией фронта; Голова нов Александр Евгеньевич (1904—1975) — главный маршал авиации (1944 г.). В Красной Армии служил с 1919 г. В июне 1941 г. — подполковник, командир 81-й дальнебомбардировочной дивизии, с февраля 1942-го — командующий авиацией дальнего действия, с декабря 1944 г. — командующий 18-й воз душной армией. (См.: *Голованов Л.Е.* Записки командующего авиацией дальнего действия. М., 1997.); Рыбальченко Степан Дмитриевич (1903—1986) — генерал-полковник авиации (1944 г.). В Красной Армии с 1919 г. В 1938-1941 гг. — начальник отдела и заместитель начальника штаба Военно-воздушных сил Ленинградского военного округа. В ходе Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — заместитель начальника штаба Военно-воздушных сил Северного фронта, начальник штаба, с февраля 1942-го — командующий Военно-воздушными силами Ленинградского фронта, с ноября того же года — командующий 13-й воздушной армией.

71

Там же. С. 25. Модель Вальтер (1891—1945) — генерал-фельдмаршал (1944 г.). В армии с 1909 г., участник Первой мировой войны. С ноября 1940-го — командовал 3-й танковой дивизией, с октября 1941 г. — командир 41-го танкового корпуса, с января 1942 по ноябрь 1943 г. — командующий 9-й армией на Восточном фронте. В 1944-м командовал группами армий «Север», «Северная Украина», «Центр». В августе 1944-го Модель сменил фельдмаршала Гюнтера фон Клюге на посту командующего войсками Запада. С сентября 1944 г. командовал группой армий «Б» во Франции. 21 апреля 1945 г. застрелился в лесу под Дуйсбургом.

72

Кузнецов Алексей Александрович (1905—1950) — государственный и партийный деятель. В 1924—1932 гг. на комсомольской и партийной работе в Новгородской губернии и Ленинградской области. В 1937—1938-м — 2-й секретарь Ленинградского обкома, в 1938—1945-м и горкома ВКП(б). В 1939—1946 гг. — член Военного совета Балтийского флота. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — один из руководителей обороны Ленинграда, член Военного совета Ленинградского фронта, генерал-лейтенант (1943). В 1945—1946 гг. — 1-й секретарь Ленинградского обкома и горкома партии, в 1946—1949 гг. — секретарь ЦК ВКП(б). Репрессирован.

73

Соловьев Николай Васильевич (1903—1949) — председатель исполкома Ленинградского областного совета. Член Военного совета Ленинградского фронта, впоследствии — генерал-лейтенант. Репрессирован по так называемому «ленинградскому делу».

74

Берггольц Ольга Федоровна (1910—1975) — писательница. Пережив блокаду Ленинграда, Ольга Федоровна посвятила обороне города на Неве произведения: «Февральский дневник» и «Ленинградская поэма» (1942 г.), «Твой путь» (1945 г.), сборник «Говорит Ленинград» (1946 г.).

75

Одинцов Георгий Федотович (1900—1972) — военачальник, маршал артиллерии (1968 г.). В Красной Армии с 1920 г. Участник Гражданской войны. Окончил Киевскую объединенную школу (1927 г.), Артиллерийскую академию (1934 г.). С 1935-го на преподавательской работе в Артиллерийской академии. В Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. командир Лужской артиллерийской группы Северного фронта, начальник штаба артиллерии 54-й армии и штаба артиллерии Ленинградского фронта, командующий артиллерией Ленинградского фронта. В 1945—1947 гг. — командующий артиллерией Ленинградского военного округа, войсками Дальневосточного военного округа (1947—1953 гг.), начальник Военной инженерной академии им. Ф.Э. Дзержинского (1953—1969 гг.). В1969—1971 гг. в отставке, с июля 1971-го — военный инспектор — советник Министерства обороны СССР.

76

Черепанов Александр Иванович (1895—1984) — военачальник, генерал-лейтенант (1943 г.). Окончил Военную академию РККА (1923 г.). Участник Первой мировой войны. С января 1918 г. в Красной Армии. Участник Гражданской войны. В 1923—1927 гг. — военный советник в Китае. С1929 г. командир дивизии, служил в центральном аппарате Наркомата обороны. В 1938—1939 гг. — главный военный советник при Нанкинском правительстве Китая. С 1939-го — старший пре подаватель Военной академии Генштаба. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: главный инспектор при главнокомандующем войсками северо-западного направления, командующий 23-й армией, с ноября 1944-го — заместитель, помощник председателя, с мая 1947 г. — председатель Союзной контрольной комиссии в Болгарии и главный советник Болгарской народной армии. В 1948—1955 гг. — заместитель начальника Управления высших военно-учебных заведений. С ноября 1955 г. в отставке.

77

Новиков Александр Александрович (1900—1976) — главный маршал авиации (1944 г.), дважды Герой Советского Союза (1945 и 1945 гг.). В Красной Армии с 1919 г. Участник Гражданской войны. Окончил курсы «Выстрел» (1922 г.) и Военную академию им. М.В. Фрунзе (1930 г.). С 1938 г. — начальник штаба Военно-воздушных сил Ленинградского военного округа, а во время Советско-финской войны 1939—1940 гг. начальник штаба ВВС Северо-Западного фронта. С 1940-го — командующий ВВС Ленинградского военного округа, а после начала Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Северного (с августа 1941 г. — Ленинградского) фронта, 1-й заместитель командующего, в 1942—1946 гг. — командующий ВВС Советский Армии. С 1953 г. — командующий Дальней авиацией, в 1954—1955 гг. — одновременно заместитель Главкома ВВС. С 1956 г. — в запасе.

78

Коровников Иван Терентьевич (1902—1976) — военачальник. В Красной Армии с 1919 г. Участник Гражданской войны. Окончил Военно-политическую школу (1923 г.), курсы усовершенствования старшего политсостава при Военно-политической академии (1931 г.). После 1921 г. — помощник военкома и военком артиллерийского дивизиона, военком артиллерийского полка. С 1937 г. — военный комиссар 9-й мотобронебригады, военком 57-го особого стрелкового корпуса. С марта 1941 г. — заместитель командира 2-й танковой дивизии. В июле 1941 г. — заместитель командира, командир 12-го механизированного корпуса, заместитель командующего оперативной группой двинского направления и командующий Новгородской армейской группой Северо-Западного фронта. С 1942 г. — командующий оперативной группой 2-й Ударной армии, командующий 59-й армией. С 1945 г. — командующий Ставропольским военным округом, с 1946 г. — заместитель, с 1947-го — 1-й заместитель начальника Главного управления кадров Вооруженных сил СССР. С 1952-го — начальник Центрального автотракторного управления Министерства обороны СССР. С 1963 г. — в отставке.

79

Баграмян Иван Христофорович (1897—1982) — военачальник, Маршал Советского Союза (1955 г.), Герой Советского Союза (1944 и 1977 гг.). В Великую Отечественную войну 1941—1945 гг. — командующий армией, с 1943-го — войсками 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. В 1955—1956 гг. — заместитель министра обороны СССР, в 1956—1958-м — начальник Военной академии Генштаба, в 1958—1968 гг. — начальник Тыла Вооруженных сил СССР.

80

Черняховский Иван Дмитриевич (1906—1945) — военачальник, генерал армии (1944 г.), дважды Герой Советского Союза (1943 и 1944 гг.). В Красной Армии с 1924 г. Окончил Киевскую артиллерийскую школу (1928 г.), Военную академию механизации и моторизации РККА (1936 г.). Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. командовал 28-й танковой, 241-й стрелковой дивизиями на Северо-Западном фронте; 18-м танковым корпусом на Воронежском фронте, войсками 60-й армии на Воронежском, Центральном и 1-м Украинском фронтах. В 1944 г. — командующий войсками Западного, 3-го Белорусского фронтов. Смертельно ранен в районе г. Мельзак.

81

Пэрн Лембит Абрамович (1903—1974) — в Красной Армии с 1922 г. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе и Академию Генерального штаба. В период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — начальник штаба 2-го Особого стрелкового корпуса, начальник штаба 50-й армии, начальник штаба 59-й армии, командир 249-й и 7-й эстонских дивизий, 8-го эстонского корпуса. После войны министр обороны и военный комиссар Эстонской ССР.

82

Антонов Алексей Иннокентьевич (1896—1962) — генерал армии (1943 г.). Окончил Павловское военное училище (1916 г.). Участвовал в Первой мировой войне. С апреля 1919 г. в Красной Армии, участвовал в Гражданской войне. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе (1931 г.), оперативный факультет этой же академии (1933 г.), Академию Генштаба (1937 г.). В1938—1940 гг. на преподавательской работе. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — занимал должности начальника штаба Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов и Черноморской группы войск. С декабря 1942-го — 1-й заместитель начальника Генштаба, с февраля 1945 г. — начальник Генерального штаба. С марта 1946 г. — 1-й заместитель начальника Генштаба. В 1948—1954 гг. — 1-й заместитель и командующий войсками Закавказского военного округа. С апреля 1954 г. — 1-й заместитель начальника Генштаба, а с 1955-го — начальник штаба Объединенных Вооруженных сил стран Варшавского договора.

83

Шернер Фердинанд (1892—1973) — генерал-фельдмаршал (1945 г.). На военной службе состоял с 1911 г., участник Первой мировой войны. В 1942—1943 гг. командовал 19-м горно-стрелковым корпусом, действовавшим в Лапландии, затем — 40-м танковым корпусом, воевавшим на Украине. С апреля 1944 г. — главнокомандующий группой армий «Юг», с июля 1944 г. — главнокомандующим группой армий «Север», с января 1945-го — главнокомандующий центральной группировкой войск.

84

Рандулич Лотар (1887—1971) — генерал-полковник. 15 января 1945 г. назначен командующим группой армий «Север» в Прибалтике. Тогда же группа армий «Север» переименована в группу армий «Курляндия», а 26 января Рендулич стал командующим новой группой армий «Север», преобразованной из группы «Центр», после — группой армий «Юг». 8 мая 1945 г. Лотар Рендулич вывел свои войска с советско-германского фронта и сдался американцам; Гильперт Карл Август (1888—1947) — генерал-полковник (1945 г.). С1907 г. на военной службе. Участник Первой мировой войны. Воевал на советско-германском фронте с июня 1942 г. С сентября 1944-го командовал 16-й армией, затем — группами армий «Север» и «Курляндия». Сдался в плен советским войскам. Умер в советской тюрьме от инфаркта (по официальной версии).

85

Богаткин Владимир Николаевич (1903—1956) — генерал-лейтенант (1942 г.). В Красной Армии с 1920 г. Участник Гражданской войны. Окончил Всесоюзный Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова (1933 г.), военное училище (1935 г.). Начальник политического управления Сибирского военного округа (1938—1939 гг.), член Военного совета 1-й Особой Дальневосточной армии (1939—1940 гг.), начальник политического управления и член Военного совета Московского военного округа (март 1940 — июнь 1941 г.). В период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — член Военного совета Северо-Западного фронта, начальником инспекторской группы Главного политического управления, член Военного совета 2-го Прибалтийского и Ленинградского фронтов. После войны член Военного совета (1945—1946 гг.) и заместитель по политчасти командующего войсками Ленинградского военного округа (1946—1949 гг.), заместитель по политчасти начальника Управления высших военно-учебных заведений (1950—1951 гг.), начальник политотдела Генштаба (1951—1955 гг.).

Морская линия *(нем.)*.

87

Беге Эренфрид (1889—1965) — генерал пехоты (1944 г.). На военной службе состоял с 1913 г. Участник Первой мировой войны. С июня 1941 г. на советско-германском фронте. С сентября 1944-го и до конца войны командовал 18-й армией. До 1955 г. отбывал срок в советских лагерях для военнопленных (Москва, Воркута).

Кузнецов Николай Герасимович (1904—1974) — вице-адмирал (1956 г.), Герой Советского Союза (1945 г.). На военной службе с 1919 г., участник Гражданской войны. Окончил Военно-морское училище (1926 г.) и Военно-морскую академию (1932 г.). В 1934—1936 гг. — командир крейсера «Червона Украина», в 1936—1937 гг. — военно-морской атташе и советник в Испании, в 1937—1939 гг. — заместитель, а затем командующий Тихоокеанским флотом, в 1939—1946 гг. — нарком ВМФ СССР, председатель Главного военного совета ВМФ (1941 г.) и главнокомандующий ВМФ во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С февраля 1947 г. — начальник Управления военно-морских учебных заведений, с июня 1948-го — заместитель главнокомандующего войсками Дальнего Востока по военно-морским силам, с февраля 1950 г. — командующий Тихоокеанским флотом, с июля 1951 г. — военно-морской министр. С марта 1953 г. — 1-й заместитель министра обороны СССР, главнокомандующий ВМФ. С февраля 1956 г. в отставке; Галлер Лев Михайлович (1883—1950) — адмирал (1940 г.). Окончил Морской кадетский корпус (1905 г.) и офицерский артиллерийский класс (1912 г.). Участник Первой мировой войны. С 1918 г. на службе в Красной Армии. Участник Гражданской войны. В 1921 г. — начальник минной дивизии, начальник штаба Балтийского флота. Окончил курсы высшего начсостава при Военно-морской академии (1926 г.) и с 1927-го командовал бригадой линкоров Балтийского флота. В 1932—1937 гг. — командующий Балтийским флотом, с 1937-го — заместитель начальника морских сил Наркомата обороны СССР, с 1938 г. — начальник Главного морского штаба, с 1940-го — заместитель наркома ВМФ по кораблестроению и вооружению. В 1947—1948 гг. — начальник Военно-морской академии кораблестроения и вооружения им. А.Н. Крылова; Алафузов Владимир Антонович (1901— 1966) — адмирал (1944 г.). В Красной Армии с 1918 г., участник Гражданской войны. Окончил Военно-морское училище (1923 г.), Военно-морскую академию (1932 г.), служил в штабе Черноморского флота. В 1938—1943 гг. — на руководящих должностях в Главном штабе ВМФ, с февраля 1943-го — начальник штаба Тихоокеанского флота, начальник Главного штаба ВМФ. В 1945—1953 гг. — начальник Военно-морской академии. В 1953—1966 гг. сотрудник Военно-морской академии и редакции Морского атласа; Степанов Георгий Андреевич (1890—1957) — вице-адмирал (1940 г.). В Военно-

морском флоте с 1918 г. Участник Гражданской войны. Окончил Высшие морские академические курсы при Военно-морской академии (1926 г.). В 1919—1920 гг. — начальник штаба Онежской воен. флотилии и отряда судов Черноморского флота. Начальник оперативного управления Морского штаба Республики (1921—1924). В 1924—1928 гг. — начальник штаба Морских сил Черного моря; в 1928—1938 гг. — на преподавательской работе. С 1939-го — начальник Военно-морской академии. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — командовал Беломорской военной флотилией (1941—1943 гг.). С апреля 1943 г. исполнял должность начальника Главного морского штаба. С июля 1944 г. — начальник управления военно-морских учебных заведений ВМФ. В 1953—1957 гг. — член редколлегии «Морского атласа».

comments

Ссылки

1

Невское время. 2007, 20 февраля.

2

Винницкий Л. Страницы его жизни // Маршал Говоров. К 100-летию со дня рождения. М, 1997. С. 183.

3

Киселев А. Маршал Советского Союза Леонид Говоров// Полководцы и военачальники Великой Отечественной. М., 1971. Вып. 1.

Винницкий Л. Указ. соч. С. 184.

См.: *Сандалов Л.М.* Трудные рубежи. М., 1965.

Винницкий Л. Указ соч. С. 185.

Москаленко К.С. На юго-западном направлении. Воспоминания командира. М., 1969. Кн. 1.

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. Ч. 1

Винницкий Л. Указ. соч. С. 132.

10

См.: *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М.. 2002. Т. 1.

11

Винницкий Л. Страницы его жизни // Маршал Говоров. К 100-летию со дня рождения. М., 1997. С. 195—196.

См.: *Дегтярев Г.Е.* Таран и щит. М., 1966.

Винницкий Л. Указ. соч. С. 196-197.

Винницкий Л. Указ. соч. С. 197.

Хорошилов Г., Баженов А. Ельнинская наступательная операция 1941 года // Военно-исторический журнал. 1974. №9.

Винницкий Л. Страницы его жизни // Маршал Говоров. К 100-летию со дня рождения. М., 1997. С. 204.

17

Винницкий Л. Указ. соч. С. 204.

Винницкий Л. Указ. соч. С. 208.

Хорошилов Г., Баженов А. Указ. соч.

Винницкий Л. Страницы его жизни // Маршал Говоров. К 100-летию со дня рождения. М., 1997. С. 207-208.

Винницкий Л. Указ. соч. С. 199.

Москаленко К.С. На юго-западном направлении. Воспоминания командарма. М., 1969. Кн.1.

23

Винницкий Л. Страницы его жизни // Маршал Говоров. К 100-летию со дня рождения. М., 1997. С. 213.

См.: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1983.

Винницкий Л. Страницы его жизни // Маршал Говоров. К 100-летию со дня рождения. М., 1997. С. 214.

Битва под Москвой. Хроника, факты, люди. М., 2001. Т. 1.

Минц И. Вызов к Сталину// Маршал Говоров. К 100-летию со дня рождения. М., 1997. С. 303.

28

См.: *Лелюшенко Д.Д.* Москва — Сталинград — Берлин — Прага. Записки командарма. М., 1987.

29

Киселев А. Маршал Советского Союза Леонид Говоров // Полководцы и военачальники Великой Отечествен ной. М., 1971. Вып. 1; *Коробушин В.В.* Маршал Советского Союза Г.К. Жуков: «Генерал Говоров… зарекомендовал себя… как волевой энергичный командир» // Военно-исторический журнал. 2005. № 4.

Брашн М. Герои огненных лет. Очерки о москвичах — Героях Советского Союза. М., 1980. Вып. 4.

31

Минц И. Вызов к Сталину// Маршал Говоров. К 100-летию со дня рождения. М., 1997. С. 303—305.

Киселев А. Маршал Советского Союза Леонид Говоров // Полководцы и военачальники Великой Отечественной. М., 1971. Вып. 1.

Минц И. Вызов к Сталину//Маршал Говоров. К 100-летию со дня рождения. М., 1997. С. 305.

Козинский А. Бои в районе Бородино в 1941—1942 годах // Военно-исторический журнал. 1962. № 9.

Лелюшенко Д. На Можайском направлении // Военно-исторический журнал. 1963. № 9.

Киселев А. Указ. соч.

Винницкий Л. Страницы его жизни // Маршал Говоров. К 100-летию со дня рождения. М., 1997. С. 219,221.

Киселев А. Маршал Советского Союза Леонид Говоров// Полководцы и военачальники Великой Отечественной. М., 1971. Вып. 1.

39

Лидов П. Последние известия с фронтов Отечественной войны. Ожесточенные бои на дорогах к Москве // Правда. 1941. 23 октября.

40

Цит. по: *Винницкий Л.* Страницы его жизни // Маршал Говоров. К 100-летию со дня рождения. М., 1997. С. 222.

41

Ставский Вл. Продолжаются упорные бои // Правда. 1941. 27 октября.

Талонов Ф. Применение бронетанковых войск в битве под Москвой// Военно-исторический журнал. 1967. № 1. С. 17.

Милецкий Я. Контратаки наших войск на Западном фронте // Красная звезда. 1941. 27 октября.

Лидов П. Последние известия с фронтов Отечественной войны. Продолжаются встречные бои // Правда. 1941.29 октября.

Киселев А. Маршал Советского Союза Леонид Говоров // Полководцы и военачальники Великой Отечественной. М., 1971. Вып. 1.

46

См.: *Блюментрит Г.* Фельдмаршал фон Рундштедт. Войсковые операции групп армий «Юг» и «Запад». 1939—1945. М.,2005.

Киселев А. Маршал Советского Союза Леонид Говоров// Полководцы и военачальники Великой Отечественной. М., 1971. Вып. 1.

Винницкий Л. Страницы его жизни // Маршал Говоров. К 100-летию со дня рождения. М., 1997. С. 223-224.

Милецкий Я., Хирен З. Все силы — на защиту родной столицы // Красная звезда. 1941. 25 ноября.

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1988.

51

Минц И. Вызов к Сталину// Маршал Говоров. К 100-летию со дня рождения. М., 1997. С. 306—307.

Киселев А. Маршал Советского Союза Леонид Говоров // Полководцы и военачальники Великой Отечественной. М., 1971. Вып. 1.

Брагин М. Герои огненных лет. Очерки о москвичах — Героях Советского Союза. М, 1980. Вып. 4.

Киселев А. Маршал Советского Союза Леонид Говоров // Полководцы и военачальники Великой Отечественной. М., 1971. Вып. 1.

Киселев А. Указ. соч.

Милецкий Я., Хирей З. В последний час. Контрудар наших войск на Малоярославецком направлении // Красная звезда. 1941. 5 декабря.

Курганов О. Западный фронт, 5 декабря // Правда. 1941. 6 декабря.

58

Цит. по: *Винницкий Л.* Страницы его жизни // Маршал Говоров. К 100-летию со дня рождения. М, 1997. С. 225.

Винницкий Л. Указ. соч. С. 225.

Брагин М. Герои огненных лет. Очерки о москвичах — Героях Советского Союза. М, 1980. Вып. 4.

61

Правда. 1941.8 декабря.

62

Правда. 1941.9 декабря.

Хитров И. Преодолевая сопротивление врага, советские войска продвинулись вперед // Красная звезда. 1941. 10 декабря.

Минц И. Вызов к Сталину//Маршал Говоров. К 100-летию со дня рождения. М., 1997. С. 307.

Винницкий Л. Указ. соч. С. 226.

66

Наступление наших войск продолжается // Красная звезда. 1941.13 декабря.

Правда. 1941. 17 декабря.

68

Как был отбит у немцев Плавск // Красная звезда. 1941. 21 декабря.

Правда. 1941. 25 декабря.

Винницкий Л. Указ. соч. С. 227.

71

Правда. 1942. 17 января.

Правда. 1942. 18 января.

Правда. 1942. 18 января.

Белугин В А. Улыбка командарма // Руза. Литературно-краеведческий альманах. М, 1995. Вып. 4.

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 272.

Минц И. Вызов к Сталину// Маршал Говоров. К 100-летию со дня рождения. М., 1997. С. 308.

Белугин В Л. Улыбка командарма // Руза. Литературно-краеведческий альманах. М., 1995. Вып. 4.

Бычевский Б.В. Маршал Говоров. М., 1970. С. 51.

Эренбург И. Можайск взят // Красная звезда. 1942. 24 января.

Бычевский Б.В. Указ. соч. С. 51.

Винницкий Л. Страницы его жизни // Маршал Говоров. К 100-летию со дня рождения. М., 1997. С. 228.

Минц И. Вызов к Сталину //Маршал Говоров. К 100-летию со дня рождения. М., 1997. С. 308.

Федюнинский И.И. Поднятые по тревоге. М., 1964.

Дзенискевич А. Р., Ковальчук В. М., Соболев Г. Л., Цамутали А. Н., Шишкин В.А. Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. Л., 1970. (Далее: Непокоренный Ленинград. Л., 1970.)

85

Оборона Ленинграда, 1941—1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968. С. 101.

Цит. по: *Бычевский Б.В.* Маршал Говоров. М., 1970. С. 54-56.

Великая Отечественная война 1941—1945. Кн. 2. Перелом. М., 1998. С. 28.

Хаупт В. Группа армий «Север». Бои за Ленинград. 1941-1945. М., 2005. С. 123.

Бычевский Б.В. Маршал Говоров. М., 1970. С. 64.

Бычевский Б.В. Указ. соч. С. 59.

Кузнецов Н.Г. Осажденный Ленинград и Балтийский флот // Вопросы истории, 1965. № 8.

Бычевский Б.В. Маршал Говоров. М, 1970. С. 69.

93

Оборона Ленинграда, 1941—1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968. С. 114.

Жданов Н.Н. Огневой щит Ленинграда. М., 1965. С. 64—65.

Лукницкий П.Н. Ленинград действует… М., 1971.

Жданов Н.Н. Огневой щит Ленинграда. М, 1965. С. 64—65.

Лисичкин И. Молчун с золотым сердцем. К 110-летию со дня рождения маршала Л.А. Говорова// Санкт-Петербургские ведомости. 2007.22 февраля.

Лисичкин И. Указ. соч.

99

Оборона Ленинграда, 1941—1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968. С. 65.

100

Винницкий Л. Страницы его жизни // Маршал Говоров. К 100-летию со дня рождения. М., 1997. С. 241.

Бычевский Б.В. Маршал Говоров. М., 1970. С. 63.

Жданов Н.Н. Огневой щит Ленинграда. М., 1965. С. 64—65.

Барабашин И.Л. и др. Битва за Ленинград. С. 158.

Бычевский Б.В. Маршал Говоров. М., 1970. С. 66.

Лукницкий П.Н. Ленинград действует… М., 1971.

Кузнецов Н.Г. Осажденный Ленинград и Балтийский флот // Вопросы истории, 1965. № 8.

107

Синявская наступательная операция // www.leninbat. spb.ru

Шевердалкин П.Р. Героическая борьба ленинградских партизан. Л., 1959.

Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М.-СПб., 2004.

Синявская наступательная операция // www.leninbat. spb.ru

Бычевский Б.В. Маршал Говоров. М., 1970. С. 87.

Бычевский Б.В. Указ. соч. С. 87.

113

Синявская наступательная операция // www.leninbat. spb.ru

Синявская наступательная операция // www.leninbat. spb.ru

См.: *Манкевич А.И.* Бой у острова Сухо. М., 1958.

Кузнецов Н.Г. Осажденный Ленинград и Балтийский флот // Вопросы истории, 1965. № 8.

117

Невское время. 2007. 20 февраля.

118

Лисичкин И. Молчун с золотым сердцем. К 110-летию со дня рождения маршала Л.А. Говорова// Санкт-Петербургские ведомости. 2007.22 февраля.

119

Великая Отечественная война. 1941—1945. Т. 2. М., 1999. С. 202.

Указ. соч. С. 198.

121

Великая Отечественная война. 1941-1945. Т. 2. М, 1999. С. 198.

Указ. соч. С. 198; *Бычевский Б.В.* Маршал Говоров. М., 1970. С. 95.

123

Великая Отечественная война. 1941—1945. Т. 2. М., 1999. С. 198.

Ярхунов В.М. Через Неву (67-я армия в боях по прорыву блокады Ленинграда). М., 1960.

125

Великая Отечественная война. 1941—1945. Т. 2. М., 1999. С. 198.

Непокоренный Ленинград. Л., 1970.

127

Шевердалкин П.Р. Героическая борьба ленинградских партизан. Л., 1959; Великая Отечественная война. 1941—1945. Т. 2. М., 1999. С. 199.

Непокоренный Ленинград. Л., 1970.

129

Великая Отечественная война. 1941—1945. Т. 2. М., 1999. С. 438.

130

Указ. соч. С200.

Указ. соч. С. 438-439.

Указ. соч. С. 199.

133

Буров А.В. Блокада: день за днем. 22.VI.1941 года — 27.1.1944 года. Л., 1979. С. 276-287.

Великая Отечественная война. 1941—1945. Т. 2. М., 1999. С. 203.

135

Указ. соч. С.203.

Великая Отечественная война. 1941—1945. Т. 2. М., 1999. С. 439-440.

137

Указ. соч. С. 203.

Указ. соч. С.204.

139

Оборона Ленинграда, 1941—1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968. С. 123.

140

Великая Отечественная война. 1941—1945. Т. 2. М., 1999. С. 204.

141

Великая Отечественная война. 1941—1945. Т. 2. М., 1999. С. 204.

Указ. соч. С. 204.

Бычевский Б.В. Маршал Говоров. М., 1970.

Великая Отечественная война. 1941—1945. Т. 2. М, 1999. С. 205.

145

Великая Отечественная война. 1941-1945. Т. 2. М, 1999. С. 205.

Указ. соч. С.205.

147

См.: *Хоупт В.* Группа армий «Север». Бои за Ленинград. 1941-1945. М., 2005.

148

Указ. соч. С206.

149

Указ. соч. С. 206.

150

Великая Отечественная война. 1941-1945. Т. 2. М, 1999. С. 206.

Указ. соч. С. 207.

Указ. соч. С.207.

153

Указ. соч. С.209.

Указ. соч. С.209.

См.: *Чероков В.С.* Для тебя, Ленинград. М., 1978.

Бычевский Б.В. Маршал Говоров. М., 1970. С. 104.

157

Великая Отечественная война. 1941-1945. Т. 2. М., 1999. С. 211.

Шигин Г.А. Битва за Ленинград: крупные операции, «белые пятна», потери. М.-СПб., 2005. С. 292.

159

Великая Отечественная война. 1941—1945. Т. 2. М., 1999. С. 210.

160

Указ. соч. С210.

Бычевский Б.В. Маршал Говоров. М., 1970. С. 111.

Непокоренный Ленинград. Л., 1970.

163

Правда, 1949, 27 января.

Федюнинский И.И. Поднятые по тревоге. М., 1961.

Бычевский Б.В. Маршал Говоров. М., 1970. С. 112.

Бычевский Б.В. Указ. соч. С. 117; *Казаков М.* Великая победа над Ленинградом // Военно-исторический журнал. 1964. № 1. С. 12.

Федюнинский И.И. Поднятые по тревоге. М., 1961.

Непокоренный Ленинград. Л., 1970.

Федюнинский И.И. Поднятые по тревоге. М., 1961.

Бычевский Б.В. Указ. соч. С. 112,113-114.

Непокоренный Ленинград. Л., 1970.

Великая Отечественная война. 1941—1945. Т. 3. М., 1999. С. 22.

Непокоренный Ленинград. Л., 1970.

Бычевский Б.В. Указ. соч. С. 118-119.

Исторический архив. 1959. № 2. С. 83.

Федюнинский И.И. Поднятые по тревоге. М., 1961.

Непокоренный Ленинград. Л., 1970.

Федюнинский И.И. Указ. соч.

179

Цит. по: Великая Отечественная война. 1941—1945. Т. 3. М., 1999. С. 23.

Указ. соч. С. 24, 25.

Федюнинский И.И. Поднятые по тревоге. М., 1961.

Бычевский Б.В. Маршал Говоров. М., 1970. С. 126.

Федюнинский И.И. Поднятые по тревоге. М., 1961.

Федюнинский И.И. Указ. соч.

Непокоренный Ленинград. Л., 1970.

Жданов Н.Н. Огневой щит Ленинграда. М., 1965. С. 64—65.

Бычевский Б.В. Маршал Говоров. М., 1970. С. 128,

Новгородско-Лужская наступательная операция // www.leninbat.spb.ru

Великая Отечественная война. 1941—1945. Т. 3. М., 1999. С. 25.

Бычевский Б.В. Маршал Говоров. М., 1970. С. 128.

Бычевский Б.В. Указ. соч. С. 128.

Бычевский Б.В. Маршал Говоров. М., 1970. С. 129.

Красносельско-Ропшинская операция // www. leninbat. spb.ru

Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975. С. 103-104.

Великая Отечественная война. 1941-1945.Т. 3. М, 1999. С. 25.

Великая Отечественная война. 1941—1945. Т. 3. М., 1999. С. 26.

197

Указ. соч. С. 26.

Указ. соч. С. 26.

199

Великая победа советских войск под Ленинградом. Л., 1945. С. 107-108.

Очерки истории Ленинграда. Т. V. С. 428.

Непокоренный Ленинград. Л., 1970.

Ален У.Э.Д., Муратов П.П. Русские кампании германского вермахта. 1941-1945. М., 2005. С. 268-269.

203

Хаупт В. Группа армии «Север». Бои за Ленинград. 1941-1945. М, 2005. С. 156.

Великая Отечественная война. 1941—1945. Т. 3. М, 1999. С. 28.

Ален У.Э.Д., Муратов П.П. Русские кампании германского вермахта. 1941-1945. М., 2005. С. 269.

Шигин Г.А. Битва за Ленинград: крупные операции, «белые пятна», потери. М.-СПб., 2005. С. 293; Великая Отечественная война. 1941-1945. Т. 3. М., 1999. С. 31.

Великая Отечественная война. 1941—1945. Т. 3. М., 1999. С. 31.

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны: от Сталинграда до Берлина. М., 2005.

Бычевский Б.В. Указ. соч. С. 143.

Барбашин И.П. и др. Битва за Ленинград, 1941—1944. С. 421,422,495.

Бычевский Б.В. Маршал Говоров. М, 1970. С. 142—143.

Бычевский Б.В. Указ. соч. С. 143.

213

Erfurth W. Der finische Krieg 1941-1944. Wiesbaden, 1950. S. 227.

214

Оборона Ленинграда 1941 —1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968. С. 136.

Непокоренный Ленинград. Л., 1970.

Цит. по.: Оборона Ленинграда 1941—1944. С. 117.

Бычевский Б.В. Маршал Говоров. М., 1970. С. 148.

Шигин Г.Л. Битва за Ленинград: крупные операции, «белые пятна», потери. М., 2005. С. 267—268.

219

Шигин Г.Л. Указ. соч. С. 268-269.

Бычевский Б.В. Указ. соч. С. 149.

Непокоренный Ленинград. Л., 1970.

Шигин Г.Л. Указ. соч. С. 269.

223

Великая Отечественная война. 1941—1945. Т. 3. М., 1999. С. 155.

Бычевский Б.В. Маршал Говоров. М., 1970. С. 151.

225

Великая Отечественная война. 1941—1945. Т. 3. М., 1999. С. 155.

Бычевский Б.В. Маршал Говоров. М., 1970. С. 153.

Бычевский Б.В. Указ. соч. С. 153.

Бычевский Б.В. Указ. соч. С. 155.

229

Великая Отечественная война. 1941—1945. Т. 3. М., 1999. С. 164.

Указ. соч. С. 164-165.

231

Указ. соч. С. 165.

Прагер А. Моонзундская десантная операция 27 сентября — 24 ноября 1944 года//http://www.weltkrieg.ru/battles/Moonzunds/; *Курчатов И.* Освобождение Советской Эстонии. Таллин, 1945.

233

Там же.

Там же.

235

Там же.

Великая Отечественная война. 1941—1945. Т. 3. М., 1999. С. 165.

Бегинин О. Прибалтийская операция, 1944 год//http://www.weltkrieg.ru/battles/Moonzunds.

Еременко А.И. Годы возмездия. 1943—1945. М, 1985.

Сандалов Л.М. Указ. соч. С. 111-113.

240

Хаупт В. Группа армий «Север». Бои за Ленинград. 1941-1945. М, 2005. С. 279-280.

Бегинин О. Прибалтийская операция, 1944 год // ttp:// www.weltkrieg.ru/battles/Moonzunds.

Прагер А. Моонзундская десантная операция 27 сентября — 24 ноября 1944 года // http://www.weltkrieg.ru/battles/Moonzunds/.

243

Великая Отечественная война. 1941—1945. Т. 3. М., 1999. С. 155.

Сандалов Л.М. Трудные рубежи. М.,1965. С. 140—141.

Великая Отечественная война 1941—1945. Кн. 3. Освобождение. М., 1999. С. 170.

Цит. по: *Гонкевич В.М.* Конец группы «Норд». Л., 1965. С. 182-217.

Иванов А. Леонид Говоров: от репетитора до маршала // Вечерняя Елабуга. 2007.28 февраля.

Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943-1945 гг.). Т. 13 (2-3). М., 1997.

См.: *Суворов В.* Беру свои слова обратно. Донецк, 2007.

Шигин Г.А. Битва за Ленинград: крупные операции, «белые пятна», потери. М.-СП6., 2005. С. 295-296.

251

Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца. Сборник документов и материалов. М., 2000. С. 270—276.

Гареев М. Маршал Говоров // Русская цивилизация. 2005.25 июля.

253

Невское время. 2007. 20 февраля.

Кузин В. «Я сделал, что смог» // Из жизни маршала Советского Союза Л. Говорова // Новая Россия. 1997. № 2.

Мелуа А.И. Блокада Ленинграда. М. —СПб., 1999. С. 131.